

Салдугеев, Дмитрий Владимирович

**Чехословацкий корпус и небольшевистские
правительства Поволжья, Урала и Сибири:
проблемы взаимоотношений**

Москва

Российская государственная библиотека

Салдугеев, Дмитрий Владимирович.

*Чехословацкий корпус и меньшевистские
правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы
взаимоотношений [Электронный ресурс] : 1918-1920 гг. :
дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. - Челябинск: РГБ, 2007. -
(Из фондов Российской Государственной Библиотеки).*

Отечественная история

Полный текст:

<http://diss.rsl.ru/diss/07/0201/070201021.pdf>

**Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в
фонде РГБ:**

Салдугеев, Дмитрий Владимирович

***Чехословацкий корпус и меньшевистские
правительства Поволжья, Урала и Сибири:
проблемы взаимоотношений***

Челябинск 2006

61:07-7/263

Челябинский государственный юридический университет

Кафедра истории, социологии и права

На правах рукописи

Салдугеев Дмитрий Владимирович

**ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС
И
НЕБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА И
СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1918–1920 гг.)**

Специальность 07. 00. 02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Худобородов А.Л.

Челябинск – 2006

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

ВВЕДЕНИЕ.....	3–25
----------------------	-------------

ГЛАВА I. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА И ПРАВИТЕЛЬСТВ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ».....	26–138
---	---------------

1.1. Вооружённое выступление Чехословацкого корпуса против советской власти весной–летом 1918 г.	26–71
--	-------

1.2. Проблемы сотрудничества Чехословацкого корпуса с правительством Комуча и Временным областным правительством Урала (июнь – ноябрь 1918 г.).....	72–110
---	--------

1.3. Проблемы взаимодействия Чехословацкого корпуса с Временным Сибирским правительством и Временным всероссийским правительством (июнь – ноябрь 1918 г.).....	110–138
--	---------

ГЛАВА II. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА А.В. КОЛЧАКА И ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА (НОЯБРЬ 1918 – ФЕВРАЛЬ 1920 гг.).....	139–175
--	----------------

2.1. Реакция Чехословацкого корпуса на приход к власти правительства А.В. Колчака.....	139–146
---	---------

2.2. Проблемы взаимоотношений правительства адмирала А.В. Колчака и Чехословацкого корпуса (ноябрь 1918 – февраль 1920 гг.).....	146–175
---	---------

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	176–183
------------------------	----------------

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	184–203
--	----------------

ПРИЛОЖЕНИЯ.....	204–230
------------------------	----------------

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории революции и Гражданской войны в России всегда являлось одним из самых актуальных и приоритетных направлений в отечественной историографии. За событиями 1917–1920 гг. прочно закрепилось особое место в истории России. Они подвели итог многовековому развитию России и в то же время определили её судьбу на последующие десятилетия. Поэтому их решающее значение для отечественной истории XX столетия уже давно никем не оспаривается, хотя и не вызывает однозначной оценки. Глобальные изменения последнего времени, поставившие перед современным российским обществом комплекснейших экономических, социальных, политических, идеологических и военных задач, требуют всестороннего осмысления имеющегося исторического опыта. Привлекая к событиям и процессам Гражданской войны все более пристальное внимание, они постепенно превращают её в одно из наиболее приоритетных направлений научных исторических исследований. Установление власти большевиков в России сопровождалось многолетней и жестокой борьбой между сторонниками осуществления социального эксперимента и его противниками. Эта борьба сводилась не только к вооружённому противоборству сторон. Гражданская война – это также конфликт политических сил, социальных группировок, экономических интересов. Поэтому в истории Гражданской войны в России особое значение имеет внутренняя политика противостоящих друг другу режимов.

Во второй половине 1918–1920 гг. на окраинах России возникли контрреволюционные правительства. Они не только наиболее четко выразили интересы антибольшевистского лагеря, но и попытались реализовать их на практике. Изучение исторического опыта деятельности этих правительств позволяет решить три важнейшие задачи. Во-первых, понять какие социальные, политические и экономические тенденции они стремились реализовать. Во-вторых, определить, являлись ли их органы

государственной власти реальной альтернативой большевистской диктатуре. В-третьих, выделить факторы, предопределившие поражение лагеря «белых» в Гражданской войне.

Современные процессы, протекающие в обществе в целом и в науке, в частности, выдвигают вопросы, связанные с ростом практического исследовательского интереса, способствующего правильному выбору дальнейшего исторического пути развития страны. В плане попытки осуществления реальной демократической альтернативы крайним вариантам, представленным партией большевиков и белым движением, наиболее актуальным представляется рассмотрение восточного региона России.

Явление «демократической контрреволюции», определявшее собой его специфику в период зимы-осени 1918 г., получило здесь наиболее чистое воплощение в виде правительственных образований социалистических партий. Противники большевистской революции в Поволжье, на Урале и в Сибири первоначально выступали под лозунгами «чистой демократии», попытавшись проводить в области государственного и военного строительства своеобразную политику «третьего пути». Несмотря на относительно короткий период их существования, они заслуживают самого пристального изучения как единственная в своём роде попытка «третьей силы» реализовать в условиях Гражданской войны альтернативный крайним государственно-политическим формам вариант, получивший наименование «демократической диктатуры».

Радикальные изменения, произошедшие в последнее время в отечественной исторической науке, свидетельствуют о становлении новой исследовательской традиции, основанной на органическом синтезе лучших достижений советской, эмигрантской, современной отечественной и зарубежной историографии и сосредоточении внимания на изучении ранее игнорировавшихся специальных вопросов. Между тем, несмотря на признание проблемы взаимоотношений небольшевистских правительств с иностранными военными формированиями на востоке России важной,

вплоть до настоящего времени она не получала достаточного и всестороннего освещения. В советской историографии рассмотрение этих вопросов чаще всего подменялось анализом боевых действий на восточном фронте. Эмигрантская историография также оказалась лишена попыток целостного рассмотрения процесса взаимоотношений небольшевистских правительств с Чехословацким корпусом, сосредоточившись на рассмотрении в первую очередь политических вопросов взаимоотношения гражданской и военных властей. Западная историография проблемы военного характера была вынуждена игнорировать по причине отсутствия необходимых источников. Наконец, современная отечественная историография, выдвинув изучение небольшевистских правительств в качестве одного из приоритетных, в конечном итоге привела к изначальному доминированию отдельных специальных вопросов при отсутствии комплексного подхода к изучению процессов взаимоотношений небольшевистских правительств и иностранных военных формирований.

В итоге анализ современной политико-идеологической и научно-исследовательской ситуации в России позволяет сделать вывод о том, что настоящее исследование обладает достаточной общественно-политической и научной актуальностью.

Предмет исследования диссертации условия возникновения и формирования Чехословацкого корпуса в России и его взаимоотношения с основными правительственными образованиями восточного региона России в период существования там режима «демократической контрреволюции» и правительства адмирала А.В. Колчака.

Объектами изучения являются Чехословацкий корпус, Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), Западно-Сибирский Комиссариат (ЗСК), Временное областное правительство Урала (ВОПУ), Временное Сибирское правительство (ВСП), а также Временное всероссийское правительство (ВВП) и правительство адмирала А.В. Колчака.

Цель исследования состоит в изучении взаимоотношений

Чехословацкого корпуса и правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири, а также правительства А.В. Колчака в период с мая 1918 по февраль 1920 года как системы экономических, социальных, политических, идеологических и военных мероприятий для выявления общих и отличительных черт в их взаимоотношениях.

Задачами диссертации являются:

- Раскрыть процесс формирования Чехословацкого корпуса, его место и роль в Гражданской войне и иностранной интервенции в России.
- Определить цели, задачи, принципы, содержание и направленность взаимоотношений Чехословацкого корпуса с правительствами «демократической контрреволюции» и правительством адмирала Колчака.
- Проанализировать влияние на процесс взаимоотношений Чехословацкого корпуса и небольшевистских правительств рассматриваемых регионов местной специфики, экономического, социального, демографического, политического, идеологического, стратегического и военного факторов.
- Представить сравнительный анализ процесса взаимоотношений отдельных правительств «демократической контрреволюции» и правительства А.В. Колчака с Чехословацким корпусом.

Хронологические рамки работы охватывают период с мая 1918 г. по февраль 1920 г. Его нижней границей является май 1918 года, когда части Чехословацкого корпуса втягиваются в Гражданскую войну и показывают себя реальной военной силой на востоке России, с которой приходится считаться небольшевистским правительствам, верхняя граница – это февраль 1920 года, время когда происходит падение правительства Колчака, а эвакуация Чехословацкого корпуса из России принимает необратимый характер.

Географические рамки исследования обусловлены предметом и включают в себя Поволжье, Урал и Сибирь, условно разделяемые на Урало-

Поволжский (Комуч) и Урало-Сибирский регионы (ВОПУ и Временное Сибирское правительство). Согласно прежнему административному делению первый охватывает территории Средней (Самарская, Симбирская и Пензенская губернии) и частично Верхней (Казанская губерния) Волги, а также Южный Урал (Оренбургская и Уфимская губернии); второй включает в себе территории Северного Урала (Пермская губерния), Западной, Степной и Средней – (Тобольская, Томская, Алтайская губернии и Акмолинская область) Сибири, к последней в силу необходимости примыкают не являющиеся объектом самостоятельного рассмотрения территории Дальнего Востока (Амурская, Забайкальская и Приморская области).

Методологическая основа исследования. Целостный подход к теме исследования потребовал разнообразных методов познания: общенаучных, частных, теоретических и эмпирических. При работе над диссертацией использовались основополагающие принципы исторической науки – историзм и объективность. Принцип объективности был реализован через комплексный анализ сопоставления различных источников и научных исследований, через опору на достоверные и подтверждённые факты. Принцип историзма, предполагающий установление общих закономерностей развития и взаимосвязи процессов и явлений, позволил рассмотреть предмет исследования – условия формирования Чехословацкого корпуса в России и его взаимоотношения с небольшевистскими правительствами Поволжья, Урала и Сибири – в развитии и в неразрывной связи с социально-экономическими и военно-политическими процессами в жизни страны.

Данное исследование опирается на концепцию модернизации. Её разработчики и приверженцы рассматривают её как «процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие государственные институты адаптируются к быстро меняющимся функциям»¹. Этот процесс проявляется в области управления государством, экономике, изменениях в социальной и

¹ Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиции // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург, 1998. – С.8; Голубев А.В. Россия, век XX ... // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С.80-81.

культурной сфере. Условия войны – это особый период в жизни любого государства. В конце XIX–начале XX в. войны выступали одним из факторов модернизации, так как наряду с разрушительными последствиями, они давали толчок созидającym процессам внутри конфликтующих сторон¹. Это утверждение применимо и к нашему исследованию.

Степень изученности проблемы Несмотря на то, что среди проблематики, связанной с изучением Гражданской войны в России, фактору иностранной интервенции уделялось большое внимание, процессы в антибольшевистском лагере были обделены достаточным вниманием. Можно сказать, что эти вопросы были лишены последовательного и системного изучения.

В историографии проблемы выделяется четыре основных периода.

Первый период (1918 – конец 1920-х гг.) характеризуется преобладанием военно-исторической тематики: предпринимались серьёзные и в ряде случаев успешные попытки осветить общую картину военных действий в целом по стране и проанализировать события в отдельных регионах. Восточный регион рассматривался в трудах А.Н. Анишева², Н.Е. Какурина³. Последний в законченном виде представил логику разработки военных вопросов: отталкиваясь от социально-политической обстановки, автор выделил политический (возникновение антисоветских правительств) и военный (создание ими вооружённых сил) факторы возникновения вооружённого противоборства сторон. Первый анализ военно-политических событий на Средней Волге был представлен в брошюрах Г. Лелевича (Л. Могилевского), И.А. Колесникова и статье В. Быстрянского⁴. Авторы данных работ считали роль Чехословацкого корпуса решающей в поддержке и обеспечении устойчивости

¹ См.: Жук А.В. Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы первой мировой войны // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2000. – № 5-6. – С.341.

² Анишев А.Н. Очерк истории Гражданской войны: 1917–1920. – Л., 1925.

³ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М.-Л., 1926.

⁴ Лелевич Г. (Л. Могилевский). В дни Самарской учредилки. – М., 1921; Колесников И.А. Военные действия на территории Самарской губернии в 1918–1921 гг. – Самара, 1927; Быстрянский В. Из истории мелкобуржуазной контрреволюции // Книга и революция. – М., 1923. – № 3.

«демократических» режимов. Событиям в Сибири были посвящены работы П.С. Парфёнова, В.В. Максакова и А.Н. Турунова¹. Сибирский историк В.Д. Вегман² начинает разработку местного материала. Своё внимание он акцентирует на изучении Сибирского антибольшевистского подполья и военной деятельности партии эсеров. Попытка соединить рассмотрение политического и военного аспектов «демократической контрреволюции» была предпринята в исследовании В. Владимировой³. Возникновение, развитие и падение «демократических» режимов в Поволжье и Сибири здесь рассматривалось сквозь призму деятельности партии социалистов-революционеров (ПСР); в этом же плане происходило освещение их взаимоотношений с Чехословацким корпусом.

Второй период (начало 1930 – середина 1950-х. гг.) Утверждение в исторической науке концепции «Краткого курса ВКП (б)» приводит к появлению идеологически выдержанных научных направлений. Этот период был отмечен попыткой выработать общую концепцию и методологию изучения Гражданской войны. В связи с этим разворачивается изучение её региональных особенностей. Идеологическое осмысление сущности «демократической контрреволюции» (термин был введён в 1923 году И.М. Майским) было представлено в сборнике публицистических статей Е.М. Ярославского⁴. В 1932 г. выходит в свет работа Ф.Г. Попова⁵, к сходным проблемам обращается В.В. Гармиза⁶. Внимание обоих исследователей сосредоточивается на истории Комуча; в своих трудах ими впервые была представлена политика правительства Комуча, в том числе его взаимоотношения с Чехословацким корпусом. Роль чехословаков и их влияние на развитие военных и политических процессов к востоку от Волги

¹ Парфёнов П.С. Гражданская война в Сибири. – М., 1925; Максаков В.В., Турунов А.Н. Хроника гражданской войны в Сибири. – М., 1926.

² Вегман В.Д. Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. // Сибирские огни. – Новосибирск, 1928. – № 1. – С.15-25.

³ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. – М.-Л., 1927.

⁴ Ярославский Е.М. Третья сила. – М., 1932.

⁵ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.-Самара, 1932.

⁶ Гармиза В.В. Из истории Самарской учредилки // Исторический журнал. – М., 1940. – № 6. – С.33-44.

стали предметом рассмотрения В.В. Хрулёва¹. Военным действиям на Восточном фронте в период осени-зимы 1918–1919 гг. посвящены труды А. Фёдорова и О.Ф. Огородникова². Оба автора, рассматривая период весны 1919 г., обращались к предшествовавшим ему событиям осени 1918 г.

Третий период (2 половина 1950 – середина 1980-х гг.) вызванный к жизни политической «оттепелью», характеризуется расширением изучения прежде всего региональной проблематики. Появляются новые труды общего характера: монографии И.Б. Берхина, Н.Ф. Кузьмина и И.И. Минца³. Методологические приёмы, системы анализа и основные выводы приобретают в этих работах законченный характер. Применительно к антибольшевистскому лагерю вопросы военного характера рассматриваются преимущественно в сочетании социально-политического и боевого факторов существующих вооружённых сил. С этих позиций данный вопрос относительно Урала рассматривается в работе П.С. Лучевникова и коллективной монографии уральских исследователей⁴, Поволжья – в монографиях А.П. Ненарокова, Е.И. Медведева⁵, Сибири – в работах М.А. Гудошникова, А.И. Крушанова⁶.

Отдельные аспекты и теоретические положения военной и военно-политической деятельности главной силы «третьего пути» – партии социалистов-революционеров – получают своё освещение в исследованиях К.В. Гусева, М.В. Спириной⁷.

Правый фланг – кадеты – рассматриваются в трудах Н.Г. Думовой и

¹ Хрулёв В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М., 1940.

² Огородников О.Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г. – М., 1938; Фёдоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. – М., 1939.

³ Берхин И.Б. Разгром империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны (1918–1920). – М., 1958; Кузьмин Н.Ф. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. – М., 1977; Минц И.И. Год 1918-й. – М., 1982.

⁴ Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале: 1918–1919 гг. – Челябинск, 1958; Васильковский О.А., Молодцыгин М.А., Ниренбург Я.Л., Плотников Н.Ф., Скробов В.С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. – Свердловск, 1969.

⁵ Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918 год. – М., 1969; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). – Саратов, 1974.

⁶ Гудошников М.А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири. – Иркутск, 1959; Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток, 1962.

⁷ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. – М., 1975; Спирина М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. – М., 1987.

Л.М. Спирина¹, останавливающих на их роли в постепенном сползании «демократической контрреволюции» к военной диктатуре. Первым опытом создания обобщающей работы на эти темы явилась монография Л.М. Спирина². В ней автор успешно соединил анализ эволюции антибольшевистской государственности, партийного состава власти, социальной опоры «демократических» режимов и вытекающих из этого особенностей взаимоотношений с Чехословацким корпусом. Постепенно укрепляется интерес к военно-политической истории восточного региона. Попытка разработать общую теорию вопроса была предпринята К.В. Гусевым³, но в его работе не были затронуты вопросы, связанные с взаимоотношениями Чехословацкого корпуса и небольшевистских правительств. В дальнейшем основными объектами изучения становятся главные государственные образования «демократической контрреволюции». Эволюция сибирских правительств получила освещение в работах С.Г. Лившица⁴. Самарский Комуч, его организацию и деятельность продолжает исследовать Ф.Г. Попов⁵. Изучение деятельности эсеровских правительств было проведено в фундаментальном исследовании В.В. Гармизы⁶. Задача сравнительного анализа процессов на Волге и в Сибири осуществлялась лишь в политическом плане, примером чего служит монография Г.З. Иоффе⁷. Обе они содержат наиболее последовательный и детальный анализ расстановки сил на востоке страны в период 1918 г. Основной задачей этих работ является доказательство несостоятельности «третьего пути» и неизбежности его замены военной диктатурой.

Также продолжается изучение истории формирования Чехословацкого

¹ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром. (Октябрь 1917–1920 гг.). – М., 1982; Спирина Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. – М., 1977.

² Спирина Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). – М., 1968.

³ Гусев К.В. История демократической контрреволюции в России. – М., 1973.

⁴ Лившиц С.Г. Крах «Временного правительства Автономной Сибири» // Вопросы истории. – М., 1974. – № 8. – С.87-99; Он же. Временное Сибирское правительство (июнь–ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории. – М., 1979. – № 12. – С.98-108.

⁵ Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром Самарской учредилки. – Куйбышев, 1959; Он же. 1918-й год в Самарской губернии. Хроника событий. – Куйбышев, 1972.

⁶ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – М., 1970.

⁷ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – М., 1983.

корпуса и той роли, которую он сыграл в событиях на востоке России весной-осенью 1918 г. и в 1919–1920 гг. Исследованию этого вопроса посвящена работа П. Голуба¹, в которой рассматривается процесс вовлечения чехословаков в Гражданскую войну на стороне советской власти. Изучает деятельность Чехословацкого корпуса в России и А.Х. Клеванский². Оценивая степень его военно-политического влияния в регионе, прослеживая взаимоотношения с небольшевистскими правительствами и их вооружёнными силами, эти исследователи приходили к обоснованному выводу о доминирующей роли чехословаков в возможности возникновения и достаточно длительного существования «демократических» режимов к востоку от Волги. Проблемы организации антибольшевистских вооружённых сил осенью 1918 г. поднимаются Г.Х. Эйхе³.

Окончательно сложившаяся к середине 1980-х гг. советская историческая концепция Гражданской войны получила своё завершение в фундаментальных трудах⁴, наиболее ярко воплотивших в себе все достижения и недостатки исторической науки в СССР.

Началом современного периода развития историографии рассматриваемой проблематики можно считать появление работ полемического характера, среди которых выделяется статья Ю.А. Полякова⁵. Здесь впервые был поставлен вопрос о недостаточности исследований по истории антибольшевистского лагеря. Немногочисленные обобщающие труды по данному вопросу носят преимущественно историографический характер; среди них необходимо отметить монографию В.Г. Тормозова, коллективный труд В.А. Бордюгова, А.И. Ушакова и В.Ю. Чуракова⁶, а также

¹ Голуб П.А. Братство, скреплённое кровью. (Чехословацкие рабочие и крестьяне на защите завоеваний Октября в России в 1917-1920 гг.). – М., 1958.

² Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. – М., 1965.

³ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. – М., 1960; Он же. Опрокинутый тыл. – М., 1966.

⁴ Гражданская война в СССР: В 2 т. – М., 1980; Гражданская война и военная интервенция в СССР // Энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. С.С. Хромов. – М., 1987.

⁵ Поляков Ю.А. Гражданская война в России. Поиски нового видения // Отечественная история. – М., 1990. – № 6. – С.23–35.

⁶ Тормозов В.Г. Белое движение в Гражданской войне: 80 лет изучения. – М., 1998; Бордюгов В.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. – М., 1998.

статью Ю.Н. Ципкина¹. В этих работах авторами был представлен обстоятельный и всесторонний анализ современного состояния исследований антибольшевистского движения, борьбы различных тенденций в исторической науке, и предпринята попытка выработки взвешенной концепции на основе синтеза лучших достижений советской, эмигрантской, современной отечественной и зарубежной историографии.

Значимый пласт исследований альтернативной государственности составляют труды М.В. Шиловского², посвященные истории уникального явления Сибирского областничества, его истокам, организации, идеологии и месту в антибольшевистском лагере. Вопросам организации местного самоуправления и его роли в структуре государственных органов посвящены работы В.Г. Балковой, Т.В. Мальцевой и А.А. Мышанского³.

Пристальное внимание уделяется личности адмирала А.В. Колчака, по интересующему нас временному отрезку выделяются труды К.А. Богданова и И.Ф. Плотникова⁴.

Накопление материалов об участниках белого движения привело к попыткам создания биографических энциклопедических справочников, одним из которых является труд В.В. Клавинга⁵. Попытка создать своего рода энциклопедический справочник по всем существующим частям белых армий была предпринята С.В. Волковым⁶. В нём автору удалось в предельно сжатом виде систематизировать практически весь доступный опубликованный материал относительно истории и состава всех

¹ Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири и на Дальнем Востоке в современной российской исторической литературе // История Белой Сибири. – Ч.4. – Кемерово, 2001. – С.13-18.

² Шиловский М.В. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу // Сибирь в период Гражданской войны. – Кемерово, 1995. – С.5-15; Он же. Сибирская областная дума // История Белой Сибири. – Кемерово, 1995. – С.23-26.

³ Балковая В.Г. Украшение фасада режима: буржуазные органы местного самоуправления Приморья в условиях становления военной диктатуры (июль-ноябрь 1918 г.) // Россия и АТР. – Омск, 1993. – № 3. – С. 20-26; Мальцева Т.В. Роль земства в общественной жизни Сибири в годы Гражданской войны // История Белой Сибири. – Кемерово, 1995. – С. 90-93; Мышанский А.А. Восстановление деятельности земских учреждений в 1918 г. в Сибири // История Белой Сибири. – Кемерово, 2001. – Ч.4. – С. 67-70.

⁴ Богданов К.А. Адмирал Колчак. – СПб., 1993; Плотников И.Ф. А.В. Колчак. Жизнь и деятельность. – Ростов-на-Дону, 1998; Он же. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. – М., 2002.

⁵ Клавинг В.В. Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917–1923). – СПб., 1998.

⁶ Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. – М., 2000.

вооруженных формирований, начиная с самих армий и заканчивая отдельными полками.

Не ослабевает также внимание к Чехословацкому корпусу и его роли в событиях 1918–1920 гг. Проблемам, касающимся причин его выступления против советской власти в мае 1918 г., его взаимоотношений с небольшевистскими правительствами и их армиями, а также новым данным о его политической и военной организации посвящен ряд монографий, научных статей¹ и диссертаций².

Вместе с работами отечественных российских историков целостное видение проблемы позволяет составить и эмигрантская историография. Основной массив работ исследователей эмиграции вышел в свет в конце 1920-1930-х гг., но затем публикации прервались, и вновь продолжились только в 1960-х. Для эмигрантской историографии прежде всего характерно обращение к таким проблемам, как анализ причин поражения антибольшевистского лагеря в государственно-политическом и военном плане. Из трудов, рассматривающих проблемы взаимоотношений Чехословацкого корпуса с небольшевистскими правительствами восточного региона страны, выделяются труды С.П. Мельгунова и генерала

¹ См.: Голуб П. Мятёж, который сверг Россию в Гражданскую войну // Диалог. – 1996. – № 7. – С.57-71; Он же. Мятёж, взорвавший Россию. – М., 2003; Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С.7-24; Левчук А.П. Ещё раз о «проданном корпусе»: (К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // В кн.: Из истории революций в России первая четверть XX в.: Вып.2. – Томск, 1996. – С.67-89; Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 2000. – № 7. – С.5-17; 2000. – № 8. – С.5-21; Перебейнос Е.В. Причины выступления Чехословацкого корпуса (новые подходы) // Исторические чтения: Материалы науч. регион. конф. «Крушение царизма и Гражданская война на Урале». – Челябинск, 1998. – Вып.4. – С.70-74; Трухан Г.А. Антибольшевистские правительства России. – М., 2000; Юрченко В. Мятёж, которого не было // Родина. – М., 1994. – № 1. – С.28-34.

² Берсенёва И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политцентр» (ноябрь 1919 – январь 1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995; Валиахметов А.П. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005; Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 года: Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1995; Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001; Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны: Дис. ... д-ра ист. – Екатеринбург, 1998; Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в мае 1918–1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Ульяновск, 1995; Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 1996; Салазникова С.С. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции»: Январь-ноябрь 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005.

Н.Н. Головина¹. Их работы базируются на опубликованных воспоминаниях, мемуарах, дневниках участников событий; авторы ставят перед собой цель доказать несостоятельность, а во многом и разлагающее влияние военной политики «демократической контрреволюции». Сравнивая антибольшевистские режимы Поволжья и Сибири, они отдают предпочтение последнему, проводя мысль о существующей изначально необходимости установления режима личной власти с опорой на армию. В это же время выходят работы генерала К.В. Сахарова², в которых он подчёркивает враждебность чехословаков по отношению к белому движению и резко осуждает действия легионеров в России. В работах, вышедших за рубежом в последующий период, делается акцент на вопросы, связанные с историей вооруженных сил и их отдельных частей.

Зарубежную историографию представляют две группы исследователей. Первая придерживается точки зрения советских учёных историков³, вторая считает, что вооружённое выступление чехословаков было важным явлением, направленным против пособников германизма и противников демократии⁴. Анализ работ по теме диссертационного исследования позволяет сделать вывод о том, что вплоть до настоящего момента не были предприняты попытки целостного изучения взаимоотношений Чехословацкого корпуса с правительствами «демократической контрреволюции» и правительством А.В. Колчака, поэтому в современной отечественной исторической науке существует необходимость в дальнейших исследованиях этой проблемы.

Источниковая база исследования Несмотря на кажущееся обилие литературы, проблема так и не была поставлена как самостоятельная. Есть

¹ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и Сибири. – Белград, 1930; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. – Пало-Альто, 1937. Ч.2, Кн.4; Ч.3, Кн.7; Ч.4, Кн.8.

² Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен, 1923; Он же. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). – Берлин, 1930.

³ См.: Каржанский Н. Чехословаки в России. – М., 1918; Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. – М., 1922.

⁴ См.: Голечек В. Чехословацкое войско в России. – Иркутск, 1919; Кротохвил Я. Путь революции. – Прага, 1922; Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha; Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России (1914–1920). – Париж-Прага, 1928.

ряд недостатков. Отсутствует сравнительный анализ процесса взаимоотношений правительств Урало-Поволжского региона и Урало-Сибирского с Чехословацким корпусом, степень их связи со стратегическими планами военно-политического руководства и оценка их результатов.

Основную группу источников данной диссертации составляют правительственные документы: декларации, законодательные акты и постановления, а также документы административного делопроизводства: предписания, распоряжения, циркуляры и отчёты центральных, а также местных правительственных органов. Частично документы: партийные программы, обращения, материалы съездов, постановления и резолюции центральных и местных органов, опубликованные выступления их представителей, официальные издания того времени. Сборники законодательных актов: «Приказы Комуча» (Самара. 1918). «Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства», издаваемое Управляющим делами комиссариата (Омск, 1918) и «Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства» (Омск, 1918), а также «Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала» (Екатеринбург, 1918). Периодические издания того времени: «Вестник Комуча», «Волжское слово», «Волжский день» (Самара), «Омский вестник» (Омск), «Сибирская речь» (Томск), «Урал. Орган демократической печати» (Екатеринбург). Значительную часть документов, рассматриваемого периода можно найти в хрестоматиях Г. Лелевича и С.Г. Пионтковского¹. К современным удачным попыткам таких сборников можно отнести коллективную работу С.П. Звягина, Е.В. Лукова и С.Ф. Фомина².

Большое количество материалов дающих представление о рассматриваемой проблеме, находится как в центральных архивах, таких как Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский

¹ Лелевич Г. В дни Самарской учредилки. – М., 1921; Пионтковский С.Г. Гражданская война в России (1918–1921 гг.). – М., 1925.

² Звягин С.П., Луков Е.В., Фокин С.Ф. Документальные источники по истории Белой Сибири // История Белой Сибири. – Кемерово, 1995.

государственный военный архив (РГВА), а также в региональных: Государственный архив Свердловской области (г. Екатеринбург), Государственный архив Самарской области (г. Самара), ГАОО (Государственный архив Омской области, г. Омск), ОГАЧО (Объединённый государственный архив Челябинской области, г. Челябинск). Так, например, в государственном архиве Российской Федерации значительный объём материалов по рассматриваемой проблеме сосредоточен в фонде № 130 - Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР – Совет Министров РСФСР. 1917–1991 гг. В этом фонде особую ценность представляют: документы, связанные с положением на Восточном фронте; переписка Народного комиссариата по военным делам с местными советами о положении дел; материалы об антисоветском выступлении в Поволжье, на Урале и в Сибири Чехословацкого корпуса, действия военных интервентов.

Кроме того, были использованы материалы следующих фондов этого архива: Ф. 176. - Совет министров Временного Сибирского правительства, в котором имеются сведения о взаимоотношениях Чехословацкого корпуса и ВСП; Ф. 200. - Министр иностранных дел Российского правительства 1918–1920 гг.; Ф. 667. - Иностранный отдел при Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания, в нём хранятся материалы о взаимодействии Чехословацкого корпуса с правительством Комуча; Ф. 749. - Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания.

Значительное количество документов, освещающих проблемы взаимоотношений Чехословацкого корпуса с небольшевистскими правительствами, отложилось в Российском государственном военном архиве (РГВА). Ф. 39617. - Штаб Сибирской армии 1918–1919 гг. располагает документами об участии генералов М.В. Ханжина и В.В. Голицына, представителей Чехословацкого корпуса в организации ВОПУ; Ф. 39597. - Военное министерство Всероссийского правительства 1918–1920 гг.; Ф. 39512. - Управление 3 Уральского армейского корпуса 1918 г.

Значительное количество документов отложилось в местных архивах

Уральского региона. Документы ВОПУ хранятся в Государственном архиве Свердловской области. Нами были использованы в основном материалы фондов: Ф.Р-352. - Уральский промышленный комитет при ВОПУ; Ф.Р-569. - Временное областное правительство Урала и его управления; Ф.Р-1951- Управление внутренних дел; Ф.Р-1952. - Управление торговли и промышленности. В Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) были задействованы материалы фонда Истпарта (Ф.Р-41). В материалах этого фонда содержатся протоколы межпартийной комиссии по организации ВОПУ.

Были также рассмотрены материалы, хранящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Наиболее информативные документы обнаружены в фонде Челябинского Истпарта (Ф. 596). В материалах этого фонда содержатся документы о событиях в регионе весной-летом 1918 г., в которых принимали участие части Чехословацкого корпуса.

При рассмотрении процесса взаимоотношений Чехословацкого корпуса и правительства Комуча большую пользу принесло исследование материалов Государственного архива Самарской области. В фондах Ф.Р-402. - Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания; Ф.Р-532. - Уполномоченный министерства земледелия по заготовке хлеба для армии ведомства продовольствия при комитете членов Всероссийского Учредительного собрания хранятся материалы о взаимодействии Комуча и Чехословацкого корпуса при решении военных, политических и экономических вопросов.

Также ценную информацию содержат материалы, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ). В ходе работы были рассмотрены документы из фонда Куйбышевского Истпарта (Ф.3500).

В государственном архиве Омской области, также велось исследование, но, как оказалось, основные материалы по интересующим нас вопросам из него были переданы в центральные архивы.

Второй вид источников – мемуары. Большинство воспоминаний и дневников увидело свет в издательствах русской эмиграции, однако их подборка носила следы тенденциозности и содержала купюры. В целом в эмигрантской мемуаристике прослеживается сильное публицистическое начало. Большинство авторов задаются целью выявить причины поражения антибольшевистского движения в регионе и найти того на кого следует возложить всю тяжесть ответственности. Такая постановка позволяет условно разделить группу на две. К первой относятся – воспоминания политических деятелей – членов региональных правительств, вторую составляют воспоминания офицеров. Надо отметить, что применительно к Поволжью это четко прослеживается у П.Д. Климушкина¹ (Управляющий ведомством внутренних дел Комуча), В.И. Лебедева (член Военного штаба Народной армии), также у И.П. Нестерова, С.Н. Николаева и В.Л. Утгофа². Все они объединены практически абсолютной идентичностью взглядов и позиций авторов, задавшихся целью представить широкие перспективы «третьего пути» во всех областях (в том числе военной) как наиболее реальную в условиях 1918 г. альтернативу большевистской и «белогвардейской диктатуре»: они пронизаны стремлением, оперируя массой фактов оправдаться в понесенном поражении, возложив ответственность на «реакционность буржуазно-помещичьих кругов и враждебность офицерства».

Отличной от этой является лишь точка зрения В.М. Чернова³ одного из лидеров ПСР. Он обвиняет своих коллег в непоследовательности и больших уступках правым политикам и военным кругам, что в итоге и повлекло за собой падение «демократии» на востоке страны.

Отдельно необходимо рассматривать труд бывшего Управляющего

¹ Климушкин П.Д. Перед Волжским восстанием // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 213-233; Он же. Борьба за демократию на Волге в 1918 г. // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. – С. 38-102.

² Нестеров И.П. Перед выступлением на Волге // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 95-111; Николаев С.Н. Возникновение и организация Комуча // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 233-245; Утгоф В. Л. Уфимское Государственное Совещание 1918 года: из воспоминаний участника // Былое. – Петроград, 1921. – № 16. – С. 15-41.

³ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1953.

ведомством труда и единственного социал-демократа в Комуче И.М. Майского¹. Процессам, протекавшим на Волге в 1918 г., здесь даны крайне резкие оценки; особенно подчёркивались негативные стороны и просчёты в проводимой Комучем военной политике, приведшие к гибели ставшего нежизнеспособным режима.

Позиции бывшего офицерства Народной армии являлись резко противоположными. При внешне сходной цели – оправдаться в поражениях – оно страстно желало отмежеваться от политики, объясняя свою службу на Волге мотивами патриотического характера. Подчёркнуто противопоставляя себя эсерам, представители офицерской среды, в свою очередь, целиком возлагали на них вину за разгром Народной армии, приводя в качестве причины грубое вмешательство в область военных вопросов неспособных к реальным делам некомпетентных политиков, а также преклонение последних перед чехословаками. Такое направление характерно для воспоминаний начальника штаба Народной армии полковника С.А. Щепихина², начальника оперативного отдела штаба полковника П.П. Петрова³, строевых офицеров В.О. Вырыпаева, М.А. Мартынова, Ф.Ф. Мейбома, В.М. Молчанова, А.П. Перхурова и А.П. Степанова⁴. Даже более жесткую по сравнению с ними позицию между военными и политиками занимают видные эсеровские военные специалисты В.И. Лебедев и Б.В. Савинков⁵. Первый выступает безусловным апологетом Комуча и Народной армии, рисуя ситуацию в восторженных тонах и затушевывая негативные моменты. Воспоминания второго отличаются крайней несдержанностью и критичностью.

Крайне интересные сведения и различные, иногда совершенно

¹ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – М.-Пг., 1923.

² Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. – С.165-213.

³ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. (1918–1922). – Рига, 1930.

⁴ Вырыпаев В.О. Записки полк. В.О. Вырыпаева // Первопроходник. – Лос-Анджелес, 1974. – № 17. – С.9-15; Мартынов М.А. Национальный герой России и рыцарь Белой мечты ген. В.О. Капель // Нация. – Харбин, 1939. – № 22. – С.4-5; Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь // Первопроходник. – Лос-Анджелес, 1975. – № 23. – С.18-33; Молчанов В.М. Борьба на Востоке России и в Сибири // Белая гвардия. – М., 1997. – № 1. – С.45-49; Перхуров А.П. Исповедь приговорённого. – Рыбинск, 1990; Степанов А.П. Симбирская операция // Белое дело. Летопись Белой борьбы. – Берлин, 1926. – Т.1. – С.83-94.

⁵ Лебедев В.И. От Петрограда до Казани // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С.50-198; Савинков Б.В. Борьба с большевиками. – Варшава, 1920.

противоположные оценки военной деятельности чехословаков и армии Комуца на местах содержатся в воспоминаниях обывателей и граждан, являвшихся сторонними наблюдателями¹. События в Казани отражены в работах – Н. Знаменского, А. Котомкина, С.Н. Каллистова и В. Архангельского², в Самаре – в работах И. Коновалова и П. Просвирина³, в Симбирске – С. Николаева, в Белебее – Б. Батурина, в Бугульме – М. Подольского⁴, в Свияжске – Пучковского и Тычкина⁵.

Труды представителей Сибири отличаются меньшей эмоциональностью оценок, зато большей последовательностью и обстоятельностью. Здесь вопрос партийной принадлежности стоял менее остро, чем в Поволжье, что объяснялось общностью интересов на почве областнического движения. Вмешательство гражданских властей в дела военных было ничтожно. В итоге характерный для волжан антагонизм между политическими деятелями и представителями военной среды в воспоминаниях сибиряков отсутствует: обе стороны спокойно и трезво анализируют ситуацию в регионе, систематично излагая военные и политические мероприятия и их результаты. Из трудов государственных деятелей выделяются воспоминания Управляющего делами Сибирского правительства Г.К. Гинса, председателя Административного совета И.И. Серебrenникова, председателя Сибирской областной Думы И.А. Якушева и Л.А. Кроля⁶. Их работы представляют особенный интерес: здесь детально анализируются особенности Сибири в экономическом,

¹ Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. – Казань, 1924; Поезд смерти. – Куйбышев, 1957.

² Каллистов С.Н. Казанская организация ИСР // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции. – Казань, 1924. – С.102-110; Знаменский П. Время чехов // Там же. – С.125-173.

³ Коновалов И., Просвиринов П. События в Самаре // Поезд смерти. – Куйбышев, 1957. – С.7-17.

⁴ Подольский М. Дни чехов в Бугульме // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции. – Казань, 1924. – С.200-207.

⁵ Пучковский, Тычкин. Чехо-эсеровский набег // Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции. – Казань, 1924. – С.215-217.

⁶ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории (Впечатления и мысли члена Омского правительства): в 2-х т. – Пекин, 1921; Серебrenников И.И. Мои воспоминания. – Таньцзинь, 1937-1940. Т. I; Якушев И.А. Очерки областнического движения в Сибири // Вольная Сибирь. – Прага, 1927. – Т. II. – С. 13-40; Прага, 1928. – Т. III. – С.9-27; Т. IV. – С.100-113; Прага, 1929. – Т. V. – С.59-68; Т. VI- VII. – С.88-103; Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). – Владивосток, 1921.

социальном, политическом и военном плане, характеризуются позиции и настроения каждой из групп населения, освещается процесс создания в Сибири автономистских правительственных образований и их деятельности на почве государственного и военного строительства, а также даётся анализ их взаимоотношений с Чехословацким корпусом. Такой же обстоятельностью отличаются труды офицеров Сибирской армии А.А. Кирилова, Б.Б. Филимонова и В.(так подписано)¹. Все трое сосредоточили внимание на истории Сибирского антибольшевистского подполья и образования Сибирской армии с той разницей, что первый рассматривает события в степной Сибири, а последние – в Средней и Восточной.

Ценные наблюдения и замечания относительно военно-политической ситуации в регионе весной-осенью 1918 г. содержится в работах представителей Чехословацкого корпуса, активно публиковавшихся на страницах русских эмигрантских изданий эсеровского толка. Военные деятели (Р. Гайда, С. Чечек, и Ф. Шип²) в равной степени с политиками (И. Глос, Я. Папоушек, Ф. Штейдлер и Б. Шмераль³) наряду с отстаиванием позиции невмешательства во внутренние дела страны все же подчеркивают первенствующую роль корпуса в возникновении антибольшевистских правительств и формировании их вооружённых сил, в плане критики «реакционного офицерства» их армий, сближаясь с позициями деятелей Комуча. В работе генерала В.Г. Болдырева⁴ детально рассматривается период Уфимской Директории. Один из наиболее авторитетных на востоке военных, он не примыкал ни к Комучу, ни к Сибирскому правительству.

¹ Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 48-56; Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 г. – Шанхай, 1934; В. Двадцать лет назад. Переворот в Новониколаевске // Луч Азии. – Харбин, 1938. – № 46. – С.6, № 47. – С.7.

² Gajda R. Moje paměti. Českosl. arabase. Zpět na Ural proti bolševikům. Admirál Kolčak. – Praha, 1921; Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 246-266; Шип Ф. Как происходило снабжение Чехословацкой армии // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. – С.214-230.

³ Глос И. Чехословаки и Сибирская областная Дума // Вольная Сибирь. – Прага, 1928. – Т. IV. – С.28-35; Папоушек Я. Причины чехословацкого выступления в 1918 г. // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 287-350; Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 20-28.

⁴ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. – Новониколаевск, 1925.

Нейтральность предопределила его назначение в Уфе на пост Верховного главнокомандующего Российской армии. Его труд состоит из двух частей: первый период (с августа до сентября 1918 г.) построен в форме воспоминаний. Период Директории отражён в форме дневника и подробно рассматривает процесс создания Российской армии и организацию её командования. Писался он автором, отказавшимся эмигрировать и оставшимся в Советской России, в нём наблюдается стремление к объективности.

Помимо Болдырева, проблемой взаимоотношений Сибирской и Народных армий в период их объединения интересовались в своих воспоминаниях А.П. Будберг, К.И. Гоппер и генерал К.В. Сахаров¹. Касаются этого же упоминавшиеся П.П. Петров, А.П. Перхуров, Ф.Ф. Мейбом: все они сетуют на недружественную позицию сибиряков по отношению к волжанам, возникшую из-за политических разногласий и обвиняют Сибирскую армию в бездействии и нежелании оказать им помощь на фронте.

В связи с историей Уфимской Директории, а также при рассмотрении взаимоотношений правительства А.В. Колчака и Чехословацкого корпуса крайне важными представляются протоколы допросов Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (разные издания), работавшей в январе-феврале 1920 в Иркутске. А.В. Колчак, попав в плен, подробно рассказывал о своей деятельности, делаясь ценными наблюдениями.

Третья группа – периодическая печать, анализируя материалы, напечатанные в газетах, журналах, альманахах разных лет представителями различных политических сил, можно приобщиться к атмосфере тех лет, почерпнуть фактические сведения для доказательства тех или иных гипотез. Следует отметить следующие периодические издания: газету Чехословацкого корпуса «Ческословенски денник», а также местные периодические издания «Вестник Комуча» (Самара), «Симбирское слово» (Симбирск), «Голос

¹ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. – Берлин, 1924. – Т. 13. – С.217-276; Гоппер К.И. Четыре катастрофы. Воспоминания. – Рига, 1920; Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен, 1923.

рабочего» (Уфа), «Земля и воля» (Самара), «Народ» (Уфа), «Русская Армия» (Омск), «Уфимская жизнь» (Уфа), советские газеты и журналы «Известия ВЦИК», «Пролетарская революция», а также современные журналы «Белая армия. Белое дело», «Вопросы истории», «Отечественная история», «Родина».

Научная новизна исследования, заключается в том, что здесь впервые в качестве самостоятельной цели осуществляется рассмотрение взаимоотношений Чехословацкого корпуса с небольшевистскими правительствами Поволжья, Урала и Сибири, как комплексной системы экономических, политических, социальных, идеологических и военных мероприятий. В рамках данного исследования была сделана попытка более широкого выявления причин вооружённого выступления корпуса против советской власти и показа его роли в становлении небольшевистских правительств на востоке России. В исследовании рассматриваются ранее не изученные архивные документы, дополненные материалами практически всех имеющихся в настоящее время опубликованных источников документального и литературного характера.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертации способствуют более полному, правильному и многостороннему пониманию специфики явления «демократическая контрреволюция» и пониманию роли правительства А.В. Колчака в Гражданской войне в целом и их взаимоотношений с Чехословацким корпусом в частности. Они могут быть использованы при подготовке общих трудов по истории России, соответствующих справочных и энциклопедических изданий, коллективных и индивидуальных монографий по смежной проблематике, при написании учебников и учебных пособий, а также в учебном процессе при разработке общих лекционных и специальных курсов по новейшей отечественной истории для преподавания в вузах, при написании дипломных и курсовых работ, в региональной краеведческой работе.

Апробация диссертации. Материалы диссертации были использованы

при проведении практических занятий по курсу «Отечественная история» в филиале ЮУрГУ в г. Миассе и в выступлениях на научных конференциях: «Вооружённые конфликты на рубеже XIX-XX вв.» Екатеринбург, 14 мая 2004 г., «Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов» Челябинск, 17-19 мая 2004 г.

ГЛАВА I. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА И ПРАВИТЕЛЬСТВ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ»

1.1. Вооружённое выступление Чехословацкого корпуса против советской власти весной-летом 1918 г.

Несмотря на многочисленную литературу, посвященную событиям весны-лета 1918 года, есть еще немало неясных моментов в обстоятельствах развертывания Гражданской войны, принесшей нашей стране большое количество жертв и разрушений.

Попытки выявить причины выступления Чехословацкого корпуса, послужившего, по утверждению советских историков, сигналом развертывания Гражданской войны, предпринимались начиная с 1918 г. При этом каждая сторона стремилась обвинить в кровавом развитии событий противоположную. Среди авторов версий были и те, кто стоял на позициях большевиков, и те, кто принадлежал к их противникам.

Изучение архивных документов, и прежде всего переписки Совета Народных Комиссаров¹ (СНК), а также материалов Российского государственного военного архива, местных центров хранения и изучения документов, позволяют по новому взглянуть на казалось бы давно изученные события, выдвинуть положения, объясняющие некоторые факты, как бы выпадающие из официальных, господствующих теоретических построений, схем объяснения причин выступления чехословацкого корпуса против большевиков, а с ним и начала Гражданской войны.

Прежде всего, необходимо остановиться на истории создания чехословацких воинских формирований на территории России.

После поражения на Белой горе в 1620 году Чехия, а к концу XVII века и Словакия, оказались под властью австрийских Габсбургов. С началом

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф.130.Оп.1.Д.636.

Первой мировой войны оживились их никогда не прекращавшиеся попытки добиться национальной независимости. В 1915 г. в Париже представителями различных чехословацких политических группировок национально-либерального толка был создан единый руководящий орган - Чешский комитет содействия, переименованный в мае 1916 г. в Национальный Совет чешских и словацких земель (Чехословацкий Национальный Совет)¹.

Председателем Совета стал известный политический деятель, профессор философии Пражского университета, Т.Г. Масарик, его заместителем - Й. Дюрих, секретарем - Э. Бенеш и членом - офицер французской службы словак М.Р. Штефаник. Вновь созданный орган фактически взял на себя представительство интересов всех чехов и словаков перед странами Антанты. Стремясь увеличить свой политический вес, Национальный совет выступил с идеей создания собственных воинских частей из находившихся в России чехов и словаков.

К началу войны в России проживало около 100 тыс. чехов и словаков. Уже 25 июля 1914 г., в день официального объявления войны, Чехословацкий национальный комитет (ЧНК) принял обращение к императору Николаю II, в котором отмечалось, что «на русских чехов падает обязанность отдать свои силы на освобождение нашей родины и быть бок о бок с русскими братьями-богатырями...». А 7 сентября во время аудиенции у царя чешская делегация вручила ему меморандум, в котором подчеркивалось, что «свободная и независимая корона Святого Вацлава скоро будет снята в лучах короны Романовых...»².

Поддерживая инициативу чехов, Совет министров 30 июля 1914 г. принял решение о формировании Чехословацкой дружины. 28 сентября в Киеве состоялось торжественное освящение ее знамени. На тот момент численность дружины составила 903 добровольца³. В октябре 1914 г. она

¹ Веселы Н. Чехи и словаки в революционной России. – М., 1965. – С.23; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. – М., 1965. – С.12.

² Веселы Н. Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. – М., 1965. – С.20.

³ Юрченко В. Мятёж, которого не было // Родина. – 1994. – № 1. – С.29.

выступила на фронт и вошла в состав 3-й армии генерала Радко-Дмитриева.

В ходе мировой войны русские войска брали в плен большое количество чехов и словаков, воевавших в австро-венгерской армии. Первоначально царское правительство не было заинтересовано в создании чехословацких воинских формирований, предпочитая помещать пленных и перебежчиков в лагеря. Р. Гайда, видный военный деятель Чехословацкого корпуса, объясняет это тем, что «русское правительство из-за боязни повторения событий 1905 года зорко следило за всякими движениями, таившими в себе малейшую угрозу самодержавию»¹. Положение с формированием чехословацких воинских подразделений улучшилось в конце 1915 года, когда Верховный главнокомандующий российской армии великий князь Николай Николаевич разрешил принимать в ряды дружины военнопленных чехов и словаков. Численный состав дружины увеличился и она была переименована в 1-й чехословацкий полк Яна Гуса. В начале 1916 года был сформирован 2-й чехословацкий полк и весной того же года было разрешено организовать 1-ую чехословацкую стрелковую бригаду, командовать которой было поручено полковнику Трошнову².

Февральская революция в России открыла новую эру в развитии чехословацкого войска. Она породила у чехословаков новые надежды в создании национального воинского формирования. Высшее командование русской армии разрешило производить призыв в войска и формирование войсковых частей в необходимых размерах. Также более весомым стало участие чехословацких частей в боевых действиях на русско-германском фронте. Особенно необходимо отметить победу чехословацких частей у Зборова в июне 1917 года³, которую можно считать переломным моментом в

¹ Гайда Р. Мои воспоминания. Анабазис чехословаков. Обратю на Урал против большевиков. Адмирал Колчак // Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф.40169.Оп.1.Д.1.Л.4об.

² Гайда Р. Указ.соч. РГВА.Ф.40169.Оп.1.Д.1.Л.6.

³ Голечек В. Чехословацкое войско в России. ГАРФ. Ф.Р.-5870.Оп.1.Д.97.Л.2.; Так, Ставка Верховного главнокомандующего от 20 июня 1917 г. об этом сражении сообщала: «19 июня около 15 часов после жесточайшего и упорного боя ... доблестные войска ... чехословацкой бригады овладели сильно укрепленными позициями противника на высотах западнее деревни Зборова и укрепленной деревней Коршилув ...».(Куделя Н. Зборов: очерк истории чехословацкого революционного движения. – Челябинск, 1918. – С.1)

истории создания чехословацких частей в России. Данное событие заметно ускорило создание чехословацких военных формирований в России. Как отмечал генерал Я. Червинка, «только после доблестного выступления чехословацкой бригады под Зборовым ... последовала отмена распоряжения главнокомандующего Юго-Западным фронтом об ограничении чешско-словацких войск существующей бригадой»¹. В результате, генерал-квартирмейстер Ставки Н.Н. Духонин в июне 1917 г. распорядился довести существующую чехословацкую бригаду до штата стрелковой дивизии, состоящей из четырёх полков с артиллерией и инженерными средствами, 4-ротный запасной батальон развернуть в 8-ротный и на этом пока ограничить дальнейшее развёртывание.

Но дальнейшее ухудшение положения на фронте вследствие начавшегося разложения русской армии делало чехословацкие части, сохранявшие боеспособность, более ценными для российского командования. Стоит отметить тот факт, что основные силы чехословацкой бригады в ходе отступления русской армии отходили в организованном порядке, некоторые её подразделения вместе с казаками и юнкерами использовались в качестве заградительных отрядов. Это и стало главной причиной того, что новый Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов отдал приказ на формирование второй чехословацкой дивизии. В дальнейшем победа у Зборова был использована в пропагандистских целях и содействовала успеху более чем 300 эмиссаров-вербовщиков, разосланных по всем губерниям России Чехословацким национальным советом. До осени 1917 г. им удалось завербовать в чехословацкие воинские части 21 760 новых добровольцев. Вследствие чего можно было быстрым темпом приступить к формированию 2 дивизии, что взяло на себя Отделение чехословацкой рады в России. Были организованы: 5-й полк Томаша Масарика, 6-й Ганацкий, 7-й Татранский, 8-й Силезский,

¹ Цит. по: Нелбайло Б.П. Чехословацкий корпус в России (1914-1920 гг.): Историческое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.39.

две инженерные роты, две артиллерийские бригады¹.

Наконец, 26 сентября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин разрешил официально сформировать отдельный Чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады². Во всех частях корпуса вводился французский военный дисциплинарный устав и устанавливался русский «командный язык». В командном составе корпуса было много русских офицеров, в том числе командир корпуса генерал В.Н. Шокоров и начальник штаба генерал М.К. Дитерихс, переведенный сюда с Салоникского фронта в Греции.

Тогда же при поддержке западных союзников перед русским командованием был поставлен вопрос о переброске чехословацких частей во Францию, где бы они приняли участие в боевых действиях против Германии. Делалось это с целью, во-первых, «поднять политическое значение чехословацкого движения на Западе»³, во-вторых, исключить развал и деморализацию чехословацких частей, поскольку правительство Керенского было уже не способно остановить разрушение русской армии, что самым пагубным образом могло отразиться и на состоянии корпуса. Следует отметить и то обстоятельство, что ЧНС осознавал то, что Чехословацкий корпус в скором времени может оказаться единственной военной силой на пути немецких и австрийских войск, что неминуемо привело бы к чрезмерным жертвам со стороны чехословаков. Отсюда и понятное стремление чехословацкого руководства как можно быстрее вывести чехословацкие части во Францию.

Вопрос о переброске чешских и словацких военнопленных во Францию поднимался ещё при царском правительстве, но тогда он не получил разрешения из-за угрозы подрыва военного производства. Этот вопрос был вновь затронут в мае 1917 г. Т.Г. Масариком в письме Военному министру А.Ф. Керенскому. В ответ Главное управление Генерального штаба

¹ Гайда Р. Указ. соч. Л.70б.

² См.: Приложение I.

³ Весселы Н. Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. – С.35.

сообщило ЧНС, что российское правительство признаёт возможность выезда чехословацких частей во Францию через Архангельск, если транспортировку обеспечит Париж. Такое согласие было получено в конце мая 1917 г. Франция обязалась к концу сентября вывезти первую партию численностью 1200 человек¹.

Следует отметить, что первый эшелон в количестве 502 человек был отправлен из Житомира только 18 ноября и из-за остановки навигации был вынужден задержаться в Череповце Новгородской губернии. Но, тем не менее, этим маршрутом к концу 1917 г. было эвакуировано около 2000 человек².

Приход в ноябре 1917 г. к власти в России большевиков отразился также и на положении чехословацких частей. Начиная с этого времени во взаимоотношениях Чехословацкого национального Совета и командования Чехословацкого корпуса, с одной стороны, и советской властью с – другой, наступил, несомненно, новый этап. Приход к власти большевиков ЧНС и его лидер Т.Г. Масарик не поддержали. Не принимая большевистскую власть, они, тем не менее, отказывались (по крайней мере, публично) от вмешательства во внутренние дела Советской России. По словам Т.Г. Масарика, ЧНС не вынашивал планов использовать имевшуюся в его распоряжении силу для демократического возрождения России, иначе говоря, для свержения Советов³.

В свою очередь молодое советское правительство и местные органы власти были заинтересованы в поддержке со стороны ЧНС, учитывая наличие у него вооружённых сил. Так, на созванном в декабре 1917 г. в Киеве общем собрании чехословацких легионеров, большевики выступили с требованием завершить активные боевые действия и предложили создать из чехословацких бригад одну общую революционную армию. Выдвигалось даже предложение о вхождении Австро-Венгрии в состав Советской

¹ См.: Ирджн С. Возникновение и борьба чехословацкого корпуса – основание чехословацкого государства // Тезисы докладов международной конференции: «Т.Г. Масарик и Россия». – СПб., 1997. – С.54.

² Каржанский Н. Чехо-словаки в России. – М., 1918. – С.83.

³ Masaryk T.G. Cesta demokracie. – Praha, 1933. – S.19.

республики. Однако командование корпуса строго придерживалось нейтралитета. Вот как оценивал сложившуюся вокруг корпуса ситуацию Т.Г. Масарик: «Ясно лишь одно, что у нас была армия и в России мы были единственной значительной военной организацией, что придавало нам вес, соображения о нашей армии играли в переговорах о нашем признании значительную роль»¹.

В целом же чехословаки старались придерживаться нейтралитета по отношению к событиям в России. И ряд дальнейших событий демонстрирует их приверженность этой линии.

Так, в октябре 1917 г., когда большевики подняли восстание в Киеве, помощник комиссара Юго-Западного фронта П. Григорьев попытался использовать против них один из чехословацких полков. Отделение ЧНС объявило протест против такого, не согласованного с ним решения и приняло меры, чтобы полк прекратил оказание помощи противникам большевиков.

В конце января 1918 г. после провозглашения Украиной независимости от России большевики предприняли наступление на Киев. Украинская Рада, выступавшая за выход из состава России, попыталась привлечь чехословаков на свою сторону. С этой целью она обратилась к ЧНС с предложением, чтобы находившаяся под Киевом дивизия преградила путь наступавшему на город революционному отряду под командованием М.А. Муравьева. Однако ЧНС не дал на это согласия. Большевистские части проследовали через занятую чехословаками территорию, не встретив с их стороны противодействия, и в начале февраля 1918 г. овладели Киевом².

Сходная ситуация складывалась и на юге России. Генерал М.В. Алексеев, находившийся на Дону, неоднократно просил чехословацких лидеров о направлении имеющихся в их распоряжении частей «на спасение России». Об этом свидетельствует его письмо во французскую миссию, перехваченное в Новочеркасске большевиками в конце января 1918 г.: «...Я давно, но безнадежно добивался согласия направить на Дон, если не всего

¹ Цит. по: Недбайло Б.Н. Указ. соч. – С.47.

² Велеховский В. Чехословаки в России. – Екатеринбург, 1918. – С.22.

Чехословацкого корпуса, то хотя бы одной дивизии. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшее формирование Добровольческой армии, но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела стоит в районе Киева, Полтавы, а мы теряем территорию Дона... Уход добровольческих частей из Донской области ухудшит общее положение и уменьшит шансы борьбы с большевиками и достижения победы...»¹. Просьба генерала осталась без ответа.

Своё отношение к внутриполитической борьбе в России Т.Г. Масарик ясно изложил в письме к П.Н. Милюкову в ноябре 1917 г. в ответ на его просьбу, инициированную генералом М.В. Алексеевым, разрешить чехословацким legionерам вступить в борьбу против большевиков. В нём он приводил следующие причины своего отказа в помощи антибольшевистским силам: слабость монархического движения в России, обреченность левых партий (кадетов и эсеров) в борьбе с большевиками и отсутствие веры в успех белых генералов. Он утверждал, что большевики продержатся у власти гораздо дольше, чем предполагают их противники. Как отмечал позже П.Н. Милюков, развитие событий показало проницательность Т.Г. Масарика и дальновидность его прогнозов².

Здесь следует отметить, что первоочередной задачей, стоявшей перед руководством чехословацкого национального движения, было сохранение целостности корпуса и его отправки на Запад, в условиях конфронтации с большевиками эту задачу решить было невозможно. Вследствие чего руководство корпуса вынуждено было сохранять строгий нейтралитет.

В то же время у союзников не было единства по вопросу о судьбе Чехословацкого корпуса в России: Париж выступал за переезд во Францию, Лондон рассчитывал оставить корпус в России. Причина разногласий среди стран Антанты объяснялась тем, что по их расчётам Россия и при новом советском правительстве будет вести войну против центральных держав.

¹ ГАРФ.Ф.130.Оп.2.Д.489.Л.17.

² См.: Фирсов Е.В. Формирование геополитических установок Масарика в России // Тезисы докладов международной конференции: «Т.Г. Масарик и Россия». – С.59.

Однако, как покажет время, эти расчёты оказались неверны. Ещё до заключения Советским правительством Брест-Литовского мирного договора с Германией проблема вывода Чехословацкого корпуса с территории России была ключевой в дипломатических контактах заинтересованных в этом государств. Прежнее решение об отправке чехословацких военных формирований через Архангельск во Францию, принятое ЧПС с Временным правительством, было пересмотрено представителями чехословаков в России и первоначально с командованием советских войск на Украине в феврале, а в последующем и с советским правительством в марте 1918 г.

Несмотря на то, что путь эвакуации чехословаков по морю через Архангельск и Мурманск обеспечивал значительно более быстрый их вывод из России, так как союзникам было бы легче обеспечить необходимое количество морских транспортов для перевозки войск, против него выступило командование Чехословацкого корпуса, опасавшееся за благополучный исход эвакуации северным путём.

По данному поводу Т.Г. Масарик писал: «...сибирский путь был самый верный: в Архангельске зимой море замерзало, а Мурманск и дорога к нему были небезопасными... транспорты, а особенно транспорты регулярные и длительные находились бы в опасности вследствие немецких подводных лодок; сухим путём ехать мы не могли, этому мешали австрийцы и немцы, которые оккупировали западную часть России. Оставалась лишь Сибирь ещё и потому, что железные дороги там действовали лучше, чем в центре России; всякие сумасбродные планы (Кавказ, Азия) нельзя было принимать всерьёз»¹.

Но нельзя отрицать и тот факт, что у союзников были планы оставить корпус в России для использования его в борьбе с большевиками. Так в конце ноября 1917 г. в Яссах состоялось совещание с участием некоторых представителей Антанты, русских офицеров, румынского командования и представителей Чехословацкого корпуса. Впоследствии представитель Чехословацкого корпуса Черенский в отчёте о своей работе указывал, что на

¹ Масарик Т.Г. Мировая революция: Воспоминания: В 2-х т. – Прага, 1926–1927. – С.221.

этом совещании представители Антанты прямо поставили вопрос: «Способна ли чехословацкая армия к вооружённому выступлению против большевиков и сможет ли она занять область между Доном и Бессарабией»? В этом же отчёте Черенский приводит и такой факт, что в середине февраля 1918 г. комендант французской военной миссии в Кишинёве генерал Вулемир, сообщив о принятии чехословацкого корпуса под покровительство Франции, прямо отдал ему приказ создать в Кишинёве при 2-й русской армии чехословацкую роту и даже, если возможно, один батальон¹. Однако в декабре 1917 г. Масарик в своей директиве ясно заявил: в случае выхода России из войны корпус будет вывезен во Францию.

15 января 1918 г. филиал Национального Совета в России провозгласил чехословацкие вооруженные силы в ней «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции»².

Корпус полностью перешел на содержание союзников. Этого чехословаки не скрывали³.

18 февраля Масарик заявил членам президиума Национального совета, что им и французскими дипломатическими представителями окончательно решен вопрос о финансировании корпуса и переброске его на Западный фронт. «Французы,- информировал Масарик, - приняли решение: дать нам эти деньги и призвать нас, чтобы мы тотчас отправились во Францию. Путь - через Владивосток (на Мурманск - дорога не в порядке, Архангельск замерз до мая)»⁴. На тот момент Чехословацкий корпус находился на украинской территории: первая дивизия была расположена на правом берегу Днепра – в Волынской губернии (штаб – в Полонном), вторая дивизия - на левом берегу Днепра (штаб – в Яготине). Штаб корпуса находился в Киеве⁵.

По соглашению с советским командованием на Украине чехословаки оставляли у себя часть оружия, объясняя, что «им быть может придется

¹ Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. – М., 1922. – С. 9.

² Клеванский А.Х. Указ. соч. – С.147.

³ Милиц Н.Н. Год 1918. – М.,1982. – С.499.

⁴ Клеванский А.Х. Указ. соч. – С.153.

⁵ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. – С.41.

пробиваться к Владивостоку с боем с пленными» (т.е. немцами и австро-венграми)¹.

В телеграмме, отправленной И.В. Сталину, А.И. Муралову, М.Д. Бонч-Бруевичу 18 февраля 1918 г. начальник военных сообщений Украины Бакинский сообщал: «Чехословацкий корпус вышел из линии боев и окончательно уходит во Владивосток. По соглашению ком.кор. Антоновым чехословаки сдают все боевое авиационное и обозное имущество, кроме винтовок, части пулеметов, 2 батарей, по одной на дивизию и 1 аэроплана, по их словам французского. Сдача имущества будет в Харькове, Белгороде, Курске, остальное подлежит сдаче в Воронеже, Пензе или других пунктах...».

Но уже тогда у советского руководства возникает желание каким-либо образом взять под более жесткий контроль чехословацкие части. Тот же Бакинский добавляет: «Во всяком случае договор с главковерхом Украины ни сколько не связывает Совнарком всей России и может быть изменен, но не ранее, чем все части выйдут за линию Купянск-Курск к востоку»².

Наличие такого желания подтверждает и обсуждение вопроса - что делать с чехословаками, на специальном заседании Высшего военного совета в Москве в марте. На совете, кроме его членов, присутствовали Г.В. Чичерин и Ф.Э. Дзержинский. Военный руководитель совета генерал М.Д. Бонч-Бруевич прямо предлагал утопить чехословаков в Днепре. Его поддерживали некоторые военспецы - бывшие офицеры³. В конечном итоге, решено было подарить им жизнь. А пока с чехословаками разговаривали совсем в других выражениях. Вот приказ от 16 марта 1918 г. большевика В.А. Антонова-Овсеенко, подписавшегося как «главнокомандующий советскими войсками Южнорусской республики»: «...Наши друзья из чехословацкого корпуса, храбро и доблестно сражавшиеся у Житомира, прикрывая Киев, а под

¹ ГАРФ Ф.130. Оп.2. Д.636.Л.2; См.: Перебийнос Е.В. Причины выступления Чехословацкого корпуса (новые подходы) // Исторические чтения: Материалы науч. регион. конф. «Крушение царизма и Гражданская война на Урале». – Челябинск, 1998. – Вып. 4. – С. 72-73.

² ГАРФ Ф.130. Оп.2. Д.636. Л.2.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам. – М., 1957. – С.291-292.

Гребенкой и Бахмаче охраняя пути к Полтаве и Харькову, уходят теперь с Украины и сдают нам часть военного снаряжения. Революционные войска не забудут братской помощи, которую чехословацкий корпус оказал в бою рабочему народу Украины с бандами хищного империализма. Оружие, сдаваемое чехословаками, революционные войска принимают, как братский подарок»¹.

18 марта 1918 г. чехословацкая делегация посетила в Москве Совет Народных Комиссаров (СНК) для урегулирования вопроса о передвижении Чехословацкого корпуса по территории России на Дальний Восток. Председатель СНК В.И. Ленин дал на это согласие и заявил о том, чтобы «войско отправлялось как можно поскорее во Владивосток», при этом пообещал отправить указания Советам по линии Курск-Пенза – Самара оказывать всяческую помощь для скорейшего передвижения эшелонов².

Но, тем не менее, эшелоны с чехословацкими частями продолжали передвигаться недостаточно быстро. Серьёзной причиной медленного передвижения чехословацких эшелонов стало отсутствие достаточного количества подвижных средств из-за кризиса на железнодорожном транспорте.

28 марта, как сообщает И. Клацанда из Москвы, советское правительство предписало всем железным дорогам содействовать быстрейшему продвижению чехословацких эшелонов³. В свою очередь, комиссар чехословацких эшелонов П.И. Макса признавал, что чехословаки требовали от властей в то время практически невозможного – бесплатного передвижения 70 поездов с 55 000 человек на расстояние 9000 километров, тогда, как в России железнодорожное сообщение было настолько разрушено, что население неделями ждало поезда⁴.

Захват подвижного состава, имевший место на Украине, продолжился и после того, как чехословаки оказались на территории Советской России. На

¹ Лебедев В.И. «Чехословацкий фронт» и московский процесс // Воля России. – Прага, 1922. – № 23-24. – С.8.

² См.: Велеховский В. Чехословаки в России. – С.26.

³ Чехословенский дневник. 1918. 1 апреля.

⁴ См.: Недбайло Б.Н. Указ. соч. – С.57.

станции Бобров они захватили паровоз от почтового поезда, а на станции Лукашевка – тысячи тонн продовольствия и фуража. В ответ командование Московского военного округа дало распоряжение местным советам об остановке и разоружении эшелонов с чехословаками. Это указание вызвало волну возмущения и недовольства у командиров некоторых подразделений корпуса. Командир 2-й дивизии генерал Н. Подгасецкий отреагировал на это тем, что с вооружённым конвоем ворвался к В.В. Курасву, председателю Пензенского совета, и угрожал повесить его, если приказ не будет отменен, а командир 8-го полка полковник А. Писаренко на одной из станций «устроил вооружённую демонстрацию»¹. В ответ на эти инциденты СНК направил в Пензу предписание удалить из корпуса «контрреволюционный командный состав». Чехословацкое командование вынуждено было уволить 30 марта 1918 г. наиболее радикальных командиров: генерала Н. Подгасецкого, командиров 7-го и 8-го полков полковников В. Смуглова и А. Писаренко. Всего было уволено 15 русских офицеров².

Местные Советы также попытались решить проблему с транспортировкой чехословаков по их территории. Председатель Центросибири (Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири) Н.Н. Яковлев по факту отправки Чехословацкого корпуса во Францию через Владивосток в своей телеграмме СНК и Советам близлежащих регионов заявил, что «Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири считает сосредоточение этих сил там опасным и недопустимым, поэтому обратился к Омскому военному комитету с требованием задержать дальнейшее продвижение эшелонов... Центросибирь категорически требует от всех местных советов и железнодорожников немедленного разоружения и приостановки движения чехословацких эшелонов. Оружие должно быть

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... – С.181.

² В чехословацком корпусе продолжали оставаться как русские генералы: командир корпуса В.Н. Шокоров, начальник штаба корпуса М.К. Дитерихс, командир 1 дивизии Н.П. Коломенский, так и русские офицеры: начальник штаба 1 дивизии полковник А. Леонтьев, временный начальник штаба 2 дивизии подполковник Б.Ф. Ушаков, командиры полков: 1-го капитан А.П. Степанов, 3-го подполковник С.Н. Войцеховский. В корпусе по-прежнему оставался довольно высокий процент офицеров: 1 офицер приходился на 16 рядовых. (См.: Софиев П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. – 1940. – №12. – С.48.)

сдано полностью в штабы военных округов...Мы категорически требуем отправки их через Архангельск»¹. Все эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что были решены не все вопросы, связанные с передвижением чехословацких эшелонов. И даже центральная власть в силу своей слабости не могла их разрешить.

Председатель ЧНС Т.Г. Масарик предполагал, что местные Советы будут препятствовать передвижению эшелонов. Основную причину он видел в том, что большевистский режим не был еще централизован и страна распадалась на автономные части². Вскоре эти предположения оправдались. В данной связи следует отметить то, что такие препятствия были следствием не столько злой воли местных властей, сколько закономерным опасением вмешательства регулярных воинских частей, таковыми были чехословацкие формирования, во внутреннюю жизнь российских регионов.

Народный комиссар путей сообщения В.И. Невский в телеграмме народному комиссару по военным и морским делам Л.Д. Троцкому сообщал, что им получена телеграмма от председателя коллегии по передвижению войск на Самаро-Златоустовской железной дороге Н. Асланова, в которой он требует остановки чехословацких эшелонов в Сибири любой ценой, но при этом обращает внимание на то, что военное ведомство не только не принимает, но и не даёт принимать никаких мер. Несогласованные действия по задержке этих эшелонов вносили окончательную неясность в движение поездов³. 5 апреля 1918 г. Япония высадила небольшой десант во Владивостоке без согласования с союзниками. Большевистское руководство посчитало это достаточным основанием для разрыва только что установленного соглашения с корпусом. 9 апреля из Москвы в Красноярск было отправлено подписанное Сталиным разъяснение, фактически отменявшее прежнее мартовское соглашение. «Теперь после десанта положение изменилось,- говорилось в ней,- теперь необходимо полное

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп.2. Д.636. Л.12-14.

² См.: Масарик Т.Г. Мировая революция ... – С.223.

³ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2. Д.636. Л.23

разоружение эшелонов и отпуск их на восток только маленькими частями и с перерывами, ни в коем случае не в месте. Все дело в том, что чехи рассматривают себя как французскую армию, а союзники смотрят на них как на немецких военнопленных, ища в них повод к вмешательству.... В Архангельск их нельзя! Разъясните все это чехам. И неуклонно проводите эту линию. Другого пути нет»¹.

Разногласия между центральной и местной властями по вопросу передвижения чехословацких эшелонов не могли не вызвать подозрений командования Чехословацкого корпуса. Оно полагало, что Советское правительство лукавит, говоря о беспрепятственном передвижении эшелонов с чехословаками на восток. В своей телеграмме Председателю СНК С. Лукьянов отмечал, что за «неимением никаких указаний от Совнаркома чехословаки крайне возбуждены такой ненормальностью со стороны местных властей и нежеланием исполнять приказания Совнаркома»².

Данное обстоятельство ещё раз доказывает тот факт, что, принимая решение о переброске чехословацких эшелонов через всю Россию, власти не проработали должным образом вопрос об обеспечении их всеми необходимыми материальными средствами: паровозной тягой, топливом, продуктами питания. Отсутствовала чёткая организация передвижения их по всему протяжению маршрута. Это приводило к сбоям в работе железной дороги и вызывало недовольство не только у самих чехословаков, но и вызывало раздражение у местных властей и начальников железных дорог.

Вот что сообщали В.И. Ленину о прибытии эшелонов с чехословаками из Купянска: «Временный неприём Юго-Восточной железной дороги по Купянску был вызван совершенно неожиданным наплывом чехословацких эшелонов. Которых было за сутки принято от всяких норм за 18 февраля 1918 г. тринадцать эшелонов»³. Подобного рода телеграммы приходили в Совнарком и спустя месяц. В конце марта в Совнарком поступила

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2.Д.636. Л.20а.

² Там же. Л.16.

³ Там же. Л.6.

телеграмма из Воронежа, в которой говорилось, что «в пределах района 23 марта находится 58 эшелонов чехословацких полков, которые загружены по распоряжению Главковерха В.А. Антонова-Овсеенко. Крайне стесняют дороги района. Благоволите содействовать, и освободить район от этих эшелонов»¹.

Несогласованность и разногласия по решению вопроса, связанного с направлением и порядком транспортировки Чехословацкого корпуса, между центральной властью и Центросибирью после переговоров 5–7 апреля 1918 г. формально были устранены. Но фактически сбои из-за низкой организованности и плохой материальной обеспеченности железной дороги не прекращались. По-прежнему продолжались случаи самозахвата подвижного состава со стороны чехословацких войск. После переговоров поток эшелонов был ограничен до двух в сутки, затем вырос до четырёх. К концу апреля пропускная способность железной дороги снизилась до одного эшелона через сутки и в конечном итоге стала равна нулю².

В этой нестабильной ситуации, вызванной всё обостряющимся конфликтом между командованием Чехословацкого корпуса и советской властью, на политику чехословацких войск начала активно влиять агитация контрреволюционных сил, находящихся в Поволжье и Сибири.

Социалисты и либералы России первоначально были настроены против формирования большого чехословацкого войска, называя чехов и словаков «шовинистами»³. Тем не менее, после октябрьских событий в России, а особенно после заключения большевиками Брестского мира с Германией, отношение к Чехословацкому корпусу начало меняться.

Одними из первых, кто разглядел в чехословаках своих союзников по борьбе с большевиками, были представители партии социалистов-революционеров (ПСР). Эсеры со времён царизма не пренебрегавшие методами вооружённой борьбы, сознавая, что в центре страны большевизм

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2.Д.636.Л.7.

² Там же. Л.6.

³ См.: Масарик Т.Г. Мировая революция... – С.180.

опирается на значительные массы пролетарского населения, начали переброску своих сил на восток – в Поволжье и Сибирь¹. Зимой-весной 1918 г. там возникло эсеровское подполье, вооружённую силу которого составило офицерство.

Официальное решение о политике и тактике действий эсеров после роспуска Учредительного собрания и разгона большевиками Советов в 18 городах центральной России принял состоявшийся в мае 1918 года VIII съезд партии эсеров. В соответствии с документами ЦК эсеров основные силы направлялись на восток страны – в Сибирь, Поволжье и на Урал, которые должны были стать центрами борьбы за свержение Советской власти.

К началу лета 1918 г. Среднее Поволжье было опутано довольно густой сетью контрреволюционных сил: в Казани действовали офицеры генерала И. Попова и савинковцы, многие из которых после раскрытия заговора органами ВЧК в конце мая переехали в Самару, где организовали подполье.

Но вскоре подпольщики ясно осознали, что большинство населения к идее Гражданской войны относится пассивно². Сказывалась накопившаяся усталость от только что пережитых невзгод Первой мировой войны и удалённость народных интересов от политики вообще, особенно крестьянства. Так крестьяне Симбирского уезда на своём съезде ещё в ноябре 1917 года требовали от большевиков прекращения «междоусобной гражданской войны»³. Необходимо учитывать и то, что с наступлением сезона полевых работ крестьяне всецело были заняты хозяйственными заботами.

Наконец, немаловажную, если не главную роль играла сама советская власть. Выступление против неё многим казалось авантюрой лишь потому, что большевики держали ситуацию в стране под жёстким контролем и решительно подавляли очаги сопротивления за счёт быстрой переброски эшелонами красногвардейских отрядов из одного города в другой, причём

¹ См.: Ноффе Г.З. Играть с огнём в деревянных домах опасно // Московские новости. 1992. 12 июля.

² Речь П.Д. Климущкина // Вестник Комуча. Самара. 1918. 6 сентября.

³ См.: Резолюция крестьянского съезда // Симбирское слово. 1917. 2 ноября.

эти отряды, как правило, состояли из бойцов интернационалистов или рабочих других губерний.¹

Расправы с противниками советской власти были жестокими. «Око за око, зуб за зуб», - писала по поводу восстания в Саратове 22 мая 1918 г. газета «Правда». «Восстание лавочников, кулаков должно быть беспощадно и до конца подавлено»².

Жестокие меры, по мнению руководства РСФСР, должны были сдерживать действия контрреволюционного подполья и открытое проявление недовольства народных масс, которое представляло реальную угрозу для существования советской власти. «Не допускайте никаких восстаний... расправляйтесь беспощадно со всеми, иначе ... советская власть погибнет», - телеграфировал В.И. Ленин В. Антонову-Саратовскому³.

Нужна была внешняя сила, которая всколыхнула бы массы и влила энергию в разлагавшиеся боевые дружины. Примером такой силы можно считать борьбу уральских казаков, которая повлияла на активность населения Саратовской губернии, где в мае 1918 г. после неудачного похода сторонников советской власти на Уральск восстали Пугачёвский и Новоузенский уезды. В них сразу же стали возникать многочисленные крестьянские отряды подобные «Семёновской» или «Краснореченской» дружинам численностью 1000 и 700 человек соответственно⁴. В представлении контрреволюционеров такой силой потенциально также мог стать и Чехословацкий корпус.

На всём пути следования чехословацких войск офицеры бывшей царской армии, не принимавшие власть большевиков, вступали в контакты с командованием чехословаков. Доказательством тому может служить фрагмент из воспоминаний майора Я. Кратохвила, командира батальона 6-го чехословацкого полка: «Русские офицеры, которыми была переполнена

¹ См.: Медведев Е.Н. Гражданская война в Среднем Поволжье 1918-1919 гг. – Куйбышев, 1974. – С.60-62; Суворов Д.В. Неизвестная гражданская война. – Екатеринбург, 1999. – С.130-131.

² Медведев Е.Н. Гражданская война в Среднем Поволжье 1918-1919 гг. – С.60-62.

³ Там же. – С.67.

⁴ См.: Кутяков Н. С Чапаевым по Уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией. – М.-Л., 1928. – С.45-46.

Западная Сибирь, возбуждали и поддерживали в нас недоверие к советской власти. Уже давно до выступления, на станциях, где мы задерживались на большое время... уговаривали нас к насильственному выступлению... От офицеров в вагонах чехословацких поездов часто принимались донесения, они играли для нас роль шпионов. Позже, перед самым выступлением, они своей помощью содействовали удачным действиям, так как доставляли планы городов, размещения гарнизонов и т.д.»¹. Все эти перечисленные факты указывают на то, что проблема переброски Чехословацкого корпуса во Владивосток, должна была быть решена как можно быстрее. В противном случае это грозило самыми серьезными последствиями для советской власти.

По-прежнему остро стояла проблема наличия у чехословацких частей оружия. Как уже говорилось, по соглашению с советским командованием на Украине, чехословаки получили право оставить у себя часть оружия, вплоть до двух артиллерийских батарей². Однако, местные Советы Поволжья и Сибири, увидев опасность соединения их с отрядами атамана Семенова для захвата Восточной Сибири, распорядились приостановить продвижение эшелонов корпуса. Об этом сообщалось в Совнарком из Казани, Вятки, Симбирска, Красноярска³.

По поручению СНК 26 марта И.В. Сталин передал в Пензу, что чехословакам, в случае их полного разоружения, будет разрешено следовать во Владивосток. Филнал Национального Совета этого требования большевиков (правда, после дискуссии) принять не смог. СНК пошел на уступки и в тот же день передал через И.В. Сталина новые условия: «Чехословаки продвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров». Все эшелоны ставились под строгий контроль комиссаров⁴.

Чехословаки формально приняли условия большевиков. На основании

¹ Кратохвил Я. Путь революции. – Прага, 1922. – С.19.

² ГАРФ. Ф.130. Оп. 2. Д.636. Л.1-2.

³ См.: РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.449. Л.43-46.

⁴ Клеванский А.Х. Указ. соч. – С.184-185.

упомянутого договора по Чехословацкому корпусу был объявлен приказ №35 от 27 марта 1918 года, в котором говорилось: «В каждом эшелоне, без исключения, оставить для собственной охраны вооружённую роту численностью в 168 человек, включая унтер-офицеров, и 1 пулемёт, на каждую винтовку 300, на пулемёт 1200 зарядов. Все остальные винтовки и пулемёты, все орудия должны быть сданы русскому правительству в руки особой комиссии в Пензе, состоящей из трёх представителей чехословацкого войска и трёх представителей советской власти. На обязанности этой комиссии лежит следить за правильностью демобилизации»¹.

Но в тот же день на местах была получена телеграмма Л.Д. Троцкого, где говорилось о необходимости полного разоружения чехословаков². Вероятно, у него было желание переложить инициативу решительного разоружения чехословаков на местные органы власти, самому оставаясь в тени. Необходимость таких решительных мер Троцкий впоследствии объяснял тем, что чехословаки представляли опасность для советской власти, так как «Чехословацкий корпус держал себя на нашей территории как самостоятельная держава. Мы ничего, или почти ничего, не могли ему противопоставить»³. Секретные телеграммы о необходимости полного разоружения чехословаков продолжали поступать в местные Советы. В архивах сохранились такие телеграммы и от 24 апреля, и от 23 и 24 мая 1918г⁴. В телеграмме Центросибиря об этом заявлено прямо: «Записка Сталина стремится возложить на нас ваши обязанности в данном случае»⁵. Таким образом, создалось неопределённое положение и обстановка накалялась с каждым днем. «Комиссар СНК по передаче Чехословацких революционных эшелонов» Лукьянов телеграфировал 8 апреля 1918 г. Ленину и председателю Пензенского Совета Кураеву: «Чехословаки честно выполнили все условия, и согласно условиям СНК у них находится только

¹ Голечек В. Указ. соч. Л.7; См.: Цветков В. Мятёж // Родина. – 2001. – № 6. – С.55.

² РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.449. Л. 22; ГАРФ Ф.130. Оп.2.Д.636.Л.16.

³ Луначарский А.В., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. – М., 1991. – С.94.

⁴ Нарфёнов П.С. Гражданская война в Сибири 1918-1920. – М., 1925. – С.24.

⁵ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2.Д.636.Л.3.

оружие крайне необходимое для самозащиты. Несмотря на это во всех больших городах, Сызрань, Уфа, Самара, Челябинск, местные власти требуют сдачи всего оружия, которое Совнаркомом разрешено оставить при эшелонах... Во избежание могущих возникнуть очень серьёзных столкновений о чём прошу немедленно по прямому проводу приказать всем местным властям в Сызрани, Омске не задерживать эшелоны и не отнимать оружия необходимого для самозащиты. Поведение чехословаков безукоризненно»¹.

И действительно, до начала выступления эшелонами, двигающимися через Пензу, было сдано: 21600 винтовок, 1080000 патронов, 216 пулеметов, 44 легких полевых орудия, 5 грузовых и 6 пассажирских автомобилей, 4 аэроплана, 3500 лошадей и другое имущество². В телеграмме из Пензы, напечатанной в № 65 газеты «Правда» от 6 апреля 1918 г., также сообщается от том, что корпус сдал представителям советской власти следующее вооружение: 50000 винтовок, 5000000 патронов, 1200 пулемётов, 6000 лент к ним, 72 орудия, 3 аэроплана, 197 лотков со снарядами, амуницию и лошадей³. Несмотря на расхождение в цифрах, видно, что свои обязательства о сдаче оружия чехословаки выполняли.

Но, видимо, в Москве считали иначе, так как на приведенном выше сообщении есть резолюция: «Повторить телеграмму т. Троцкого о разоружении чехословаков и пропуске от 27 марта 1918 г.».

Председатель Центросибиря Н.Н. Яковлев телеграфировал в Москву 25 апреля: «Троцкий настаивает на пропуске чехословаков. Мы, относясь к этому отрицательно, пропускали во Владивосток. Несколько эшелонов прошло. Теперь Чичерин протестует против пропуска. Как же быть? Уладьте, сообщите ...»⁴.

Председатель Уфимского губернского исполнительного комитета

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2.Д.636.Л.16-17.

² См.: Русская Армия. 1919. 8 июня.

³ См.: Хабас Р. К истории борьбы с чехо-словацким мятежом // Пролетарская революция. – 1928. – № 5. – С.60.

⁴ ГАРФ. Ф.130. Оп.2.Д.636.Л.26.

(губисполкома) Эльцин в воспоминаниях писал: «У нас разброд по вопросу о чехословаках, причем у меня создалось такое впечатление, что подобный разброд был и в центре»¹. Сходные мысли по этому поводу высказывал и член Иркутского ревкома П.П. Постышев².

Действительно действия советской власти по отношению к корпусу носили противоречивый характер. Прежде всего, это можно объяснить тем, что 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией был заключен Брестский мирный договор. Согласно его условиям, Россия, как нейтральное государство не должно иметь на своей территории иностранные военные формирования³. Это условие ставило, хоть и частично, вооружённый Чехословацкий корпус вне закона. Подтверждением такого положения корпуса стала нота по чехословацкому вопросу, адресованная народным комиссариатом по иностранным делам РСФСР американскому, английскому, итальянскому и французскому представителям в Москве в июне 1918 г.⁴

В то же время германское командование было заинтересовано, чтобы эвакуируемый из России корпус как можно позднее прибыл в Европу, а то и вовсе застрял на её территории. Обеспечив свои тылы на востоке заключенным миром, Германия предприняла во второй половине марта 1918 г. решительное наступление на Западном фронте, и появление там чехословацких частей было нежелательно. Поэтому немецкая дипломатия оказывала на Москву серьёзное давление, с тем, чтобы любой ценой задержать корпус в российской глубинке на возможно больший срок⁵. И, судя по действиям германского посла Мирбаха в Москве, давление было, видимо, не только дипломатическим. 15 марта он побывал впервые у В.И. Ленина⁶. За месяц до своей гибели, 3 июня 1918 г. Р. Мирбах отправил

¹ Цит. по: Константинов С.И. Вооружённые формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны: Дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 1998. – В 2 т. – Т.1. – С.100.

² Постышев П.П. Гражданская война на востоке Сибири (1917–1922 гг.). – М., 1957. – С.16-17.

³ См.: Документы внешней политики СССР. В 2 т. – М., 1957-1958. – Т.1. – С.119-124.

⁴ См.: Внешняя политика СССР 1917-1944 гг.: В 2 т. – М., 1944. – Т.1. – С.91-92.

⁵ Пайнс Р. Русская революция. – М., 1994. – Ч.2. – С.284.

⁶ В.И. Ленин: Биографическая хроника. 1870-1924: в 12-ти т. т.5. Октябрь 1917-июль 1918. – М., 1974. – С.294.

шифрованную депешу в германское министерство иностранных дел: «Из-за сильной конкуренции союзников нужны 3 миллиона марок в месяц». Через два дня советник германского посольства Траутман по поручению Мирбаха шлет новую телеграмму: «Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России, весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок»¹.

Правительство РСФСР пыталось выйти из непростой политической ситуации, учитывая ту неустойчивость, которой отличалось международное положение молодого пролетарского государства весной 1918 г.

Опасаясь полномасштабных боевых действий со стороны Германии и её союзников Народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин отправил 21 апреля срочную телеграмму в адрес Красноярского совета с требованием, чтобы были приняты все меры по приостановке переброски «чехословацких отрядов» на восток. Одновременно с этим Г.В. Чичерин просил начать эвакуацию германских пленных в европейскую часть России в связи с японским наступлением в Сибири². Германская сторона была явно обеспокоена тем, чтобы её граждане, находившиеся в России в качестве военнопленных, не попали в руки японцев – противников по продолжавшейся войне. Тем более что в соответствии с Брест-Литовским договором все военнопленные должны были вернуться в Германию³.

Но вскоре в нарушение Брестского договора немецкие войска начали продвижение на юго-восток, захватывая украинские и прилегающие к ним российские территории. В этой сложной ситуации большевики предпринимали попытки ослабить нажим со стороны Германии путем ведения переговоров со странами Антанты. Так Л.Д. Троцкий вёл переговоры

¹ Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет: В 2-х кн. – М., 1997. – Кн.1. – М., 1996. – С. 223-224.

² Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... – С.196.

³ См.: Документы внешней политики СССР... – С.123.

со странами Четвертного согласия, которые продолжались, как указывает переписка Государственного секретаря Лансинга с Президентом США В. Вильсоном до лета 1918 г. Один из рассматриваемых вопросов касался интервенции в Россию союзнических войск через Мурманск и Владивосток¹. По этому поводу эсер В.И. Лебедев еще в 1920 г. отмечал, что «в то время интервенция иностранцев уже существовала - но она была просоветской. А именно, англичане и французы действовали в полной дружбе и по приглашению большевиков на Мурмане... Английские генералы и адмиралы приветствовались встававшими при их появлении членами Мурманского совдепа. Это был краткий момент флирта Троцкого с французами, заслугу которого ставил в свой актив г. Садуль»². И действительно, 1 марта 1918 г. на запрос председателя Мурманского Совета Юрьева, «в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав», поступил ответ из Москвы, в котором Л.Д. Троцкий даже обязал «принять всякое содействие союзных миссий», что послужило как бы официальным разрешением на высадку англо-французских войск³. Во второй половине апреля 1918 г. в связи с угрозой германского наступления на севере Высший Военный Совет республики принял решение «использовать чехословацкие эшелоны для охраны Мурманского края, его побережья и Мурманской железной дороги». Однако предварительно англичане и французы должны были дать гарантию, что «чехословаки не будут использованы во вред Российской республике»⁴. Такое подтверждение было получено только через месяц.

В начале мая 1918 г. командование вооружённых сил Четвертного согласия (преимущественно по настоянию Великобритании) приняло решение, что части легиона, находящиеся всё ещё западнее Омска, не будут следовать во Владивосток, а повернут на север, в Архангельск и Мурманск,

¹ См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России: Документы и материалы. – Владивосток, 1997. – С.177-178.

² Воля России. – 1922. – № 23-24. – С.8.

³ См.: Васюков В.С. Предыстория интервенции. Февраль 1917-март 1918 гг. – М., 1968. – С. 289.

⁴ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2.Д.574.Л.21.

где получают дальнейшие распоряжения. Москва против этого не возражала, так как это укрепляло позиции союзников на севере России и, следовательно, сдерживало натиск со стороны Центральных держав. Но такое решение, как указывал представитель ЧНС в России П. Макса в своих воспоминаниях, вызвало недовольство среди чехословаков¹.

Здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что английское руководство попыталось представить такое изменение маршрута, как инициативу сугубо Советского правительства. В итоге в действиях большевистского руководства чехословаки видели скрытую немецкую интригу с целью «загнать оставшиеся чехословацкие войска на безлюдный Мурман и там заморить их голодом». Все это происходило в условиях усилившейся агитации со стороны эсеров и других политических партий антибольшевистского лагеря, что вызывало дополнительное недоверие чехословаков.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что ещё в апреле 1918 года во французском посольстве в Москве состоялось совещание, на котором представители Антанты достигли соглашения об антисоветском выступлении корпуса. Французский представитель при корпусе майор А. Гинз сообщил чехословакам, что союзники решили в конце июня начать интервенцию и рассматривают чешскую армию вместе с прикомандированной к ней французской миссией в качестве авангарда союзных войск². Также произошли важные изменения и в руководстве филиала Национального Совета. В начале марта Масарик, считая свою миссию в России выполненной, уехал в США. После его отъезда резко возросла роль И. Клецанды (именно он вел переговоры с большевиками в конце марта), который считал необходимым участие корпуса в борьбе с большевиками.

«Наша армия в России,- свидетельствовал Э. Бенеш,- являлась для

¹ См.: Недбайло Б.П. Указ.соч. – С.73

² Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов 1918–1922. В 3-х томах. – М., 1961. – Т.1. – С. 17.

союзников просто пешкой на шахматной доске, причем весьма весомой. Мы не могли сами решать, проводить интервенцию или не проводить»¹.

Действительно, за чехословаков решали другие. «2 мая 1918 г. я уведомил государственный департамент, что время для союзнической интервенции наступило и указал подробно причины»² - писал позднее посол США Френсис. К началу чехословацкого восстания в среде союзных миссий в России не было ни одного человека, который бы стоял на точке зрения интервенции с одобрения Советского правительства. И это сыграло очень важную роль в широком разливе восстания.

Однако рядовой состав корпуса, вспоминал Грэвс, не желал вмешиваться в гражданскую войну и готов был сражаться с большевиками только потому, что чехословаки «представляли их себе агентами Германии или Австрии и полагали, что большевики мешают им при осуществлении их стремлений», - создать независимое государство³.

«Они (чехословаки), - подчеркивал Локкарт,- не любили царского режима, который отказывался признавать их как самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социалистам-революционерам. Они не могли дружно работать с царскими офицерами, составлявшими основные кадры в армиях антибольшевистских генералов»⁴. Необходимо добавить, что на 80% это были люди с университетским образованием. При корпусе, например, издавалась своя газета⁵.

Не было вражды к чехословакам и со стороны населения страны. В колчаковской газете «Русская армия», в статье, посвященной «годовщине свержения Советской власти Чехо-Словаками в Сибири», приводится резолюция рабочего собрания: «Собравшись 2-го июня в театре Сергиевского завода, мы, рабочие, Сергиевского завода и Томиловского

¹ Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. - М., 1955. - С. 71-72.

² См.: Левидов М. К истории союзной интервенции в России. - Т. I. Дипломатическая подготовка. - Л., 1925. - С. 124.

³ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). - М., 1932. - С. 61.

⁴ Локкарт Б. История изнутри. Мемуары британского агента. - М., 1991. - С. 265.

⁵ См.: Драгомарецкий В.С. Указ.соч. - С.93.

артиллерийского склада в количестве около 1500 человек выражаем свое горячее негодование и полное презрение Комиссару по Военным Делах Троцкому-Бронштейну за провокационную двуличность, который своими кровожадными приказами и холопской угодливостью перед немецким империализмом стремится кровью залить и раздавить революционный порыв наших братьев Чехо-Словаков, славных и многолетних борцов за наше освобождение. Вместе с тем мы просим наших товарищей крестьян по пути следования Чехо-Словаков оказать им содействие, достать продовольствие. Да здравствует свободная Чехия! Да здравствует Чехо-Словаки! Долой Троцкого, долой Ленина!»¹.

Об этом говорят и свидетельства большевиков.

В докладе Р.И.Берзина от 14 июня отмечалось: «В самом городе Екатеринбурге рабочие Верх-Исетского завода на многотысячном митинге не давали говорить представителям Советской власти и заявляли, что с чехословаками у них вражды нет»².

Не понимали позицию центра и большинство местных Советов. «До 25 мая,- говорилось в информации Краевого Совета Западной Сибири,- у нас были совершенно мирные отношения с чехословаками. Чувствовалось только, что кто-то их обхаживает»³. Признавал это и сам Троцкий. «В первое время даже со стороны местных Советов ... мы не встречали того отклика, на который имели бы право рассчитывать»⁴ - отмечал он в речи 29 июля 1918 года.

Лишь в мае были намечены примерные задачи корпуса в случае интервенции. 15 мая английское министерство иностранных дел сообщило консулу Ходжсону во Владивостоке, что корпус «может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников, если она осуществиться»⁵.

18 мая французский посол в России Нуланс сообщил военному

¹ Русская армия. 1919. 8 июня.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДОСО). Ф.41. Оп.2. Д.59. Л.14.

³ См.: Гудошников М.А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. – Иркутск, 1959. – С.78.

⁴ Троцкий Л.Д. Социалистическое Отечество в опасности // Сочинения. – Т.17. – Ч.1. – С.506.

⁵ Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. – М., 1982. – С. 77.

представителю при корпусе майору Гинз, что «союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии».¹ Из этого документа становится очевидно, что корпус мог быть использован руководством Антанты в качестве передовых войск интервентов, но только в конце июня. Что же подтолкнуло части корпуса к выступлению раньше запланированного срока?

К середине мая в Челябинск съехались делегаты долго откладывавшегося съезда чехословацкого корпуса. 14 мая военные представители Англии и Франции довели до сведения некоторых чехословацких командиров планы участия корпуса в возможной интервенции (но никак не окончательный план выступления, поскольку планы интервенции разрабатывались именно в расчете на конец июня).

В те же дни 14–17 мая в Челябинске произошел следующий инцидент. 14 мая из вагона следующего в Омск железнодорожного эшелона с беженцами и австро-венгерскими пленными была предположительно брошена чугунная ножка от печки. Она попала в голову чешского солдата Франтишека Духачека, который ремонтировал фургон на платформе. От сильного ушиба тот потерял сознание. Тогда чехословацкие солдаты остановили эшелон, отцепили от него три вагона с военнопленными, вывели их наружу, девятых избили и ранили, а одного - Иогана Малика, на которого как на виновника броска чугунной ножки указал один из избитых, убили².

17 мая созданная Челябинским Советом комиссия арестовала 10 чехословацких солдат, подозреваемых в расправе над Маликом. Командование эшелонов 3-го и 6-го полков чехословацкого корпуса выслало в Совет депутацию с требованием немедленно освободить арестованных, но она была также задержана. В ответ на это действие чехословаки начали захват ключевых пунктов города. Для Совета это было полной

¹ Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов 1918–1922. в 3-х т. – Т.1. – М., 1961. – С. 17.

² Объединённый государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф.596. Оп.1. Д.142.Л.11.

неожиданностью, и сопротивления легионерам оказано не было. Об этом свидетельствуют показания очевидца этих событий «17 мая... прибежал ко мне начальник отряда Ярченко. Заявил, комиссариат арестован, это было около 7 часов вечера, наша охрана обезоруживается, чехословаки выступают против Совета, арестовать его. Я спросил за что, он ответил за то, что арестовали 10 человек, чехов, которые были присланы для дознания в следственную комиссию, затем арестовали 12 человек, делегацию чехов, и они возмутились, хотят Совет арестовать, своих освободить»¹.

На следующий день Совет освободил арестованных, и чехословаки покинули город. Надо отметить, что чехи тоже не желали обострения обстановки. Об этом свидетельствует их заявление. «На завтра [18 мая] чехословаками было выпущено обращение к населению за подписью командира 3-го чехословацкого полка, что никогда не пойдём против советской власти и что вчера 17 мая мы приходили освободить арестованных без вины. Не верьте никому, кто будет говорить, что чехи враги русского народа»². Инцидент с чугунной ножкой, таким образом, был улажен³.

Но в Москве реакция на случившееся была иной. Советское руководство увидело в этом событии посягательство на свою власть и поспешило принять карательные меры. Так, в ночь на 21 мая были арестованы заместители председателя филиала Национального Совета П. Макса и Б. Чермак, первый из которых был известен как противник участия в интервенции. 21 мая арестованные по требованию большевиков отдали приказ чехословацким формированиям сдать все оружие «безо всякого исключения» официальным представителям местных Советов. Все это слишком напоминало провокацию, тем более что арест Максы резко усилил позиции редактора официальной газеты корпуса Б. Павлу, ярого антибольшевика.⁴

В донесении американского посланника в Токио своему правительству

¹ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.142. Л.23.

² ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.264. Л.143.

³ См.: Клеванский А.Х. Указ. соч. – С.202-203.

⁴ Юрченко В. Указ. соч. – С.32.

говорилось, что находящийся в Токно Масарик, когда получил первое известие о разоружении чехословаков, заявил, что это вполне естественный процесс и что эти отряды должны быть разоружены.¹

Но большевики предприняли еще более радикальные шаги. 21 мая председатели Советов Пензы, Самары, Уфы, Челябинска, Омска, Кургана, Петропавловска и Иркутска получили телеграмму заведующего оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С.И. Аралова. В ней говорилось, что по приказанию Троцкого «предлагаю вам предложить чехословакам, находящимся в эшелонах - организовать в рабочие артели по специальности и вступить в ряды советской Красной армии». В тот же день последовала еще более решительная телеграмма Аралова: «предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, к разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса, как остатка старой регулярной армии. Из личного состава корпуса формируйте красноармейские части и рабочие артели...». На деле получалось, что большевики вовлекали чехословаков в Гражданскую войну и вместе с тем принуждали изменить присяге, данной legionерами французскому командованию². Как утверждает И. Веселы, бывший шефом чехословацкой госбезопасности и имевший доступ к соответствующим архивам, ранее отданные Троцким секретные приказы о разоружении чехословаков стали им известны³.

Состоявшееся 20 мая совещание членов филиала Национального Совета, командиров полков и руководителей делегаций обеих дивизий приняли решение оружия не сдавать и в случае необходимости пробиваться на восток с боем.

В созданный съездом (взамен филиала Национального Совета) Временный исполнительный комитет (ВИК) чехословацкой армии вошли члены упраздненного филиала И. Давид, Е. Павлу, Ф. Рихтер, Б. Завада,

¹ Левидов М. Указ. соч. – С.133.

² См.: Воля России. – 1922. – № 23-24. – С.9.

³ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. – М., 1965. – С.121.

командир 3-го полка подполковник Войцеховский, 4-го - поручик С. Чечек, 7-го - капитан Р. Гайда и еще 4 делегата (Бем, Рочек, Плеский и Сотоларж). Намечалось привести части корпуса в боевую готовность к 27 мая. Правда Р. Гайда сразу после совещания отправил в Марининск начальнику своего штаба капитану Кадлецу шифровку с приказом немедленно захватить Новониколаевск¹.

В 7.35 утра 25 мая член исполкома Марининского Совета Колесников сообщил в Омск, что «два эшелона чехов ... наступают на город»².

Таким образом, в этот день 25 мая, вспыхнули первые, слабые еще, языки пламени. Если не погасить их, то хотя бы попытаться сделать это - такие действия подсказывает логика здравого смысла. Но в тот же день, 25 мая, в 23 часа последовал из Москвы приказ Л.Д. Троцкого № 377, по которому: «...все Советы по железной дороге обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооружённым на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооружённый, должен быть выгружен из вагонов и заключён в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссариаты обязуются немедленно выполнять этот приказ. Всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару. Одновременно посылаются в тыл чехословацким эшелонам надёжные силы, которым поручено проучить мятежников. С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся советской власти будет поступлено как с братьями... Ни один вагон с чехословаками не должен двигаться на восток...»³.

Приказ был перехвачен чехословаками по телеграфу, очевидно, в момент передачи⁴. Тем не менее чехословаки не оставляли надежду на мирный исход событий. 26 мая Временный Исполнительный Комитет,

¹ Юрченко В. Указ. соч. – С.33.; Голечек В. Указ. соч. Л.17.

² Клеванский А.Х. Указ. соч. – С.207; Веселы Н. Указ. соч. – С.121; Парфёнов П.С. Указ. соч. – С.26.

³ См.: Приложение 2; ГАРФ.Ф.130.Д.636.Л.33; Парфёнов П. С. Указ. соч. – С. 25-26; Голечек В. Указ. соч. Л.9.

⁴ См.: Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 252.

созданный на съезде депутатов корпуса, за подписью его председателя Богдана Павлу и секретаря Франца Рихтера обратился в Совнарком к Троцкому и местным Советам: «...Съезд протестует против замеченных попыток разоружить и остановить Чехословацкие эшелоны и всякую попытку такого рода считает насильственным действием. Принимая необходимые меры предосторожности, Чехословацкий Исполнительный Комитет не лишен надежды, что Советская власть не захочет препятствовать отходу революционных чехословацких войск, стремящихся на тот фронт, куда нас зовет интерес народа нашего...»¹.

Одновременно отдельные антисоветски настроенные командиры корпуса действовали весьма решительно. Р. Гайда, прибыв в занятый чехами 26 мая Новониколаевск, отдал приказ своим эшелонам захватить те станции, на которых они в данный момент находятся. 27 мая он телеграфировал по всей линии: «Всем эшелонам чехословаков. Приказываю по возможности наступать на Иркутск. Советскую власть арестовывать. Отрезать Красную Армию, оперирующую против Семенова»². В это же время чехословацкие части из Челябинской группы С.Н. Войцеховского захватывают Челябинск и ведут бои за Златоуст³. Вскоре чехословаками были заняты Троицк и Миасский завод⁴.

Как видно, к такому повороту событий советское руководство было совершенно не готово. Все нагляднее вырисовывалась непродуманность избранного варианта решения проблемы Чехословацкого корпуса. При отсутствии собственной регулярной армии, в условиях наступления германских войск с запада и японских - с востока, при активизации контрреволюционных сил в различных районах страны согласиться на движение по собственной территории корпуса регулярных войск

¹ См.: Приложение 3.

² Клеванский А.Х. Указ. соч. – С.209.

³ Васьковский О.А., Молодцыгин М.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Скробов В.С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. – Свердловск, 1969. – С.87-88; Машин М.Д., Семьянинов В.С. Вооружённая борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции (1918–1919). – Иркутск, 1991. – С.31-34.

⁴ Моравский С. Восстание чехо-словаков в Сибири // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 25.

иностранный государства, к тому же демонстрировавшего всё меньшую лояльность к власти, значило усугубить опасность существовавшему и далеко не прочному политическому режиму. С другой стороны, и реальных сил, как покажут дальнейшие события, чтобы разоружить корпус, у советской власти не было. Надежды на то, что личный состав удастся легко распропагандировать и сформировать из него полноценные красноармейские части, как показало время, были излишне оптимистичными. В действиях органов власти, как центральной, так и местной, присутствовали и откровенные ошибки, и торопливость, и неопытность в такого рода делах.

По всей видимости, лучшим выходом было бы разрешение создавшейся ситуации дипломатическими средствами. И определённые шаги по урегулированию возникшего конфликта предпринимались.

Во время переговоров с чехословацким командованием, проходивших в конце мая - начале июня 1918 г., советские представители указывали на то, что в случае немедленного прекращения военных действий и сдачи оружия Чехословацкому корпусу будет предоставлена возможность беспрепятственно и в короткие сроки покинуть пределы России. В нотах народного комиссара иностранных дел (наркоминдел) Г.В. Чичерина, направленных 28 мая 1918 г. французскому генеральному консулу в Москве Гренару и дипломатическому представителю Англии Локкарту, также подчеркивалась готовность Советского правительства содействовать отправке чехословацких частей во Францию, но при обязательном условии их немедленного разоружения и то, что будут немедленно возвращены русские солдаты, оставшиеся во Франции¹.

В опубликованном 30 мая в газете «Правда» сообщении народного комиссара по военным делам по поводу чехословацких эшелонов также указывалась необходимость их полного разоружения и «строжайшее подчинение предписаниям Народного Комиссариата по военным делам»².

Также стремится уладить конфликт и атташе при Французской военной

¹ См.: Документы внешней политики СССР ... – Т.1. – С.326-327.

² См.: Внешняя политика СССР... – М., 1944. – Т.1. – С.80-81.

миссии в Петрограде капитан Ж. Садуль. Он обращается к Троцкому и просит его освободить Чермака и профессора Макса, при этом подчёркивая, что последние пользуются большим влиянием в войсках и могли бы стать прекрасными посредниками в деле примирения. Троцкий соглашается и даёт распоряжение освободить профессора П. Макса, который признаёт, что, хотя у чехов есть немало оправданий их действиям, всё-таки они совершили ошибки, которые нужно исправлять. Он убеждён, что покончить с этим делом необходимо как можно быстрее. В целом Макса принял выдвинутые Троцким условия¹. Он незамедлительно назвал случившееся следствием печального недоразумения и «прямо преступного непонимания нашего настоящего положения и действительных наших целей». В своей телеграмме от 29 мая, следуя в Пензу к месту проведения переговоров по урегулированию вооруженного конфликта, он призывал чехословацких солдат: «Наши товарищи совершили ошибку, выступив в Челябинске. Мы, как честные люди должны принять на себя последствия этой ошибки. Еще раз от имени профессора Масарика призываю прекратить все выступления и соблюдать полное спокойствие. Это советует Вам и Французская военная миссия... Несмываемым позором будет покрыто наше имя, если мы прольем хоть каплю братской русской крови и будем мешать русскому народу устраивать свои дела по своему желанию в тяжелое время самой напряженной революционной борьбы у нас на родине...»². К сожалению, это обращение не могло оказать уже сколько-нибудь серьёзного влияния на командование Чехословацкого корпуса, которое уже подчинялось только приказам ВИК.

31 мая Аралов телеграфировал в Пензу Курасеву: «Профессор Макса выехал Моршанск для улаживания конфликта с чехословаками. Пришлите туда несколько чехословаков для переговоров с ним»³.

Однако еще 28 мая тот же Аралов в своей телеграмме напоминал

¹ Садуль Ж. Заниски о большевистской революции 1917–1920. – М., 1990. – С. 295.

² РГВА Ф.1. Оп.1. Д.449. Л. 47; См.: Алексеев В. Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье // Пролетарская революция. – 1928. – №4. – С.51–52.

³ РГВА Ф.1. Оп.1 Д.28. Л. 26.

Омскому военному комиссару: «Троцкий приказал его приказ по отношению к чехословакам привести в исполнение. Вам посылаются бронированные поезда из Москвы...»¹.

Вскоре ставка на силовые методы стала единственной. Вечером 4 июня Аралов телеграфировал в тот же адрес: «...никаких переговоров на линии фронта и поездов в тыл к чехам. Запрещены тов. Троцким. Профессора Максу допускать к чехам нельзя. Строго за ним смотреть. Вы за него отвечаете»².

На претензии Берлина о нарушении правительством РСФСР нейтралитета, в соответствии с Брестским договором, что выразилось в намерении России пропустить хорошо вооружённый корпус на западный фронт, посол Советской республики в Германии А.А. Иоффе, как это следует из его телеграммы от 11 июня 1918 г. В.И. Ленину и Г.В. Чичерину, однозначно заявил германскому правительству, что чехословацкие войска, находящиеся на территории Советской России, рассматриваются правительством как бунтовщики и будут уничтожены³.

Сам П.И. Макса по этому поводу в июле 1919 года вспоминал, что «к войску мы не попали, не потому что войско не хотело с нами говорить, а потому что нас не пустил к нему пьяный командир, матрос Попов и потому что наши ребята требовали свидания на своей стороне, а большевики на это не соглашались...»⁴.

Также следует обратить внимание и на то, что, несмотря на имеющиеся у союзников планы использования Чехословацкого корпуса в качестве войск интервентов, необходимо подвергнуть сомнению господствующее в советской историографии мнение о вооружённом выступлении чехословаков как заранее спланированном и организованном странами Антанты⁵.

Выявленные факты позволяют утверждать, что такая однозначная

¹ РГВА Ф.1. Оп.1 Д.28. Л.7.

² Там же. Л.44.

³ ГАРФ.Ф.130.Оп.2.Д.490.Л.3.

⁴ Цит. по: Недбайло Б.Н. Указ. соч. – С.82.

⁵ См.: Большая советская энциклопедия. – Т.18. – С.182; См.: Внешняя политика СССР... – М., 1944. – Т.1. – С.143.

постановка вопроса неверна. Прежде всего, заявления политических лидеров ЧНС, прозвучавшие до середины мая 1918 г., указывали на однозначное намерение Чехословацкого корпуса эвакуироваться во Францию как можно быстрее, а до этого они требовали уважать законы страны пребывания. Так Т.Г. Масарик, покидая Россию в марте 1918 г., в своем воззвании к чехословацким войскам призывал: «Пока будете в России, соблюдайте во всех её внутренних делах строгий нейтралитет»¹. В конце апреля он предложил союзникам наладить «более тесные отношения с большевистским правительством, вплоть до признания его де-факто»² и возможности организации русской армии.

Обращает на себя внимание и отсутствие заранее разработанного и доведённого до командования всех эшелонов плана действий, на это указывает не одновременность, а последовательность выступлений чехословацких частей: в Мариинске – 25 мая, Челябинске и Новониколаевске – 26 мая, в Пензе – 27 мая, Владивостоке – 29 июня 1918 г.

Свидетельства о стихийности мятежа имеются и у представителей антибольшевистского лагеря. Так полковник А.Н. Гришин-Алмазов, донося 19 июня 1918 г. Совету министров Сибирского правительства о вооружённом выступлении чехословаков, писал, что «...эти события произошли стихийно без достаточной подготовки»³.

Наконец, открытое вооружённое выступление Чехословацкого корпуса против советской власти совпало по времени со сменой руководящего политического органа: после съезда депутатов Чехословацкого корпуса реальная власть перешла в нём от филиала ЧНС к Временному исполнительному комитету. Представители филиала в это время находились в Москве и стали заложниками органов советской власти. Без сомнения, что такого не произошло, если бы мятеж готовился заранее.

По нашему мнению, вопрос о действительном использовании

¹ Масарик Т.Г. Мировая революция ... – С.197.

² Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России... – С.176-177.

³ ГАРФ.Ф.200.Оп.1.Д.26.Л.4.

чехословаков в интересах стран, осуществлявших военную интервенцию против России, возник только после начала вооруженного выступления корпуса. Здесь следует заметить, что правительства стран Антанты сразу оценили, насколько выгодным может оказаться для них вооружённое выступление чехословацкого корпуса против советской власти. Посланник США в Китае В. Рейниш писал 13 июня государственному секретарю Д. Лансингу о чехословацких частях: «...при небольшой моральной и материальной поддержке они смогут контролировать всю Сибирь в ущерб Германии. Они с симпатией относятся к русскому населению, страстно хотят быть полезными союзному делу... их выезд окажется чрезвычайно выгоден для Германии и ещё более обескуражит Россию. Если бы их не было в Сибири, стоило бы доставить их туда издалека...»¹.

В свою очередь, Государственный секретарь США информировал президента В. Вильсона 23 июня 1918 г. о возможности «сделать этот отряд умелых и лояльных войск ядром для военной оккупации Сибирской железной дороги...»². Решение о применении Чехословацкого корпуса в войне «против немцев» окончательно было выработано странами Антанты, только после того, как Япония в двадцатых числах июня 1918 г. согласилась на интервенцию против России³. Несмотря на то, что условие союзников о том, что японские войска «... будут продвигаться как можно далее на запад, чтобы войти в соприкосновение с немцами» в Токио было отклонено, именно в этот момент, на наш взгляд, и было принято окончательное решение использовать «отряд умелых и лояльных войск» как авангард оккупации Западной Сибири, а затем и Поволжья.

«Державы Антанты, рассматривающие чехословаков как союзную армию, - заявил представитель союзников Г.В. Чичерину в начале июня, - будут расценивать их разоружение или плохое обращение с ними как враждебный акт по отношению к Антанте, продиктованный немецким

¹ Цит. по: Недбайло Б.Н. Указ. соч. – С.84.

² См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем востоке... – С.196.

³ См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем востоке... – С.181.

влиянием»¹. 6 июля 1918 г. представителями союзного командования была подписана декларация, официально указывающая на интервенцию союзных войск на Дальний Восток России в целях поддержки и обеспечения безопасности чехословацких войск².

Другой политический лидер П.И. Макса, занимая должность комиссара корпуса, в момент его вооружённого выступления в июле 1919 года в газете «Народни листы» отмечал, что политика чехословацкого руководства в это время строилась на следующих принципах: «наша Сибирская армия борется против большевиков в такой мере, поскольку последние препятствуют уходу наших на запад и поскольку они соединяются с элементами немецких и австро-венгерских военнопленных, которые под прикрытием большевизма желают уничтожить чехословацкое освободительное движение...»³.

Кроме того, официальная советская историография всегда доказывала, что перед корпусом ставилась задача «отрезать от Советской республики богатые хлебом районы Поволжья и Сибири. Дальнейшая задача мятежников состояла в том, чтобы установить контакт с интервентами, наступавшими с севера, и контрреволюционными силами, действовавшими на юге и, объединившись, повести наступление на центральные районы страны с целью захвата Москвы и свержения Советской власти»⁴.

Нагляднее всего несостоятельность версии о «походе на Москву» на начальном этапе борьбы чехословаков против советской власти демонстрируется событиями в районе Пензы.

В конце мая группа С. Чечека, оказавшаяся в арьергарде корпуса, двигалась от Тамбова к Пензе. В случае наступления на Москву ценность плацдарма на правом берегу Волги была бы неоспорима, тем более что его силам красные могли противопоставить лишь две тысячи человек при 5

¹ См.: История внешней политики СССР 1917–1945 гг.: В 2 т. – М., 1976. – Т.1. – С.75; Документы внешней политики СССР. – Т.1. – С.347,356.

² Внешняя политика СССР. 1917–1920 гг. – М., 1944. – Т.1. – С.393-394; См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. – Пекин, 1921. – Т.2. – Ч.3. – С.534.

³ Цит. по: Недбайло Б.П. Указ. соч. – С.86.

⁴ Гражданская война в СССР. – М., 1980. – Т.1. – С.156.

орудиях. Однако Чечек лишь потребовал пропустить его на восток - к Сызрани. Красные, имевшие приказ разоружить «противника» под страхом «суровой кары», предприняли безуспешную попытку сделать это.

«На чехословаков в Пензе напали советские войска,- говорилось в телеграмме «Чехословацкого военно-революционного солдатского комитета Пензенского боевого участка» от 30 мая в Совнарком,- Бой начался. Для нашей самозащиты [мы будем] действовать следующим образом: не будем никого трогать, кто не будет против нас воевать, будем сурово расправляться со всяким, кто поднимет против нас оружие»¹.

«Чехословаки разбили нападавших, - писал В.Лебедев. Но даже и в этот момент, когда существование эшелонов было поставлено на карту, они продолжали не вмешиваться в русские дела. После боя у Пензы они продолжали свое продвижение дальше. После боя у Иркутска - они по совету французского консула Буржуа отдали его немедленно обратно большевикам»². В воспоминаниях Р. Гайды командующего Сибирской группой чехословацкого корпуса, также можно найти красноречивое свидетельство того, что чехословаки не стремились вступать в конфликт с советской властью. Единственной их целью было добраться до Владивостока и переправиться во Францию. «Ещё в половине июня, когда бои шли по всей Западной Сибири, Владивостокская группа оставалась в бездействии. Нашим эшелонам была послана телеграмма из Владивостока от 16 июня 1918 года за подписями членов отделения Национальной Рады генерала Дитерихса и доктора Гирсы. «Вновь настойчиво напоминаем, что единственной нашей целью является возможно скорее пробраться на французский фронт, поэтому надлежит соблюдать полнейший нейтралитет в русских делах. Старайтесь договориться с местными советами на мало-мальски приемлемых для нас условиях. Одновременно телеграфируем Центросибири, чтобы гарантировать ваше продвижение на основании договора, заключенного между СНК и отделением Национальной Рады от 26 марта, согласно которому

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп.2.Д.636.Л.66.

² Воля России. - 1922. - № 23-24. - С.9.

проследовали первые двенадцать поездов. Если добьёмся договорённости, мы требуем, в ваших собственных интересах и для достижения нашей единственной цели, чтобы вы немедленно прекратили сопротивление и продолжили продвижение во Владивосток»¹.

Заняв Пензу 28 мая, Чечек ушел к Сызрани, прихватив с собой 2 броневика, присланные из Москвы. Подойдя к Сызрани, Чечек опять-таки попросил только об одном - пропустить его эшелоны на левый берег реки. В Совнарком пошла телеграмма председателя Сызранского исполкома Щербакова: «Сызрань занята чехословаками количестве 3000 человек. Сопротивление оказать не могли. Насилий чехословаки пока не производят. Сообщили Самару. Требуется достаточная сила»².

О дальнейших событиях в 1922 г., когда еще были в живых многие свидетели, поведал эсер В. Лебедев, член правительства Самарского Комуча. «И все же гражданской войны еще не было. Началась она после сызранского предательства. Когда чехословацкие эшелоны подошли к Сызрани, они обратились к рабочим. Рабочие и особенно железнодорожники, пригласили чехословаков на митинг, где и выяснилось, что цели, преследуемые последними, вполне законны. Тогда под влиянием рабочих сызранский большевистский совдеп пропустил через Сызрань эшелоны, заключив с ними договор ... Рабочие на митинге произносили страстные речи в защиту чехословаков, правительственная партия левых эсеров заявила в местной прессе, что шаг Троцкого продиктован Мирбахом ... Чехословаки с триумфом прошли через Сызрань ... Но из Москвы летели грозные телеграммы Троцкого и ... из Сызрани в тыл пропущенным чехословацким эшелонам вышел усиленный подошедшими подкреплениями сызранский гарнизон. Из Самары навстречу им шли сосредоточенные там многочисленные красные войска. Чехословаки попали в настоящую ловушку. В день, когда на пути из Сызрани в Самару, разыгрывалось сражение между чехословаками и большевиками, в Самаре восстало, восстававшее и раньше,

¹ Гайда Р. Указ. соч. Л.13.

² ГАРФ Ф.130. Оп. 2. Д.636. Л.57.

но неудачно, население, руководимое социалистами-революционерами. Разбив в неравном бою под Липягами большевиков, чехословаки вступили в Самару, уже находящуюся в руках восставших. В ней успешно формировалась Народная армия, подчиненная Комитету членов Учредительного Собрания. Так возник волжский фронт»¹.

Таким образом, в действиях С. Чечека нет никакой загадки - он двигался не на Москву, а на Владивосток, где в полном бездействии стояла достигшая его раньше других группа М.К. Дитерихса. Лишь отдельные, наиболее ретивые командиры (Р. Гайда) уже в мае стремились «арестовать советскую власть», утверждали, что «будет образовано новое правительство» и т.п.

Руководители местных Советов, поставленные между двух огней, оказались в сложном положении. Их принуждали вступать в бой. Вот выдержки из отчаянной телеграммы на имя Ленина председателя Пензенского Совета комиссара Кураева от 31 мая: «Перед боем в Пензе я предупреждал Вас о том, что мы потерпим поражение. Убеждал разрешить вопрос мирным путем... Тов. Сталин ответил мне на нее, что переговоры кончены, надо действовать. Я подчинился приказанию, хотя считал его в корне ошибочным. Пенза взята. Через 2-3 дня будет взята и Самара... Только что получил сообщение из Сызрани, что чехи заняли город, не тронули Советов, что они выбирают из Пензы. Они оставят Пензу очевидно без боя. Они стремятся к своей цели. Вся история с чехами за последнее время есть грубейшая политическая ошибка. Даже заняв Пензу, они заявляют в своих прокламациях, что они не против советской власти, что чехословацкое выступление вызвано их желанием пробиться во Владивосток. Кому нужно это кровавое столкновение, какую пользу оно принесло и что оно дало советской власти, кроме дискредитирования ее авторитета?

Я был хорошим исполнителем воли Совнаркома. Я вижу всю величину ошибки совершенной очевидно отдельными представителями его и я вам

¹ Лебедев В.И. «Чехословацкий фронт» и московский процесс // Воля России. Прага, 1922. – № 23-24. – С. 9-10.

заявляю об этом...»¹. В искренности и убедительности этого документа сомневаться не приходится. Думается, что с содержанием этой телеграммы могли бы согласиться многие председатели Советов городов, расположенных на Транссибирской магистрали.

На вопрос о численности корпуса, на момент его выступления против советской власти, до сих пор нет однозначного ответа. Так в выступлении Г.Е. Зиновьева в 1918 г. она определена в 20 тысяч², в книге П.С. Парфёнова, вышедшей в 1925 году - в 37 тысяч человек³, в изданиях 1980 года - до 50 и даже 60 тысяч⁴. В энциклопедическом издании Р. Эрнеста Дюпюи и Тревора Н. Дюпюи «Всемирная история войн» численность чехословаков весной 1918 г. определена в 100 тысяч человек⁵.

Вот как оценивается численность чехословацких частей в письме атташе при французской военной миссии в Петрограде капитана Ж. Садуля министру вооружений французского правительства А. Тома от 28 мая 1918 г.: «После заключения Брестского мира чехословацкий корпус, который состоит из 45000 бывших военнопленных, должен был быть отправлен на Западный фронт. Я получил от Троцкого разрешение на переброску чехов и словаков во Владивосток, где они должны были сесть на пароход и отправиться морем во Францию. 5000 человек уже прибыли во Владивосток. Еще 20000 находятся в пути между Омском и Владивостоком, примерно 20000 остаются пока в России»⁶.

Эта цифра наиболее близка к реальной, ведь организация корпуса создавалась по образцу организации старой русской армии, а по штатам военного времени в дивизии состояло 20 тыс. человек, корпус состоял из двух дивизий.

Необычайно велик в корпусе был процент офицеров. На 16 солдат

¹ ГАРФ Ф.130. Оп. 2. Д.636. Л. 79-85.

² Зиновьев Г. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс. – М., 1927. – С.12.

³ Парфёнов П.С. Гражданская война в Сибири 1918–1920. – М., 1925. – С. 23-24.

⁴ Гражданская война в СССР. – Т.1. – М., 1980. – С.179; Советская военная энциклопедия. – Т.8. – М., 1980. – С.473.

⁵ Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн. Кн.3: 1800–1925. – СПб., 1998. – С.972.

⁶ Садуль Ж. Записки о большевистской революции 1917–1919 гг. – М., 1990. – С.292.

приходился 1 офицер, т.е. пехотный батальон (700-800 штыков) имел в своем составе 40-45 офицеров.

Не все солдаты корпуса приняли участие в борьбе с большевиками. Уже после начавшегося вооружённого противостояния между частями корпуса и вооружёнными формированиями советской власти около 3 тысяч чехословаков под влиянием агитаторов, из принявших сторону большевиков чехов, перешло в Красную Армию. Всего же в рядах советских формирований сражалось около 12 тысяч чехословаков, из них половина погибла в боях¹. Также ссылки на численность корпуса содержатся в документах небольшевистской стороны. В переписке министерства иностранных дел правительства А.В. Колчака хранится документ, датированный 21 декабря 1918 г. В нем определяется боевая численность войск западного фронта: русских 50534 штыка и 7378 шашек, чехословаков - 7451 штык и 78 шашек. В резерве фронта: русских 23232 штыка и 12448 шашек, чехословаков 30000 штыков, 560 сабель². Таким образом, к концу 1918 г. на стороне А.В. Колчака числилось немногим более 38000 чехословацких штыков и сабель. Здесь следует отметить, что к моменту составления этого документа чехословацкие войска уже пять месяцев вели бои с частями Красной Армии и, естественно, несли потери. Поэтому на основании этого документа нельзя определить численность чехословацкого войска на момент их выступления против большевиков.

При рассмотрении вопроса о численности Чехословацкого корпуса необходимо учитывать и то обстоятельство, что в него также входили подразделения из военнослужащих других национальностей. Так кроме чехословацких дивизий в состав корпуса позднее вошла польская дивизия, легион трансильвано-буковинских стрелков (румыны), батальон югославян (сербов)³, а также карпато-русское формирование (украинцы)⁴.

¹ См.: Наумов М.В. Омские большевики в авангарде борьбы против белогвардейцев и интервентов. Июнь 1918–1919. – Омск, 1960. – С. 13.

² ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.26. Л.189.

³ См.: Вендрик Г.А. Декабрьско-январские бои 1919–1920 гг. в Иркутске. – Иркутск, 1957. – С. 13.

⁴ ГАРФ. Ф.8200. Оп.1. Д.1. Л.5.

В книге В.В. Хрулёва «Чехословацкий мятеж и его ликвидация» указывается численность корпуса в 50-55 тысяч человек¹.

Цифра в 55 тысяч человек упоминается и профессором П.И. Макса, бывшим заместителем председателя филиала ЧНС и комиссаром Чехословацкого корпуса, в статье, опубликованной в статье «Чешское слово» в июле 1919 г. По всей вероятности, такая численность корпуса и является наиболее обоснованной.

Состав четырех групп чехословацких войск на момент их вооружённого выступления против советской власти дан в работе В.В. Хрулева, а также в работе В. Голечека. Владивостокская группа (3-я дивизия) состояла из 5-го и 8-го полков, трех батальонов 2-го запасного полка, одного батальона 7-го полка, 2-й артиллерийской бригады и инженерной роты. Всего 14000 человек. Командир группы – генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Сибирская группа (2-я дивизия) под командованием Р. Гайды (Курган-Иркутск) состояла из 3 эшелонов 6-го полка, 4 эшелонов 7-го полка, 1 эшелона ударного батальона, 1 эшелона 2-го запасного полка, 2 эшелонов 2-й артбригады, 1 эшелона 8-го полка и эшелона штаба со вспомогательными войсками. Всего около 11000 человек. Челябинская группа С.Н. Войцеховского состояла из 2-го и 3-го полков и двух батальонов 5-го полка, запасного полка, ударной роты, батареи и двух бронепоездов. Всего 9000 человек. Пензенская группа (1-я дивизия) С. Чечека в районе Тамбов-Пенза состояла из 1-го и 4-го полков, 1-го запасного полка и 1-й артбригады. Всего около 8000 человек².

О политических настроениях рядовых легионеров свидетельствует Н.И. Подвойский. В телеграмме в СНК из Уфы в середине июня, основываясь на показаниях двух медицинских сестер, он сообщает: «один из врачей чешского эшелона заявил сестрам, что они силой оружия объединят

¹ См.: Хрулёв В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М., 1940. – С.43.

² См.: Хрулёв В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – С.10; Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. – М., 2000. – С.341-342; Голечек В. Указ.соч. Л.11.

большевиков, дутовцев и семеновцев и принудят их к войне с немцами ...»¹

Первоначально предполагалось ограничить район интервенции Дальним Востоком и частью Сибири, не было, в частности, твердого намерения продвигаться западнее Байкала.

Об этом свидетельствует тот факт, что к предложению эсера И. М. Брушвита, приехавшего в Пензу для переговоров с чехословаками, о совместном выступлении против советской власти и захвате Поволжья, командование корпуса отнеслось без должного внимания. Ему сообщили, что чехословацкие части корпуса следуют во Францию и не желают вмешиваться во внутренние дела России².

Тем не менее следует отметить, что чехословаки встретили поддержку местного населения. Р.И. Берзин свидетельствует, что жители Челябинска и Златоуста приветствовали их приход. Упомянутый Брушвит вспоминал летом 1918 года: «Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Томилинского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян, доставивших чехам провизию и все необходимое, а также восстание уральских казаков окончательно убедили чехов, что Россия может возродиться»³.

Но в мае корпус хотел лишь одного - во Владивосток, потом во Францию. В телеграмме в Совнарком от 30 мая чехословаки ответственность за то, что дело дошло до вооруженного выступления «перед всей Россией и перед всем миром» возложили на советскую власть, которая «помимо того в лице военного комиссара Троцкого вела переговоры с чехословаками неискренним способом, обещая делегациям чехословаков одно и отдавая местным совдепам тайные распоряжения совсем другого рода»⁴.

Но решение было принято. Л.Д. Троцкий, на переговорах с посланным 25 мая в Москву представителем чехословаков В. Нейбертом, 31 мая в

¹ ГАРФ Ф.130. Оп. 2. Д.636. Л.144.

² Майский И.М. Демократическая контрреволюция. — М., 1923. — С. 47-48.

³ Алексеев В.И. Два года борьбы. — Ульяновск, 1927. — С. 66.

⁴ ГАРФ. Ф.130. Оп.2.Д.636.Л.66.

письменной форме подтвердил свои приказы¹. При этом он возобновил предложение вступить в Красную Армию и сказал, что его «заявление не относится к тем частям, которые будут разоружаться сейчас советскими частями в бою. По отношению к ним остается во всей силе приказ о расстреле застигнутых с оружием в руках»². Это распоряжение Троцкого не оставляло чехословакам иного выбора как начать вооружённую борьбу против советской власти. Что, по мнению Троцкого, принесло неоценимую пользу большевикам, так как привело к сплочению революционных сил. Подтверждением служит его утверждение, высказанное позднее: «Появление на сцене чехословацких частей изменило обстановку – сперва против нас, но в конечном счёте в нашу пользу. Белые получили военный стержень для кристаллизации. В ответ началась настоящая революционная кристаллизация красных. Можно сказать, что только с появлением чехословаков Поволжье совершило свою Октябрьскую революцию»³.

Вооружённые действия чехословаков в Поволжье, на Урале и в Сибири стали катализатором, который активизировал деятельность боевых контрреволюционных организаций, возглавляемых различными политическими силами, как правило, мелкобуржуазного толка – правыми эсерами, меньшевиками. На занятых территориях чехословаки силой устранили Советы. Однако власть в свои руки они не брали, а передавали её демократическим правительствам, численность которых достигла десятка.

Командование Чехословацкого корпуса в данный период стремилось не только активно способствовать борьбе антибольшевистских сил Поволжья, Урала и Сибири, но и наладить взаимодействие между всеми небольшевистскими силами.

¹ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. – Т.1. – С.213-214.

² Воля России. – 1922. – № 23-24. – С.9.

³ Луначарский А.В. Указ. соч. – С.95.

1.2. Проблемы сотрудничества Чехословацкого корпуса с правительством Комуча и Временным областным правительством Урала (июнь - ноябрь 1918 г.)

Военно-политические события лета 1918 г., ознаменованные первым крупномасштабным наступлением сил белого движения против советской власти, способствовали превращению Средневолжского региона в эпицентр Гражданской войны. Самарская губерния, занимавшая значительную территорию, граничащая с оренбургским и уральским казачеством, разнородная в национальном отношении, богатая хлебом и имевшая значительную прослойку зажиточных крестьян, идеально подходила по замыслу организаторов сопротивления власти большевиков для развертывания крупных военных операций против центра. Здесь было сильно влияние социалистов-революционеров, которые после Февральской революции 1917 г. занимали многие ключевые посты во властных и общественных организациях. Свое отстранение от власти большевиками самарские эсеры переживали очень болезненно и не упускали случая, чтобы взять реванш. На губернском уровне им это удавалось лучше, так как несомненно влияние эсеров в деревне было велико, а сил большевиков хватало лишь на работу в городской пролетарской среде. К тому же Самара в то время не являлась крупным пролетарским центром, а вот Самарская губерния, как хлебная житница, вполне сформировалась. Естественно, буржуазные элементы города, успевшие натерпеться от экспроприации и принудительного обложения за несколько месяцев советской власти, могли и оказали поддержку, прежде всего финансовую, тем, кто мог ее ликвидировать.

В январе 1918 г. сразу же после разгона Учредительного собрания в Самаре были предприняты первые шаги для установления власти нового эсеровского правительства. Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания был сформирован в Самаре еще до вооруженного выступления

Чехословацкого корпуса против советской власти.

При организации правительства в Самаре эсеры руководствовались решениями VIII Совета партии социалистов-революционеров, определившего своей основной задачей борьбу «за восстановление независимости России и возрождение ее национально-государственного единства... Главным препятствием для осуществления этих задач является большевистская власть. Поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу всей демократии... Очередной задачей при таких условиях будет возобновление работы Учредительного собрания и восстановление разрушенных органов местного самоуправления».

Самара не случайно была выбрана столицей для организации сопротивления большевистскому правительству. Самарская губерния занимала центральное положение в России, это был важный хорошо развитый экономический регион. При выборе Самары учитывалось также и наличие там многотысячного военного гарнизона, который планировалось привлечь на свою сторону. Как позднее отмечал в своих речах П.Д. Климушкин «нужно было создать обстановку, при которой можно было бы свершить переворот... Наша задача сводилась к тому, чтобы раскрыть глаза армии и рабочему классу»¹.

Общую работу по подготовке восстания против большевистской власти взяла на себя военная комиссия партии эсеров в контакте с «Союзом возрождения». Это политическое образование поддерживало официальные контакты с союзниками и вело переговоры о восстановлении фронта в России, как писал один из участников свержения большевистской власти на Волге и в Сибири, «для борьбы с Германией и с теми, кто мешал этой борьбе и кто заключил позорный Брест-Литовский мир»².

Но в реальности все оказалось гораздо трудней, чем планировалось. Пропаганда и агитация не давали положительных результатов. Это наглядно

¹ Хрестоматия по Отечественной истории (1914-1945)/ Под редакцией А.Ф. Киселёва, Э.М. Щагина. – М., 1996. – С.214.

² Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. – Нью-Йорк, 1919. – С.11.

продемонстрировал провал в Самаре в мае 1918 г. так называемого анархо-максималистского мятежа, который был поддержан эсерами. В ходе подавления выступления мятежников большевиками был разогнан эсеро-максималистский губисполком¹. Неудачная попытка переворота пагубно сказалась на боевом духе эсеровского подполья. Членами эсеровской организации все больше овладевало чувство апатии и неверия в свержение власти большевиков. О создавшемся положении красноречиво свидетельствовал П.Д. Климушкин, впоследствии вошедший в состав Комуча. «Мы видели, - признавал он позже, - что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя. Апатия стала захватывать все большие и большие слои. Дружины начали разлагаться. Между тем силы большевиков росли. И вот в этот момент мы узнаём о выступлении чехословаков»².

Выступление Чехословацкого корпуса летом 1918 года действительно стало спасением для всех антибольшевистских сил. В Самаре получение известий о чехословацком выступлении было оценено по достоинству. В Пензу для переговоров с представителями чехословацкого корпуса был немедленно командирован И.М. Брушвит в сопровождении поручика Взорова. Сам командующий пензенской группировкой чехословацкого корпуса С. Чечек впоследствии вспоминал, что «в это время я уже имел связь с Самарой. Из Самары ко мне пришёл тогда делегат, принёс очень ценные сведения. Он сообщил мне, что прислан... от организации, которая поставила своей целью содействовать нам бороться с большевиками»³. Но Брушвит был встречен чехословаками недружелюбно. Это объясняется тем, что руководство Чехословацкого корпуса не желало содействовать антибольшевистским силам, рассматривая это, как вмешательство во внутренние дела России. Единственным их желанием на тот момент было продвижение во Владивосток, и они не собирались вести активные действия

¹ См.: Непариков А.П. Восточный фронт. 1918. – М., 1969. – С.43.

² Речь П.Д. Климушкина // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара. 1918. 6 сентября.

³ Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С.257.

против советской власти, надеясь на мирное разрешение конфликта. Кроме того, чехословаки не верили в силу и способность эсеров возглавить движение против Советов.

Но после того как Сызранский Совет в конце мая 1918 г., заключив мирное соглашение с чехословаками, пропустил их эшелоны к Самаре, а затем выдвинул вооружённые силы для нанесения удара в тыл легионерам, командование корпуса пошло на сближение с эсеровским руководством. В результате переговоров было решено о совместном выступлении против советской власти.

Несмотря на то, что сразу же с началом вооружённого выступления чехословаков СНК принял меры к созданию Чехословацкого фронта, главнокомандующим которого приказом народного комиссара по военным делам 31 мая 1918 г. был назначен А.Ф. Мясников¹, почти все населённые пункты на протяжении Самаро-Уфимской железной дороги были захвачены чехословаками практически без боя. Наиболее серьёзное сопротивление они встретили только в Самаре, где 30 мая под руководством В.В. Куйбышева был создан «Боевой революционный штаб», мобилизовавший для обороны города 3500 коммунистов. Сам гарнизон Самары насчитывал в то время свыше 3 тысяч человек. В распоряжении обороняющихся имелся один бронепоезд, отряд конных разведчиков и отряд железнодорожной охраны. Кроме того, народный комиссар по военным делам Н.И. Подвойский стянул к городу с Симбирского, Оренбургского и Уфимского направлений до 3 тысяч человек. Из одного Симбирска прибыло пять отрядов численностью около 700 человек². Таким образом, в Самаре сосредоточилось свыше 7 тысяч бойцов и командиров при 115 пулемётах и 35 орудиях.

Тем не менее, эти силы не смогли устоять против 1-го полка чехословаков, действовавшего в авангарде главных сил дивизии. Чехословацкие части были настроены решительно, сказалось также и то

¹ См.: Директивы Главного командования Красной Армии. (1917–1920 гг.): Сборник документов. – М., 1969. – С.95; См.: Пенароков А.П. Указ. соч. – С.61.

² См.: Гай Г.Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. – М., 1931. – С.15.

обстоятельство, что чехословаки были более боеспособными и опытными солдатами. Кроме того, чехословаки рассчитывали на помощь местного населения, которое не выражало желания защищать власть большевиков. Также поддержку должны были оказать боевые организации эсеров.

По договорённости с чехословаками операция по взятию Самары была назначена на 6 июня. Причём Брушвит настаивал на организации переворота в городе до подхода чехословацких частей. Военный штаб, опасаясь малочисленности имеющихся сил, высказал опасение о возможном провале переворота. План пришлось скорректировать. Тем временем чехословацкие части, одержав победу над превосходящими их по численности большевистскими частями под станцией Липяги, причём красноармейцы потеряли в этом бою убитыми и ранеными 1300 человек¹, 7 июня вышли на подступы к Самаре. Утром 8 июня в результате внезапного штурма город был захвачен, причём существенную помощь чехословакам оказали офицерские отряды полковника Н.А. Галкина. В результате власть в городе и губернии перешла к временному правительству, получившему наименование Комуч (Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания), в состав которого вошли: В.И. Вольский (председатель), П.Д. Климушкин, И.М. Брушвит, И.П. Нестеров и Б.К. Фортунатов².

В стане победителей не было чувства эйфории. Это объясняется тем, что члены Комуча прекрасно понимали непрочность своего положения. Ведь единственной вооружённой силой, способной противостоять красным частям, и на которой, собственно лежала вся тяжесть ведения боевых действий, являлась Пензенская группа Чехословацкого корпуса. По сути дела, только благодаря чехословакам удалось свергнуть советскую власть в Самаре, причём это признавали сами члены Комуча. С таким положением вещей эсерам приходилось мириться. Об этом красноречиво свидетельствует высказывание П.Д. Климушкина, который горько констатировал, что в день

¹ См.: Медведев Е.Н. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). – Саратов, 1974. – С.93.

² Пенароков А.П. Восточный фронт. 1918. – С.68; См.: Попов Ф.Г. 1918-й год в Самарской губернии. Хроника событий. – Куйбышев, 1972. – С.133.

освобождения Самары члены Комуча «ехали в Городскую думу для открытия Комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков»¹.

Отсюда и понятное стремление Комуча как можно быстрее создать собственные вооружённые силы. Создать Народную армию предполагалась для борьбы с Германией, относительно борьбы с большевиками как самостоятельной задаче практически не упоминалось. Заявляя о верности Антанте, Комуч рассчитывал на дальнейшую поддержку своих действий со стороны Чехословацкого корпуса и стоявших за ним французских и английских военных миссий. По этому поводу можно привести высказывание члена ЧНС Ф. Штейдлера, отмечавшего, что «попытка восстановить восточный фронт Европы была встречена с большим сочувствием»².

Приступив к созданию собственных вооружённых сил, правительство Комуча столкнулось с рядом трудностей. Проблема касалась привлечения в армию специалистов. В правительстве осознавали, что костяк вооружённых сил составляют кадровые военные. Но политические взгляды основной массы офицерства существенно расходились с программой Комуча. Эсеры не доверяли офицерам, видя в них сторонников правой контрреволюции и носителей традиций прежней царской армии. Тем не менее, осознание того, что без офицерства (наиболее подготовленного и последовательного противника большевиков) бороться невозможно, заставляло искать компромиссный вариант. Единственный имевшийся в том направлении опыт заключался в революционной организации армии в 1917 году, но его в текущих условиях использовать было затруднительно. В результате, Комуч, по выражению генерала К.И. Гоппера, остававшийся «таким же младенцем в военных делах, как и в 1917 – м»³, предпочёл обратиться к имевшемуся перед глазами примеру Чехословацкого корпуса. На этот счёт П.Д. Климускин

¹ Отчёт о митинге, посвященном истории самарского переворота // Вестник Комуча. Самара, 1918. 6 сентября.

² Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России // Вольная Сибирь. – Прага. 1928. – Т.4. – С.26.

³ Гоппер К.И. Четыре катастрофы. Воспоминания. – Рига. 1920. – С.77.

прямо признавался: «Чешская армия с её демократическим укладом управления, с братскими отношениями между солдатами и офицерами, являлась для нас тем идеалом, к которому мы стремились при создании нашей армии. Мы не знали всех деталей организации чехословацкой армии, но мы видели её стойкость, её демократичность и в то же время, её дисциплинированность, её подвижность, и восторгались ею. Под этим впечатлением... мы и приступили к созданию русской Народной Армии»¹. Начало создания вооружённых сил было положено 8 июня 1918 г. за программным приказом Комуча №1, в котором, в частности, говорилось, что «формирование армии, командование военными силами и охрана порядка в городе и губернии возлагается на военный штаб в составе: начальника штаба полковника Галкина, военного комиссара Румынского фронта В. Боголюбова и члена Учредительного собрания Б. Фортунатова, которым для сего вручаются чрезвычайные полномочия»².

Сразу же возник вопрос, по какому принципу будет формироваться Народная армия? Правительство должно было выбрать: сделать ли службу в армии обязательной и формировать её с помощью мобилизации или же формировать армию исключительно из добровольцев. Правительство склонилось к последнему варианту. В своём обращении к населению от 9 июня 1918 г. начальник штаба полковник Галкин подчёркивал: «Служба наша не за деньги, служба за совесть, за честь Родины и народа. Мы не наёмники, каждый доброволец будет сыт и одет и будет иметь 15 рублей в месяц на свои нужды»³. Но количество желающих вступить в ряды Народной армии оказалось недостаточным, вследствие чего темпы создания армии были неудовлетворительными. Поэтому на чехословацких частях по-прежнему лежала вся тяжесть боёв с частями РККА.

Нельзя обойти стороной и то обстоятельство, что чехословаки с самого начала своего пребывания в Самаре монополизировали охранительные

¹ Климущкин П.Д. Борьба за демократию на Волге в 1918 г. – Прага. 1930. – С.73; См.: Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С.9.

² ГАРФ. Ф.6082.Оп.1.Д.8.Л.1.

³ Там же. Д.15.Л.1.

функции. По свидетельству очевидцев событий дело сыска, обысков и арестов долгое время почти всецело находилось в руках чешской комендатуры и контрразведки. В этом отношении показателен тот факт, что когда 18 сентября 1918 г. Комуч приказом № 291 ввел Чрезвычайный суд для борьбы «с преступным элементом», в состав Самарского Чрезвычайного суда вошёл «один представитель от чехословацких войск, по назначению командующего Поволжским фронтом»¹. Чехословаки привлекались для умирения любых волнений и восстаний, как, например, при волнении полков Народной армии в Самаре. Обращает на себя внимание и то, что в соответствии с приказом Комуча № 67 именно к коменданту чехословацких войск поступали в распоряжение все военнопленные, находившиеся в городе².

Также возникли трудности и с назначением руководителей штаба Народной армии. Первоначально одним из руководителей военного штаба был назначен В. Боголюбов. Надо отметить, что В. Боголюбов фигура случайная, он не был известен ни в военных, ни в партийных кругах; вскоре его заменили признанным авторитетом по военным вопросам В.И. Лебедевым, занимавшим пост помощника Военного и Морского министра в одном из составов Временного правительства³. Но этот состав штаба оказался недостаточно профессиональным и удачным. Кроме того, по мнению многих, Галкин, назначенный начальником Главного штаба, для своей должности был недостаточно компетентен. Наблюдавший за деятельностью штаба представитель Уральского казачьего войска полковник С.А. Щепихин отмечал: «Из трёх лиц, возглавлявших военное дело, один распоряжался, не зная дела (Галкин), другой на фронте сражался и был ранен (Фортунов), третий (Лебедев) митинговал»⁴.

¹ ГАРФ. Ф.6082.Оп.1.Д.8.Л.69

² Там же. Д.8.Л.25.

³ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С.32; Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – С.149; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и Сибири. – Белград, 1930. – Т.1. – С.100.

⁴ Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. – С.198.

Сложным вопросом стала для Народной армии организация взаимодействия с чехословаками, казачеством, армией Прикомуча. Попытки организовать взаимодействие разнородных сил были не всегда успешны. Решить этот вопрос окончательно не удалось. При Главном начальнике, генерале Чечеке, - писал С.А. Щепихин, - был сформирован Оперативный штаб с русскими офицерами генштаба во главе. Русские части Комуча были так малочисленны, так разбросаны и столь тесно взаимодействовали с чешскими войсками, что вряд ли вызывалась необходимость в особом громоздком оперативном штабе. В результате этот штаб (носивший наименование весьма громкое - Штаб Командующего Волжским фронтом) являлся лишь вспомогательным органом генерала С. Чечека; с ним Чечек разрабатывал те небольшие операции, которые давались на исполнение мелким единицам. Вопрос усложнялся ещё и тем, что генерал Чечек был подчинён не верховной власти в крае, которую он был призван защищать, а далеко расположенному в Сибири чешскому командованию¹. Чтобы объединить все воинские части, действовавшие на Поволжском и Уральском фронтах под единым командованием, а также попытаться нейтрализовать монархическое офицерство из старого командного состава Комуч по согласованию с высшим командованием чехословацких войск и с Дутовым, 17 июля 1918 г. назначил командира Первой чехословацкой Гуситской стрелковой дивизии полковника С. Чечека «командующим всеми войсками Народной армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск»². Но спустя несколько дней, 23 июля, последовало новое постановление Комуча о назначении командующим всеми действующими частями Народной армии полковника генштаба В.О. Каппеля³. Комуч также хотел заменить Галкина Болдыревым, более авторитетным в военных кругах и приемлемым в политическом отношении. Эсеры вели с ним неофициальные переговоры о назначении на пост управляющего военным

¹ Щепихин С.А. Указ. соч. – С.191-192.

² ГАРФ.Ф.6082.Оп.1.Д.8.Л.61.

³ ГАРФ.Ф.675.Оп.1.Д.19.Л.51об.

ведомством, но Болдырев отказался¹. Уладив вопрос с назначением командующего, можно было переходить к активным действиям на фронте. Возникал вопрос, где взять необходимые силы? Без поддержки из Челябинска и содействия добровольцев думать о широком наступлении не приходилось. Чехословацкие войска под командованием генерал С. Чечека приступили к овладению берегами Волги на участке Самара-Симбирск и активной обороне. Выполняя эту задачу, 4-й чехословацкий полк овладел Сызранью и мостом через Волгу. А 1-й полк от Уфы был направлен для взятия Симбирска. Одновременно с Каппелем 1-й полк занял железнодорожный мост у Симбирска. В дальнейшем чехословацкие части держались в основном в стратегическом резерве². Несколько иная оценка даётся действиям чехословаков С.Н. Николаевым: «Численно достигая на фронте Учредительного собрания 7-8 тысяч, чехословаки вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы наравне с Добровольческой частью Народной армии на самых ответственных направлениях и фронтах»³.

Следует отметить, что способствовал этим успехам и авантюристический приказ командующего Восточным фронтом М.А. Муравьева от 10 июля о прекращении борьбы с чехословаками и восстановлении противогерманского фронта. В ответ советское правительство объявило Муравьева вне закона и при помощи симбирских большевиков во главе с И.М. Варейкисом ликвидировало заговор. Уже 11 июля в телеграмме из Симбирска сообщалось, что Муравьев застрелился, а 12 июля – что он был застрелен⁴.

Рассматривая вопрос формирования вооружённых сил Комуча необходимо обратить внимание на отношение различных слоёв населения к деятельности правительства. Зажиточную часть населения – крупную буржуазию и купечество – раздражали «левые» лозунги Комуча.

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. – Новониколаевск, 1925. – С.28.

² Щепихин С.А. Указ. соч. – С.194-195

³ Николаев С.Н. Народная армия в Симбирске // Воля России. – Прага, 1928. – № 10-11. – С.116.

⁴ ГАРФ. Ф.130.Оп.2.Д.544.Л.35.41; См.: Симбирская губерния в 1918-1920 гг.: Сб. воспоминаний. – Ульяновск, 1958. – С.118 – 120.

И.М. Майский так описывал настроения этой категории населения: «Толстосум, переживший унижения эпохи конфискации и выселений 1918 года, жаждал мести и крови. Демократический комитет его не удовлетворял, он хотел белого генерала, который стёр бы с лица земли «советы» и «комитеты»¹. Несмотря на то, что отдельные резкие заявления крайне раздражали добровольцев и офицеров-выходцев из буржуазных семей, состоятельные слои Поволжья отнеслись к формированию Народной армии с симпатией. Они охотно снабжали её необходимыми средствами, в том числе и финансовыми. Аналогичным образом вели себя средние городские слои: чиновничество, частные служащие, лица свободных профессий, обыватели. Свержению советской власти они были искренне рады, но попытки привлечь их в Народную армию заканчивались провалом. Ни по возрасту, ни по уровню соответствующей подготовки в военном плане они не представляли никакой ценности. Большинство рабочих отнеслось к новой власти настороженно и отчужденно. П.Д. Климушкин вынужден был признать, что «значительная часть рабочих осталась вне сферы нашего влияния, не оказывая нам ни активного сопротивления, ни активной поддержки. Делать ставку на рабочих мы не могли, ибо рабочие не тот авангард, не те силы, которые могли быть брошены против большевистской диктатуры»². Тот факт, что офицерство и молодёжь, составляли главную силу Народной армии, впоследствии дало Г.К. Гинсу возможность назвать её «интеллигентной по составу»³. Тот же Климушкин даёт характеристику и офицерству: «Часть, по преимуществу, кадровое офицерство, считая, что ей с социалистами не по пути, и что лозунг «Учредительное Собрание» - не её лозунг, видели, что в данное время нет никакой иной силы, кроме Учредительного Собрания; народ ни за кем другим в настоящую минуту не пойдёт на борьбу... Когда же лозунги... потускнеют и утратят свою силу в глазах народных масс, тогда будет выдвинут лозунг – военная диктатура...

¹ Майский И.М. Указ. соч. – С.139.

² Климушкин П.Д. Указ. соч. – С.48.

³ Гинс Г.К. Указ.соч. – Т.1. – Ч.1. – С.132.

Часть офицеров, правда меньшая, держалась иных позиций. Половина этой части была искренней сторонницей демократических принципов строительства в России, и шла за Учредительным Собранием не по тактическим соображениям, а в силу своих внутренних убеждений. Другая половина – была политически индифферентна, плохо в политике разбиралась, и ей было всё равно, с кем идти, лишь бы только драться с большевиками и поскорее их разбить. Господствующее отношение среди офицерства нас смущало, мы ясно видели, что офицерская среда – чужда нам»¹.

Между тем численность Народной армии постепенно возрастала, в основном за счёт добровольцев. Свидетельство о том, как же жилось вновь испечённым солдатам Народной армии, можно найти в письме неизвестного белогвардейца, который, в частности, писал: «Благополучно добрался до Самары и в результате поступил в Народную армию в пулемётную команду... Порядок прелесть, вежливость в военных взаимоотношениях поразительная, везде «Вы». Даже солдаты друг другу и то говорят «Вы». Призывают два года 1897-1898... Жизнь весёлая, вольная, разнообразная. Пишу это письмо в клубе для чинов Народной армии, устроенном для армии специально и исключительно американцами. Масса удобств и все бесплатно: газеты, журналы, буфет и много другого, а также спорт и граммофон»². Если верить письму, то надо признать, что солдаты в Народной армии чувствовали себя достаточно вольготно.

Создавая собственные вооружённые силы, правительство Комуча тем не менее по-прежнему нуждается в поддержке чехословаков, и вынужденно мирится с этим и, в свою очередь, оправдывать их присутствие. Конечно же, правительству требовалось не просто оправдать присутствие чехословаков, но и несколько принизить их роль в деле свержения советской власти и доказать населению региона, что упомянутые части Чехословацкого корпуса никакой опасности для них не представляют. Вот что по этому поводу

¹ Климушкин П.Д. Перед Волжским восстанием // Воля России. – Прага, 1928. – №8-9. – С. 226-227.

² Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее СОГАСПИ). Ф.3500.Оп.1.Д.247.Л.28.

говорилось в инструкции партийным организациям партии эсеров: «Для данного момента самым необходимым является разъяснить смысл совершённого переворота в Самаре, указывая, что большевистское правление было настолько тяжело народу и в особенности крестьянству, что оно все равно сбросило бы его через некоторое время своими силами, и помощь чехословацких войск только ускорила и облегчила это. Помощь чехословаков приемлема для трудового народа, так как они являются искренними сторонниками народовластия, и от всей души будут помогать русскому народу избавиться от немецкого ига»¹.

В то же время чехословаки стремились увеличить численность своего корпуса. В середине июля 1918 г. в Новониколаевске начали формироваться два новых чехословацких полка – 11-й и 12-й третьей дивизии. Во второй половине августа филиал Национального Совета объявил всеобщую мобилизацию чехов и словаков на контролируемой им территории².

«Мобилизованным чехам и словакам, - отмечает в своих записках комиссар 1-й дивизии В. Найбрт, - было предложено на выбор: либо вступить в армию и приобрести все права и обязанности добровольцев, либо быть зачисленными в рабочие дружины, где их ожидала низкая плата и много работы. Поэтому большинство их вступило в армию»³. До конца года в корпус вступило около 14 тысяч, как их стали называть, «недобровольных добровольцев», а 4700 чехов и словаков оказались в рабочих дружинах. Одновременно летом 1918 г. под руководством чехословацкого командования стали создаваться боевые части из поляков и румын. К середине февраля 1919 г., по официальным данным командования, они насчитывали более 12 тысяч человек⁴. В момент наибольших успехов (к концу лета 1918 г.) силы Народной армии Комуча и чехословацких частей достигли 40-57 тысяч штыков и сабель⁵. Следует отметить, что к 15 февраля

¹ ГАРФ.Ф.749.Оп.1.Д.51.Л.8.

² См.: Гайда Р. Указ. соч. Л.51.

³ Najbrt V. Rozlet a rozlom sibiřského bratstva. – Brno, 1936. – S. 116.

⁴ См.: Недбайло Б.П. Указ. соч. – С.128.

⁵ См.: Гражданская война 1918-1921 гг.: В 3 т. – М.-Л., 1930. – Т.3. – С.80.

1919 г., то есть после окончания основных военных действий с участием чехословацких войск, в трёх дивизиях и вспомогательных частях корпуса числились 50 997 солдат и офицеров¹.

Но положение на Восточном фронте резко меняется к началу сентября. Оправившись от поражений, Красная Армия переходит в наступление. Части Народной армии и чехословацкие части оказываются не в силах остановить продвижение большевистских войск. В этой ситуации, как командный состав, так и рядовой состав Народной армии пытаются определить причины начавшихся поражений. Основной причиной, по мнению многих, явилось неудачное комплектование армии. Например, такой точки зрения по данному вопросу придерживался Ушков интендант Хвалынского района. В письме своему брату он писал: «Нас теснят. В руках Народной армии осталась на правом берегу Волги одна Сызрань. Причина наших неудач – нежелание мобилизованных сражаться с большевиками, несмотря на все данные со стороны последних по части грабежа, насилий и разбоя. 75% мобилизованных дезертировали; держимся только офицерами и добровольцами.

Положение небезнадёжно; ещё месяц продержимся. К великому своему огорчению должен признаться, что своими силами нам не стать на ноги, до того мы исподлились и ослабли под влиянием большевизма. В Народной армии ничего не сделано для водворения дисциплины, служат только желающие, а так как умирать добровольно никому не охота, то при первых выстрелах солдаты бегут. Для восстановления дисциплины у нас пока ничего не сделано. С установлением Директории, возможно, что наши дела улучшатся»². Сходные причины неудач Народной армии приводит в своей работе Майский И.М. Управляющий ведомством труда в правительстве Комуча, указывая, что «мобилизация двух годов 1897 и 1898, в ходе которой предполагали набрать около 50 тысяч человек, пошла туго. Крестьяне не желали давать своих сыновей в армию, и вместо ожидаемых 50 тысяч было

¹ Za svobodu. D.4.S.345.

² ГАРФ. Ф.749.Оп.1.Д.51.Л.157-158об.

мобилизовано не более 12-15 тысяч человек. Боеспособность их равнялась нулю, разбегались или переходили к красным, перевязав своих офицеров»¹. В данном случае позиция основной массы крестьян совершенно понятна. Несомненно, они были рады, что власть большевиков была сброшена, но продолжать войну с Германией, а именно такие лозунги первоначально выдвигал Комуч, они не желали. Вот что сообщал о настроении крестьян начальник первого участка Самарской уездной милиции. «В населении укрепились мысль, - указывал он, - что заключенный большевиками «мир» в Бресте невыгоден опять-таки «буржуям», а крестьянам от него, по их выражению «никакой беды нет, так пусть же буржуи и воюют»².

Такое положение в Народной армии негативно сказывалось и на состоянии воинской дисциплины в чехословацких частях. В письме командиру 1-й дивизии С. Чечеку командир 1-го полка полковник Й. Швец писал, что когда чехословацкие солдаты видят, как «собственный народ на собственной земле не желает эту землю защищать», то у «них появляется мысль, что они дерутся за чужие интересы»³.

Для того чтобы значительно повысить боеспособность своих войск, командование Народной армии вынуждено было перейти к организации службы практически по уставам старой русской армии⁴. Командирам частей предоставлялось право учреждения военно-полевых судов.

Но эти мероприятия уже не могли кардинально изменить положение вооружённых сил Комуча. Осознание того, что части Народной армии не способны больше сдерживать наступление большевиков, вызывает беспокойство у чехословацкой стороны⁵. Это вынуждает чехословацкое командование выступить с инициативой создания русско-чехословацких военных формирований. Как свидетельствует П.Д. Климушкин, чехословаки указывали, что «их солдаты устали, вычерпаны и необходимо будет дать им

¹ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – С.162.

² Вестник Комуча. 1918. 3 сентября; См.: Самарская губерния в годы гражданской войны. – Куйбышев, 1958. – С.33-39.

³ Naše revoluce, roč.3, sv.3-4.S.304.

⁴ ГАРФ.Ф.176. Оп.1.Д.3.Л.43.

⁵ ГАРФ.Ф.749.Оп.1.Д.51.Л.19.

отдых. Помимо того, в чешском войске много добровольцев, которые идут с определенной целью – борьбы за чешскую самостоятельность и заставить их драться за русские интересы трудно будет, да командование и не имеет на то права»¹. Климушкин совершенно правильно уловил те побудительные мотивы, которыми руководствовались чехословаки, желая создать русско-чешские полки. Надо так же отметить и тот факт, что командный состав чехословаков ясно указывал комитету на черносотенную опасность, гнездящуюся в Народной армии, настаивал на демократизации военного дела. Предложение чехословаков заключалось в создании особых русско-чешских полков, которые бы комплектовались из русских добровольцев, но находились бы под командой чехословацких офицеров². Вскоре с русской стороны было дано разрешение на формирование таких полков. В журнале Совета управляющих ведомствами от 14 октября 1918 г. записано: «Признать целесообразным и необходимым в настоящий момент формирование русско-чешских добровольческих полков при чём в первую очередь должен быть укомплектован добровольцами первый русско-чешский полк»³. Ряд материалов архивов позволяют судить о том, что было сделано в этом направлении. Так, например, в телеграмме от 16 октября 1918 г., направленной в Оренбург, говорится, что «ввиду обращения к Совету Председателя ЧНС для России доктора Влассака с просьбой о содействии в формировании 1 русско-чешского полка предлагаю заведующему Военным подотделом разработать план агитации и вербовки в означенный полк. Всем губернским, городским, уездным отделениям надлежит немедленно открыть запись добровольцев в этот полк»⁴. Из другой телеграммы от 15 ноября, следует, что для записи в полк в Уфу выехало 28 добровольцев⁵. В телеграмме от 14 ноября 1918 г., капитану Головину предписывается отправиться в г. Уральск для немедленного направления всех добровольцев,

¹ Климушкин П.Д. Гражданская война на Волге. Ликвидация демократии. ГАРФ.Ф.5881.Оп.2.Д.405.Л.64.

² Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – С.160-161.

³ Климушкин П.Д. Гражданская война на Волге. Ликвидация демократии. ГАРФ.Ф.5881.Оп.2.Д.405.Л.65.

⁴ ГАРФ.Ф.670.Оп.2.Д.9.Л.1.

⁵ Там же. Л.5.

как входивших в состав бывшего 33 Николаевского полка, так и поступающих со стороны, в г. Уфу в распоряжение Военного отдела и зачисления в Русско-чешские имени Учредительного собрания воинские части. Добровольцев направлять командами под начальством офицеров хозспособом, для каковой цели получить аванс 15 тысяч рублей¹. Информацию о темпах вербовки и возникающих в ходе её трудностях можно подчерпнуть из телеграммы, направленной генералу Сыровому от заведующего военным подотделом Нотбека, в которой он сообщает, что «в районе Самарской группы вербовка успешна, в пределах других групп затрудняется местными властями и неосведомленностью воинских начальников, отказывающихся довольствоваться и отправлять добровольцев в Уфу»². В целом же идея с созданием русско-чешского полка оказалась нежизнеспособной. Создание полка шло медленными темпами из-за саботажа офицеров Народной армии³. Первый русско-чешский полк, был доведён только до трёх батальонов. На этом работа по его развёртыванию прекратилась. На этот факт обращает внимание И.М. Майский, прямо указывая, что после падения Самары, русско-чешские части были фактически сведены на нет, и затем вскоре исчезли. В неудачной попытке организации русско-чешских полков Майский усматривает дальнейшее ослабление позиций Комитета в армии, который «не сумел отстоять даже эту многообещающую попытку, за которой стояла сила чешских штыков»⁴.

Союзники, в свою очередь, всю ответственность за создавшееся тяжёлое положение на фронте возлагали на правительство Комуча. Представители ЧНС в своей докладной записке по поводу создания Центрального всероссийского собрания утверждали, что «до сих пор тяжесть военных действий неравной мерой падает на Чехословацких солдат». Далее раскрывается причина создавшегося положения. Ошибка русских правительств в том, что «принцип создания добровольческой армии ни в

¹ ГАРФ.Ф.670.Оп.2.Д.4.Л.15.

² ГАРФ.Ф.670.Оп.2.Д.5.Л.11.

³ См.: Степанов А.П. Симбирская операция. – С.84-94.

⁴ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – С.161.

Сибири, ни на территории Комуча не дал удовлетворительных результатов. Частичная мобилизация была проведена только на территории Самарского Комуча среди казаков и башкир, но и результаты этого призыва до сих пор мало были использованы на фронте»¹. Резко негативную оценку проведённой мобилизации даёт также и генерал Гайда. В работе «Moje paměti» он заявляет, что объявленная казанцами гражданская мобилизация при 250 тысячном населении дала лишь 570 подростков, совершенно неподготовленных к боевым действиям и боявшихся собственных выстрелов. Точно также и организованная городом милиция разбежалась после первого выстрела. Инертность казанцев превосходила всякие понятия. Кутежи и веселье заполнили всю их жизнь. «В то время, - продолжает Гайда, - когда обессиленные части Первого чехословацкого полка напрягали последние усилия, чтобы сдержать натиск красноармейцев и защитить город, граждане его шумно проводили время на устроенных ими, великолепных конских состязаниях»². Солидарен с позицией Р. Гайды и С. Чечек главнокомандующий Поволжским фронтом, который в своём обращении к населению Поволжья прямо указывает, что «причиной этих неудач является то обстоятельство, что вся тяжесть борьбы лежала на чехословацких солдатах, которые в течение трёх с половиной месяцев проявляли сверхчеловеческие усилия, чтобы дать возможность русскому народу собраться, сорганизоваться. Но, к сожалению, долгое время прошло почти даром. Мы далеко не встретили той поддержки и того понимания, на которое мы вправе были рассчитывать, когда решили протянуть русскому народу бескорыстную свою братскую руку»³. Тем не менее, генерал-майор С. Чечек не считает положение катастрофическим. Далее он прямо заявляет, что «Казань, Симбирск – это последние усилия врага, который уже близок к падению, уже недалёк тот час, когда на европейском горизонте появятся тучи счастливого мира. Мы заявляем вам граждане, что Казань и Симбирск в

¹ ГАРФ. Ф.749.Оп.1.Д.51.Л.19.

² Gajda R. Moje paměti. Ceskosl. arabase. Zpět na Ural proti bolševikum. Admiral Kolcak. – Praha, 1921. – S.76.

³ ГАРФ.Ф.6082.Оп.1.Д.20.Л.1.

скором времени будут взяты обратно и опять будут в наших руках, но на этот раз уже навсегда, потому что на этот раз Казань будет взята по приказу *чешского командования* [курсив – Авт.]. На этот раз мы не остановимся перед Казанью и пойдём дальше и принесём на штыках своих измученной матушке Москве приветствия от всех вас, граждане, от всей уже освобождённой России»¹.

Действия корпуса встречают одобрение со стороны высшего руководства ЧНС. Так Т. Масарик постоянно напоминает союзникам о ключевой роли Чехословацкого корпуса в решении русских дел и неоднократно настаивает на необходимости расширения союзнической интервенции в России для создания второго фронта против Германии и Австро-Венгрии. В одном из посланий от 29 сентября 1918 г. даже говорилось о возможности успешных действий Чехословацкого корпуса к западу от Урала и захвата им Москвы². Но, как покажут дальнейшие события, этим планам не суждено было сбыться.

Нельзя обойти стороной и контакты Комуча и Чехословацкого корпуса по экономическим вопросам. В основном эти вопросы были связаны со снабжением чехословацких войск продовольствием и фуражом. В этой связи необходимо отметить, что собственных источников снабжения у чехословаков не было. Поэтому они обеспечивались всем необходимым через интендантскую службу Народной армии. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Самарской области, подтверждают, что чехословацкие части регулярно запрашивали необходимое им количество фуража и неизменно его получали³. Вот пример одного такого требования от Дивизионного интенданта 1 Чешско-словацкой Гуситской стрелковой дивизии к полковому интенданту Народной армии от 2 октября 1918 г.: «Прошу отпустить для 11-го Чешско-словацкого стрелкового полка продовольственный эшелон 1. Сена – 1000 пудов. 2. Овса –

¹ См.: Приложение 6.

² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т.1. – М., 1973. – С.177-179.

³ Государственный архив Самарской области. Ф.Р-532. Оп.1. Д.4. Л.22. Л.60; Д.7. Л.11. Л.14. Л.18.

500 пудов». На требовании наложена резолюция: «Отпустить требуемое количество фуража»¹.

Необходимо отметить, что были и спорные моменты по этому вопросу. Об одном из конфликтов упоминается в послании ЧНС к Управляющему ведомством иностранных дел при Комуче, в котором чехословаки просят передать им в полное распоряжение походную мастерскую в поезде № 5, стоящем на станции Безымянка. При этом объясняя это тем, что «что этот поезд в настоящее время для нас необходим и мы его позже, когда получим все нужное с Востока от союзников, можем возвратить». Далее представитель чехословаков выражает недовольство тем, «что в поезде нам категорически отказано». «Исходя из этого, - продолжает он, - я не могу сказать, чтобы чехословацкой армии шли навстречу со стороны русских властей, как того следовало ожидать. У меня имеются донесения, что инженерный русский штаб все наши прошения относительно материалов или инструментов исполняет очень неохотно и иногда даже, как полагают, очень медленно. Дело доходит до того, что скрывают от чехословацких органов некоторые материалы или выдают самое худшее. По моему такие действия со стороны русского инженерного штаба для чехословаков совершенно несправедливы уже по тому простому доводу, что до сих пор большую часть русского фронта удерживает чехословацкая армия»². Чтобы уладить этот инцидент, иностранный отдел при Комуче обратился с ходатайством в Военное ведомство о передаче этого поезда чехословакам. Объясняя это тем, что в будущем чешские части будут снабжаться союзниками, и передача этого поезда является оценкой заслуг чехословаков перед русским народом. При этом отдел также надеется, что в будущем не будет иметься места для недоразумений между чехословаками и подразделениями Военного ведомства³. По этому поводу стоит отметить, что прошение чехословаков датировано 4 сентября 1918 г., то есть в преддверии наступления частей

¹ Государственный архив Самарской области. Ф.Р-532.Оп.1.Д.4.Л.66.

² ГАРФ. Ф.667. Оп.1.Д.7.Л.13.

³ Там же. Оп.1.Д.7.Л.17.

Красной Армии на Восточном фронте. Таким образом, можно сделать вывод, что ухудшение положения Народной армии на фронте и начавшийся кризис правительства неуклонно вели к разногласиям между Комучем и Чехословацким корпусом по вопросам снабжения последнего.

Также следует отметить и сотрудничество в финансовой сфере. Так, например, чехословаки обратились к Комучу с просьбой выдать им на закупку необходимого в Маньчжурии из ассигнованных им сорока пяти миллионов рублей, три миллиона рублей серебром¹. В ответ чехословакам разрешается выдать три миллиона рублей серебром разменной монетой в счёт имеющегося у них кредита с условием или возвращения означенной суммы серебром или же из расчёта за один рубль серебром пять рублей кредитками. Но при этом чехословакам предлагается не выпускать серебряные монеты на внутренних рынках региона, контролируемого Комучем².

Тёплую заботу проявляли власти Самары и по отношению к сотрудникам чешской контрразведки, которым, в частности, был предоставлен бесплатный проезд в городских трамваях³. Видимо самарские власти считали, что чехословаки в городе задержатся надолго и им наравне с представителями русских властей также необходим бесплатный проезд. Кроме того, это можно расценивать как дружеский жест по отношению к союзникам. Но как покажет время, пребывание чехословаков в Самаре продлится сравнительно недолго.

Заслуги чехословаков в борьбе с советской властью были так же по достоинству оценены местным населением. В июле 1918 г. в Бугуруслане был образован комитет по установке памятника «братьям чехословакам», павшим в боях с частями РККА на территории этого уезда⁴. Сотрудничество между правительством Комуча и чехословаками происходило и в культурной сфере. Так 28 сентября 1918 г. чехословаки праздновали день своего князя

¹ ГАРФ. Ф.667. Оп.1.Д.7.Л.35.

² там же. Л.36.

³ Государственный архив Самарской области. Ф.Р-402.Оп.1.Д.19.Л.15.

⁴ СОГАСПИ. Ф.3500.Оп.1.Д.242.Л.7.

святого Вячеслава, причисленного церковью к лику святых. В «Вестнике Комуча» от 26 сентября было напечатано следующее постановление правительства за номером пятнадцать. «Дружба и близость чехословацкого народа, его заслуги перед Россией обязывают Совет управляющих ведомствами объявить 28 сентября сего года Днём Святого Вячеслава, днём непростительным и общественным учреждениям и гражданам украсить свои жилища флагами и принять участие в устраиваемом чехами торжестве». Также стремясь наладить сотрудничество с чехословаками на ниве просвещения Самарское губернское земство постановило: «1. Учредить одну стипендию в Самарском университете в 1 тысячу рублей имени чехословаков, предпочтение при назначении этой стипендии должно быть отдано кандидату из чехов, если таковой окажется; 2. учредить стипендию имени Самарского губернского земства в Пражском университете; 3. ассигновать пять тысяч рублей в пользу семей чехословаков, погибших в России в борьбе за народоправство, передать эти деньги доктору Влассак»¹.

Приведённые факты позволяют сделать вывод о том, что Чехословацкий корпус способствовал консолидации антибольшевистских сил, действовавших в Поволжье. Именно благодаря выступлению Чехословацкого корпуса против советской власти власть в Самаре берёт в свои руки Комуч. Дальнейшие события показали, что и у Комуча и у чехословаков была одна цель - борьба с большевиками, что и сделало их союзниками. Но ухудшение положения Самарского правительства из-за неспособности решить ряд насущных задач, приводит к обострению отношений между сторонами и в конечном итоге к падению правительства Комуча, так как чехословаки не желают поддерживать обанкротившееся правительство. Единственный выход командование Чехословацкого корпуса видит в скорейшем создании общероссийского правительства. О чём будет сказано далее.

Сходная ситуация вырисовывалась и во взаимоотношениях

¹ Вестник Комуча. 1918. 26 сентября; СОГАСИИ. Ф.3500.Оп.1.Д.242.Л.8-9.

Чехословацкого корпуса и Временного областного правительства Урала. В этой связи необходимо отметить, что решающую роль в образовании ВОПУ сыграл именно Чехословацкий корпус.

Выступление Чехословацкого корпуса против советской власти весной 1918 г. было поддержано практически всеми антибольшевистскими силами, что во многом объясняет первоначальные крупные победы чехословаков. Мятежные чехословаки, поддержанные боевыми подразделениями контрреволюции, успешно продвигались как в западном, так и восточном направлениях. Вскоре в тылу продвигающихся на запад чехословаков остался центр антибольшевистского заговора в Западной Сибири – Томск. Здесь объявил о своём существовании Западно-Сибирский Комиссариат – первое «белое» правительство на освобождённой территории. ЗСК состоял из трёх человек – М. Линдберга, Б. Маркова и В. Сидорова, был частью Временного правительства автономной Сибири, бежавшей на восток ещё в январе. Просуществовав не больше месяца ЗСК с санкции Сибирской областной думы, возобновившей свою деятельность, уступил место пяти новым претендентам на государственную власть в Сибири – группе П.В. Вологодского, куда кроме него самого вошли И.А. Михайлов, В.М. Крутовский, Г.Б. Патушинский, В.М. Шатилов¹.

8 июня 1918 г. в Самаре был образован Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания, во главе которого стал В.К. Вольский. Появление этих двух антагонистических правительств в дальнейшем сыграет немалую роль в судьбе ВОПУ.

25 июля чехословацкие и белогвардейские части под командованием подполковника С. И. Войцеховского заняли Екатеринбург². Это сразу же привело к оживлению в городе всех небольшевистских сил. В конечном

¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 1. 5 июля 1918 г.

² См.: Васьковский О.А., Молодцыгин М.А., Ниленбург Я.Л., Плотников Н.Ф., Скробов В.С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. – Свердловск, 1969. – С.124-125; Кручинин А.М. «Даёшь Екатеринбург!»: Военные действия в районе г. Екатеринбурга в августе 1918 г. // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1999. – № 6. – С.13; Плотников Н. Восстание Чехословацкого корпуса // Уральский федеральный округ (УРФО). – Екатеринбург, 2003. – № 6. – С.47.

итоге местные организации партий эсеров, меньшевиков, кадетов и энесов образовали межпартийную комиссию по выработке платформы и созданию Временного областного уральского правительства. Вскоре в Екатеринбурге появился не пожелавший войти в состав Комуча делегат от партии кадетов Л.А. Кроль, которому, по воспоминаниям современников, принадлежит роль наиболее рьяного защитника идеи областного правительства и его активного организатора. Нельзя обойти стороной роль Чехословацкого корпуса в процессе создания Уральского правительства. По нашему мнению, недостающим звеном для осознания политического расклада, сложившегося вокруг Урала летом 1918 года, может стать именно он. Общеизвестным фактом являются симпатии чехословаков к «демократическому лагерю» России, особенно к эсерам, видимо из-за того, что больше половины численного состава корпуса принадлежала к социалистическим партиям. Столь же несомненны и напряженные отношения чехословаков с сибирским военным руководством. Судя по воспоминаниям Л.А. Кроля, фактического лидера Уральского правительства, на предварительных переговорах о судьбе освобожденной от большевиков части Урала чехословацкие представители предложили установить там чисто эсеровскую власть. Да и сами чехословаки могли претендовать на власть на Урале. В пользу этой версии указывает запись телефонного разговора между командующим Сибирской армией Гришиным-Алмазовым и генералом Ханжиным, в которой последний сообщает, что «сейчас по аппарату начальник гарнизона Екатеринбурга генерал Голицын сообщил мне, что сегодня 13 августа 1918 г. Б. Павлу председатель Национального Совета чехословаков передал ему решение принятое советом и консулами союзных держав, ввиду боевой обстановки не допускать ни в коем случае преобразования уральского правительства. Не признания на Уральскую область власти Сибирского правительства и Самарского Комуча. Лучшим выходом из создавшейся весьма сложной политической обстановки Совет совместно с консулами принял сосредоточение в Екатеринбурге всей полноты власти в руках

чехословаков»¹. И хотя это чехословакам осуществить не удалось, тем не менее возникновение коалиционного с правыми социалистами правительства лежало вполне в рамках «чешских представлений» о справедливости.

Таким образом, из двух основных сил, действующих на территории Урала в этот период, одна - Чехословацкий корпус - была заинтересована в его автономии, а другая - Сибирское правительство - наоборот, стремилась к подчинению его себе. Если вспомнить, что, ввязавшись в военные действия на территории Урала, сибиряки попали в чисто военную зависимость от Уральской группы Чехословацкого корпуса², то можно предположить, что чехословаки вполне могли быть весомым фактором в процессе образования нового правительства.

Как следует из воспоминаний Н.В. Витицкого, Екатеринбург в описываемый период превратился в «столицу чехов». Здесь располагался русский филиал Чехословацкого национального совета; позже именно сюда, «под крылышко к чехам», приехал потерявший власть Съезд членов Учредительного собрания³. Также нельзя обойти стороной и идеологический фактор. Известно, что если Комуч изначально претендовал на общегосударственное значение, то сибирский антибольшевизм в значительной степени базировался на областническом движении, укоренившемся в Сибири еще с 60-х годов XIX века. Менее известно, что аналогичные воззрения разделяли и члены Уральского правительства. В этой связи можно предположить, что одной из причин, побудивших сибиряков не препятствовать Уральской автономии, было запрограммированное областнической идеологией нежелание вмешиваться в дела другого региона, в котором к тому же присутствуют схожие областнические настроения. Косвенно эти предположения подтверждают воспоминания Л.А. Кроля, который свидетельствовал, что в приватной беседе некоторые сибирские политики «сильно упирали на то, что Сибири нет расчета смешивать свои

¹ РГВА. Ф.39617.Оп.1.Д.5.Л.6.

² Утгоф В.Л. Уфимское государственное совещание // Былое. – 1921. – № 16. – С.19.

³ Колчаковщина на Урале (1918-1919 гг.): Сб. документов и материалов / Под редакцией А.П. Танеева. – Свердловск, 1929. – С.33.

дела с делами Европейской России». Однако в последующем эти настроения сменились стремлением к экспансии, что и объясняет столь резкий поворот правительства Вологодского по отношению к Уралу.

В результате работы межпартийной комиссии было сформировано правительство, в котором ведущие посты заняли кадеты: председателем Совета правительства и главноуправляющим (министром) торговли и промышленности после долгих уговоров стал П.В. Иванов, известный уральский предприниматель и политический деятель, главноуправляющий финансов – Л.А. Кроль, по воспоминаниям современников, Кроль, который официально как бы ушёл на «второй план», продолжал оставаться фактическим лидером в правительстве. Управление внутренними делами было поручено народному социалисту Н.В. Асейкину. Министерство земледелия по праву досталось эсеру А.В. Прибылеву, а труда – меньшевику П.В. Мурашеву. Главноуправляющий горных дел и юстиции возглавили беспартийные А.Е. Гутт и Н.Н. Глассон¹.

Как уже отмечалось ранее с самого начала своего существования ВОПУ сильно зависело от процессов, происходящих как в Комуче так и в ВСП. Между тем политическая аморфность и слабоволие П.В. Вологодского имели своим следствием укрепление позиции И.А. Михайлова, исполняющего должность министра финансов. Дополнительные возможности для борьбы с социалистическими уклонами в правительстве создавал организованный с подачи «Ваньки-Каина» (прозвище Михайлова) Административный совет, в который вошли персонально подобранные им деятели. Это своеобразное правительство в правительстве использовалось для проведения нужных законоположений и исполнения наиболее важной повседневной практической работы.

Надо отметить, что социально-политическая ориентация Омска оказала сильное влияние на позиции Уральского правительства. В силу сложившейся военно-политической ситуации – а за три летних месяца чехословаки и

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р.-569.Оп.3.Д.1. Л.39.Л.39об.

отряды Сибирской армии вытеснили большевиков с Южного Урала и небольшой части Среднего, такие горные округа как Кыштымский, Сергинско-Уфалейский, Златоустовский, Белорецкий, Челябинский каменноугольный район, и некоторые другие предприятия оказались под юрисдикцией Омского правительства. С 18 июля 1918 г. ВСП официально распространило действие своих «узаконений» и «распоряжений» на Златоустовский, Челябинский и Троицкий уезды. Кроме того Урал и Сибирь объединяли областнические тенденции, а также устоявшиеся экономические связи¹.

Политическое влияние Сибири прослеживается уже в декларации Временного областного правительства Урала, (Декларация принята 19 августа 1918 г., когда завершилась работа межпартийной комиссии по организации областного правительства)², где между ними подчеркивается тесная связь. Именно Сибирское правительство одним из первых приветствовало образование ВОПУ. В своём поздравительном послании Уральскому правительству И. Михайлов министр финансов ВСП в частности отмечал, что «Сибирское правительство полно уверенности в том что Правительство Урала, так же как и Сибирское, в своей деятельности будет руководствоваться прежде всего священной целью воссоздания Российского государства и что оба Правительства будут оказывать друг другу широкую помощь во имя общности задач и интересов и вековой дружбы Сибири и Урала»³. Так же в своём письме П.В. Иванову от 19 августа 1918 г. И. Михайлов дал заверение, что «ВСП будет оказывать Правительству Урала возможное содействие в его многосложной работе»⁴.

Но как уже говорилось ранее, вскоре ВСП решило подчинить себе ВОПУ. И первым шагом на этом пути можно считать назначение Сибирским правительством своего уполномоченного при Совете Правительства Урала.

¹ Собрание узаконений и распоряжений ВСП. – С.35.

² Колчаковщина на Урале. – Свердловск, 1929. – С.13-15.

³ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р.-569.Оп.3.Д.1.Л.15.

⁴ Там же. Л.16.

Им стал горный инженер Сергей Семенович Постников¹.

«Назад от советской власти» - под таким лозунгом правительства «демократической контрреволюции» начали реорганизацию управления подчиненными территориями. В результате этого фактически был восстановлен административный аппарат, существовавший при Г.Е. Львове и А.Ф. Керенском. Место правительственных комиссаров (в марте 1917 г. они заменили царскую администрацию на местах) заняли губернские и уездные уполномоченные, которые почти ничем не отличались от своих предшественников. На Урале круг прав и обязанностей уполномоченных определялся косметически подправленным положением о местной администрации, изданном в 1917 г.²

Постепенно восстановили свою работу земские учреждения и органы городского самоуправления. Они стали преемниками комитетов народной власти – общественно-политических организаций, возникших первоначально в сельской местности и в городах, освобождённых от большевиков. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «за ненужностью» были устранены при реставрации дооктябрьской политической системы.

Серьёзной проблемой для правительств «демократической контрреволюции» стали их взаимоотношения с армейскими кругами. Гражданская администрация часто оказывалась всего лишь ширмой для военной власти. Особенно запутанной была ситуация на Урале. Областное правительство с самого начала его существования оказалось в затруднительном положении. Все силовые структуры – войсковые подразделения, комендатуры, милиция – находились в руках гарнизонного начальника Екатеринбурга генерала Голицына. Ставленник Омска, Голицын строго проводил в жизнь принцип: «Там где военное положение, гражданские власти самостоятельно не действуют, а военная власть подчиняется только распоряжениям своего начальства»³. Такой принцип

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р.-569.Оп.3.Д.1.Л.17.

² Там же. Ф.Р.-1952.Оп.1.Д.167. Л.36.

³ Там же. Ф.Р.-1952.Оп.2.Д.4. Л.14-15.

сделал положение правительства невыносимым. Фактически приказы и демарши генерала давали время от времени понять, кто является истинным хозяином положения. Дело дошло до того, что делегации, направляющейся к центральному правительству, было поручено «возбудить ходатайство о предъявлении Сибирскому правительству требования об отзывании генерала Голицына с территории области Урала»¹.

Одновременно на роль хозяев в Екатеринбурге претендовали чехословаки. Несмотря на их благожелательное отношение к созданию ВОПУ, они мало с ним считались. На заседании Совета главноуполномоченных не раз возникал вопрос об их самоуправстве. Так выступая на заседании 2 сентября, председатель совета П.В. Иванов заявил по поводу телеграммы главнокомандующего чехословацких войск генерала Яна Сыровы, что «допущенное в ней выражение: «С согласия Временного областного правительства Урала» - представляет положение дела в ложном освещении и колеблет достоинство правительства, т.к. ... никто за таким согласием к нему не обращался»². Через месяц главноуправляющий юстиции Н.Н. Глассон потребовал высказать своё мнение по поводу распоряжения чешского коменданта капитана Блага о прекращении продажи олова, свинца и других материалов, т.к. находил «такое вмешательство военной власти в распоряжения, принадлежащие органам областного правительства недопустимым...»³. Чехословаки мало считались как с самим правительством, так и с его министрами. Интересную деталь в связи с этим сообщает в своих воспоминаниях бывший главноуправляющий труда П.В. Мурашёв. Во время его пребывания на Государственном совещании в Уфе его семья, несмотря на энергичные протесты, была переселена одним из чешских офицеров на другую квартиру. Поводом для такой выходки стала амурная история названного офицера с хозяйкой, сдававшей комнату

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р-1951.Оп.1.Д.69.Л.108.

² Там же. Ф.Р-1951.Оп.1.Д.3.Л.15.

³ Там же. Л.61.

министру¹. Также в этой связи показательна история с поручиком Зотовым. В своем предписании за № 61 от 3 августа 1918 г. начальник гарнизона г. Екатеринбурга полковник Румм приказал арестовать некоего поручика Зотова². Но с этим не согласились чехословацкие власти. В ответном предписании за № 318 от 3 августа 1918 г. поручик Миллер заявляя, что «по приказу командира Чехословацкого корпуса он является комендантом г. Екатеринбурга, в компетенцию которого входит контроль всего того, что предпринимают вновь организованные Русские власти»³, указывает, на то обстоятельство, что поручик Зотов принёс громадную пользу делу свержения большевиков, более того, он сумел сохранить жизнь арестованных в Екатеринбурге чехословаков. В конце своего предписания Миллер предостерегает русские власти: «Наконец имею честь сообщить, что возможный арест подпоручика Зотова с Вашей стороны – до разбора его дела является грубой обидой мне и в моём лице и всех чехов, которым, как я раньше упомянул, Зотов своею деятельностью принёс большую пользу»⁴. Так же показателен эпизод, касающийся отстранения от должности военными властями Чехословацкого корпуса коменданта г. Невьянска Иосифа Студеного, обвиненного в незаконном, по мнению чехословаков, роспуске следственной комиссии⁵.

Все эти факты прямо свидетельствовали о невозможности ВОПУ всецело контролировать ситуацию в регионе. Отчитываясь о своей миссии в новоявленной столице Уральской области, уполномоченный ВСП С.С. Постников писал, не скрывая удовлетворения, что уральские лидеры «чувствуют своё бессилие и беспомощность»⁶. Непростое положение Областного правительства подчеркивал и Л.А. Кроль. В условиях Гражданской войны, считал он, гражданские власти всецело зависели от

¹ Кобзов В.С., Сичинский Е.Н. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. – Челябинск, 1997. – С.87.

² РГВА.Ф.39617.Оп.1.Д.5.Л.11

³ Там же. Л.13.

⁴ РГВА.Ф.39617.Оп.1.Д.5.Л.13об.

⁵ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р.-1951.Оп.1.Д.7.Л.8-11.

⁶ Там же. Ф.Р.-1952.Оп.2.Д.4.Л.14-15.

военных. Правительству в Екатеринбурге приходилось к тому же постоянно лавировать между чехословаками и сибирскими «генералами»¹.

Экономическая ситуация, как и политическая обстановка, в которой приходилось работать ВОПУ, была чрезвычайно сложной. Из-за Гражданской войны были нарушены экономические связи между регионами, стояли заводы, не хватало сырья и топлива, разрушался транспорт, финансы находились в глубочайшем кризисе, сотни тысяч людей были отвлечены от производительного труда. В этой ситуации, выполняя свою экономическую программу, правительство приступило к разработке специальных правил, согласно которым должна была происходить денационализация промышленности. В условиях политической и экономической нестабильности сама программа оздоровления промышленности, предложенная правительством, не нашла поддержки со стороны крупных промышленников. Они не торопились вступать во владения своими бывшими предприятиями. На 1 сентября 1918 года, по свидетельству председателя Бюро Совета Съезда промышленников Урала заявления о денационализации подали только братья Злоказовы, а такой крупный предприниматель, как В.А. Поклевский-Козелл, временно от денационализации отказался². Через восемь месяцев после падения советской власти на Урале, как следует из доклада главноуправляющего горных дел Урала А.Е. Гутта, «только двое доверенных крупных горнопромышленных предприятий обратились с ходатайством в правительство о денационализации ими предприятий»³.

В обстановке, когда расчёт на частную инициативу не оправдался, правительство было вынуждено внести коррективы в свой план возрождения промышленности, взяв на себя руководство не только казёнными, но и частными предприятиями. Управление отдельными заводами происходило через уполномоченных, которые несли перед правительством всю

¹ Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). – Владивосток, 1921. – С.86.

² Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. – С.87.

³ Колчаковщина на Урале. – С.60.

ответственность за свои действия. Объём их прав был примерно таким же, какой они имели от прежних владельцев. Тяжёлое состояние уральской промышленности вызывало опасение практически у всех специалистов. Так, например, инженер Малкин на заседании Технического комитета при начальнике гарнизона г. Челябинска 29 июня 1918 г., докладывая о положении Кыштымского горного округа прямо указывал на «чрезвычайно тяжёлое будущее положение заводов Урала вследствие прекращения щедрого снабжения деньгами со стороны большевистской власти, которая совершенно не заботилась о финансовых результатах дела, а старалась лишь об удовлетворении запросов рабочих». Выход из создавшегося положения он видел в обращении к Сибирскому правительству, которое должно поддержать округа Урала временным отпуском денежных средств¹. Но ВОПУ понимало, что эти меры не смогут кардинально улучшить положение в крае. Ещё одним инструментом, который должен был способствовать организации производства, стал Уральский промышленный комитет, который возглавил бывший заместитель председателя Бюро совещания горнопромышленников Урала А.Е. Гутт. Это учреждение не имело аналогов ни до, ни после Февральской революции и любопытным образом соединяло в себе управленческий опыт военных лет (1914–1917) и советской власти. По положению, утверждённому Уральским областным правительством 31 августа 1918 г.², основными целями Комитета были восстановление и организация работы горнозаводской промышленности в условиях военного времени, снабжение армии и тыла продукцией горных заводов. Важнейшими функциями УПК, несомненно было планирование и распределение. В нём сосредотачивалась и анализировалась вся информация о потребностях тыла и армии в заводской продукции, техническом сырье и топливе. Здесь же в УПК решались вопросы о размещении правительственных заказов на предприятиях, их финансировании, распределении между заводами сырья, полуфабрикатов и рабочей силы. Кроме собственно производства, в ведении

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р.-569.Оп.1.Д.1.Л.86.87.

² ОГАЧО. Ф.596.Оп.1.Д.137.Л.25.

нового учреждения находились транспортные перевозки и капитальное строительство.

Совместно с Уральским промышленным комитетом главное управление горных дел Урала разработало программу восстановления предприятий¹. В основе её лежали три основных принципа: установление единоначалия на производстве, введение сдельных работ и прекращение финансирования убыточных предприятий.

Введение единоначалия предполагало отмену коллегий по управлению производством, упразднение рабочего контроля, приведение функций профсоюзов в соответствии с законами Временного правительства и закрепление вновь за администрацией права приёма и увольнения рабочих и служащих.

Довольно жесткой была третья составляющая предложенной программы. Областное правительство отказывалось поддерживать все дефицитные предприятия. Дефицитными считались те фабрики и заводы, которые не могли выпускать продукцию без убытков при условии продажи ее не дороже установленных правительством предельных цен. При решении вопроса о ценах были допущены известные элементы как экономической, так и политической наивности. Цены были выработаны заведомо низкие с целью уменьшения царящей дороговизны и в надежде, что по мере поступления на Урал дешевого сибирского хлеба будет возможность соответственно снизить, себестоимость металла². Однако эти ожидания не оправдались. В условиях стремительно растущей инфляции и 50-процентной пошлины на сибирский хлеб, ввозимый на Урал, низкие фиксированные цены вели только к снижению рентабельности предприятий. А в условиях, когда правительство отказывалось финансировать убыточные фабрики и заводы это означало их закрытие. По данным О.А. Васьковского на Урале в этот период остановилось 125 предприятий. Уральский промышленный комитет

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41.Оп.2.Д.381.Л.20-21.

² Колчаковщина на Урале. – С.60.

высказался даже за остановку всего медеплавильного производства, мотивируя свое решение тем, что «имеющиеся запасы этого металла вполне обеспечивают рынок ... на многие месяцы»¹.

Однако трудно разделить оптимизм председателя промышленного комитета. Если учитывать специфику Урала, где рабочие поселки зачастую возникали вокруг заводов, которые являлись практически единственным источником существования, то можно себе представить, какие трудности приходилось испытывать трудящимся при закрытии предприятий. Накапливающиеся постепенно трудности грозили с течением времени перерасти в серьезные проблемы для властей. Поэтому вполне закономерным стало появление обращения отделения ЧНС к ВОПУ в связи с положением рабочих Нижнего Тагила и близлежащих заводов. Чехословаки, «невзирая даже на всю серьезность момента в связи с возможной нехваткой снарядов», призывали «принять все меры к устранению безработицы, дабы не было почвы для противоправной агитации, находящей отклик в рабочих массах из-за отсутствия недостатка продовольствия»².

Правительство оказалось не в состоянии сколько-нибудь эффективно влиять на решение рабочего вопроса. Главное управление труда находилось в ведении меньшевиков, которые взяли на себя задачу защищать интересы трудящихся. Общие направления этой работы, изложенные еще в декларации правительства, были развернуты в специальном обращении главноуправляющего труда П.В. Мурашева «Ко всем рабочим Урала!»³. Предложенная социал-демократами программа выглядела достаточно привлекательно. Она сохраняла 8-часовой рабочий день, обещая введение страхового законодательства по образцу «культурных стран», ограничение прибыли промышленников, охрану интересов трудящихся при увольнении, подтверждала правила создания примирительных камер, выступала за крепкие профессиональные союзы и т.д. Непременным условием успешного

¹ Колчаковщина на Урале. – С.61.

² ЦДООСО.Ф.41.Оп.1.Д.120.Л.93.

³ Там же. Д.121.Л.18.

выполнения правительством взятых на себя обязательств меньшевики считали необходимость установления сотрудничества классов. Их сплочение «для дружной работы по возрождению и объединению России в одно целое» должно было произойти на основе взаимного отказа от максимальных требований. «Каждый человек, каждый класс должен сознательно пойти на уступки ради спасения целого» - призывала программа. Однако такое привлекательное сотрудничество в теории представлялось сомнительным на практике. В условиях Гражданской войны, когда между собой не могли договориться социалистические партии и свои теоретические споры переводили в плоскость преследований друг друга, рассуждать об отказе от своих интересов целых социальных общностей было по меньшей степени наивно.

Для налаживания более эффективной работы горнозаводской промышленности Урала был введён институт правительственных уполномоченных. Принятие такой меры означало возврат от коллегиального управления (в виде Деловых советов, созданных в процессе национализации промышленности на Урале) к принципу единоначалия. На деле вновь назначенные уполномоченные практически ничем не отличались от старых управляющих. Опасаясь их излишней самостоятельности, Уральский промышленный комитет, решил направить в горнозаводские округа «своих людей», которые должны были войти в администрацию округов и будут контролировать действия управляющих. Выбор пал на чехословаков, инженеров из технического отдела корпуса. Они объединяли в своём лице профессиональные знания, авторитет «братьев-освободителей» и славу сторонников демократии. Все это как надеялись члены комитета должно было придать его эмиссарам особый вес в глазах уполномоченных (управляющих).

К сожалению, сведения о чехах-уполномоченных Уральского промышленного комитета, дошедшие до нас, весьма малочисленны. Известно, что на каменноугольные копи Челябинского района от комитета

был направлен инженер К. Стефанек, в Верх-Исетский горный округ – инженер Я. Сплитек, на Белорецкие заводы – инженер Фрейнт, на Егоршинские копи – инженер Вродек, на динамитный завод Кыштымского округа – доктор И. Роубинек. Возможно, что представитель технического отдела чехословацкого корпуса работал и в Сергинско-Уфалейском горном округе¹. Отношения между управляющими и уполномоченными Уральского промышленного комитета были отнюдь не безоблачными. Инженер Сплитек жаловался, что управляющий Верх-Исетским округом Я. Погребняк старается действовать в обход представителя Комитета, не доверяет ему корреспонденцию, поступающую в управление².

Оценивая в целом предложенную правительством программу оздоровления уральской промышленности, можно смело утверждать, что она не нашла поддержки ни у одного из классов общества. Буржуазию не устраивали меры государственного регулирования. Она требовала полной предпринимательской свободы. Рабочие, со своей стороны, не получали от государства должной защищенности. Их жизненный уровень падал.

При решении аграрного вопроса ВОПУ пришлось столкнуться с трудностями, вызванными спецификой региона. Эти особенности вытекали из того, что наряду с помещичьими имениями на Урале существовали весьма обширные земельные и лесные владения горнозаводчиков, также национализированные советской властью и перешедшие в руки крестьянства. В результате правительство столкнулось с различным пониманием пункта 11 своей декларации. Крестьяне восприняли его как принципиальное подтверждение тех изменений, которые произошли после Октября и отказались возвращать горнозаводские дачи.

В свою очередь горнопромышленники не хотели ждать окончательного решения земельного вопроса Учредительным собранием и требовали от уральского правительства немедленного возвращения всех своих прежних

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р.-352.Оп.1.Д.8.Л.11;Д.17.Л.18; Ф.Р.-828.Оп.1.Л.1-2.8об-9.18-19;Ф.Р.-569.Оп.1.Д.1.Л.71.

² Там же. Ф.Р.-352.Оп.1.Д.17.Л.20.

владений, мотивируя это необходимостью развития промышленности.

Эти противоречивые тенденции нашли свое отражение и внутри правительства. Главноуправление земледелия и государственных имуществ, руководимое эсерами, в выпущенном 1 сентября 1918 г. циркуляре по спорному пункту заняло уклончивую позицию не дав четкого разъяснения, что понимается под землями сельскохозяйственного назначения, передаваемыми крестьянам. Главноуправление горных дел Урала, со своей стороны, под давлением Бюро Совета съездов горнопромышленников требовало от своих коллег ясных распоряжений на места, которые бы разграничивали земли сельскохозяйственные, фабрично-заводские и промышленные. Под давлением крупной буржуазии правые социалисты вынуждены были отступить от расширительного толкования пункта 11 декларации и ограничиться сохранением в руках крестьянства только земель сельскохозяйственного пользования¹.

Однако эта уступка не удовлетворяла крупную буржуазию. В резолюции, принятой промышленной секцией первого Уральского торгово-промышленного съезда, его участники высказались за «немедленную отмену п. 11 «Декларации» Временного правительства Урала и последовавших в развитие сего пункта циркуляров... вносящих чрезвычайную путаницу в земельные отношения уральского населения и Уральского промышленного хозяйства». Съезд потребовал «принять, самые решительные меры к восстановлению частной собственности на земли, подорванную разными новеллами, начиная с момента мартовской революции»². Таким образом, и в решении аграрного вопроса уральское правительство не смогло занять последовательной позиции. Его программа, не найдя поддержки ни у предпринимателей, которые требовали возвращения всех земель прежним владельцам, ни у крестьянства, потерявшего горнозаводские дачи, повисла в воздухе. В результате правительство потеряло даже ту небольшую социальную базу, которая способствовала его возникновению. Правые

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р-1951. Оп.1. Д.73. Л.27.

² Колчаковщина на Урале. – С.54-55.

социалисты остались один на один с консервативными силами. Дни их правительства были сочтены. Справедливости ради следует отметить, что ВОПУ, несмотря на невероятные трудности политического и экономического характера, все таки смогло дотянуть до создания Всероссийской центральной власти.

После принятия пакета указов об упразднении областных правительств, уральские министры «получили отставку». Это произошло на вечернем заседании 2 ноября 1918 г¹. По воспоминаниям В.Г. Болдырева (кстати, решительного сторонника ликвидации областного правительства), политики в Екатеринбурге «оказались людьми скромными и не протестовали против передачи своих функций Директории». Действительно, 10 ноября 1918 г. ВОПУ без лишних проволочек сложило с себя полномочия по управлению областью.

Тем не менее, фактическая ликвидация учреждений ВОПУ началась после установления военной диктатуры Колчака и затянулась на несколько месяцев. Постановления колчаковского Совета министров по этому поводу были опубликованы лишь в конце января 1919 г., то есть спустя месяц после их принятия². Распоряжение Совета министров о ликвидации главноуправления горных дел ВОПУ и восстановлении деятельности Уральского горного управления, принятое 27 декабря 1918 г., появилось в «Правительственном вестнике» только 31 января 1919 г³.

Итогом периода «демократической революции» стали серьезные социальные сдвиги. Правые социалисты совместно с кадетами в очередной раз попытались осуществить на практике свое представление о дальнейшем пути развития русской революции. Но предложенная ими программа, которая постоянно корректировалась на практике под давлением консервативных сил, не смогла, несмотря на всю свою привлекательность, удовлетворить ни один из социальных слоев российского общества. В

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. – Новошколаевск, 1925. – С.90.

² Правительственный вестник. Омск. 3 января. 21 января. 31 января. 1919 г.

³ Правительственный вестник. Омск. 31 января. 1919 г; ГАРФ.Ф.Р. 176.Оп.1.Д.73.Л.3.

условиях политической нестабильности и экономического кризиса население утратило веру в правительства, которые не смогли ничего решить, и связывало свои надежды с созданием более сильной власти, способной обеспечить порядок и оградить от произвола. Командование Чехословацкого корпуса также разочаровалось в Уральском правительстве и перестало считать его реальной силой в регионе. Выход из положения чехословаки как и в ситуации с Комучем видели только в создании единой и сильной Российской власти, вследствие чего они перестали оказывать поддержку ВОПУ.

1.3. Проблемы взаимодействия Чехословацкого корпуса с Временным Сибирским правительством и Временным всероссийским правительством (июнь - ноябрь 1918 г.)

10 мая 1918 г. в Челябинске состоялось совещание Центрального штаба во главе с А.Н. Гришиным-Алмазовым с командирами ближайших чешских частей – капитанами Р. Гайдой и Э. Кадлецом. Затем 14 мая в Челябинске состоялось объединённое совещание с участием представителей французской военной миссии и военных деятелей поволжского подполья (во главе с подполковником Н.А. Галкиным)¹. Это обстоятельство косвенно свидетельствует о подготовке выступления против советской власти эсеров и военных недовольных властью большевиков.

Антибольшевистское подполье Сибири готовило переворот, в ходе которого планировалось свержение советской власти. Но толчком к восстанию против большевистской власти, несомненно, послужило вооружённое выступление чехословаков против большевиков. Находясь в Сибири, чехословаки успели завязать тесные отношения с сибирской кооперацией, принявшей на себя снабжение эшелонов продовольствием и фуражом, а через потребкооперацию, почти сплошь эсеровскую по составу,

¹ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. – М.-Л., 1927. – С.266.

чехи связались с подпольными антибольшевистскими организациями. По мнению Г.К. Гинса, управляющего делами в Сибирском правительстве: «Выступление чехословаков произошло, таким образом, неожиданно ... для всех врагов большевизма. Как думали тогда, это была счастливая звезда Сибири, и чехов встретили как Богом посланных избавителей»¹. Собственно значение выступления чехословаков против советской власти особо подчёркивалось практически всеми: именно начало активной борьбы чехословаков с большевиками вызвало детонацию вдоль всей железной дороги, являющейся связующей артерией восточного региона. По наблюдениям некоего офицера В. члена Новониколаевской организации, в те дни «реальная сила находилась в руках чешского командования. Правда, эти части были растянуты тоненькой цепочкой на тысячи верст, но всё же они были достаточны для того, чтобы поднять антисоветские выступления в ряде русских городов»². Ещё одно свидетельство исключительной важности выступления чехословаков приводит поручик Б.Б. Филимонов. Он в свою очередь замечает, что «с выступлением чехословацких частей, растянувшихся от Волги до берегов Тихого океана, на всем этом пространстве связь порвалась, и тем самым противодействие большевиков было значительно ослаблено, а местами и совсем парализовано. Противобольшевикам же представлялась возможность быстрого установления связи друг с другом, взаимной помощи, единства действий и единства ... организаций»³. Продвижение чехословаков было стремительным. За Новониколаевском вскоре были захвачены Миасский завод, Челябинск и Кокчетав. 31 мая практически без боя сибиряки освободили Томск. По воспоминаниям поручика А.А. Кириллова «штаб восставших непрерывно справлялся о продвижении чехословаков, их намерениях и предположениях, так как не был уверен в возможности

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – Пекин, 1921. – Т.1. – С.64.

² В. Двадцать лет назад. Переворот в Новониколаевске // Луч Азии. – Харбин, 1938. – № 46. – С.6, № 47. – С.7.

³ Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 г. – Шанхай, 1934. – С.8.

сохранить город в своих руках...»¹. Начальником гарнизона поначалу назначался глава местной подпольной антибольшевистской организации полковник Н.Н. Сумароков, но затем из-за своих правых взглядов он был заменён подполковником А.Н. Пепеляевым.

26 мая 1918 г., вслед за освобождением Новониколаевска, ЗСК вышел из подполья и принял активное участие в развернувшейся работе по организации новой власти. 8 июня 1918 г. в результате военных успехов зарождающейся армии ЗСК перенёс свою резиденцию в Омск. 9 июня произошло объединение Омской и Новониколаевской группировок чехословаков, означавшее установление оперативного единства в пределах Западной Сибири. В связи с этим созданный в Новониколаевске штаб Западно-Сибирского военного округа приказом войскам округа № 8 от 12 июня 1918 г. был переименован в штаб Западно-Сибирской армии. Согласно приказу войскам армии № 1 от 13 июня последняя стала именоваться Западносибирской отдельной. Командующим армией назначался полковник А.Н. Гришин-Алмазов. 15 июня штаб во главе с полковником П.П. Беловым был переведён в Омск². Рост численности Западносибирской отдельной армии позволил её командованию занять более независимую позицию при контактах с Чехословацким корпусом. В послании начальника штаба Западносибирской отдельной армии полковника П.П. Белова председателю ЧНС указывалось: «Что же касается того обстоятельства, что по Вашему заявлению, почти вся тяжесть борьбы у Мариинска лежит на Ваших войсках, то смею вас уверить, что русский командный состав делает все от него зависящее, чтобы по мере формирования нашей армии, наши войска несли такую же боевую работу, как и наши доблестные союзники чехословаки, о чём и свидетельствует количество наших войск, действующих совместно с группой войск капитана Гайда в районе Красноярск, Мариинск»³.

¹ Кириллов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. – Прага, 1928. – Т.IV. – С.44.

² Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия (май-декабрь 1918 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. 20 век. – Новосибирск, 1994. – С.70-71.

³ РГВА. Ф.39617.Оп.1. Д.67.Л.30об.

Бесспорно основной вопрос, который в первую очередь пришлось решать новому правительству, касался создания боеспособных военных формирований. Вскоре разгорелся спор по поводу кандидатуры на пост главнокомандующего. Если вспомнить Поволжье, то там на этот пост кандидатов из русских не нашлось, и пришлось назначить С. Чечека, чехословацкого генерала. Ситуация в Сибири была иной. Авторитетных русских военных здесь вполне хватало. В итоге кандидатура Гришина-Алмазова ещё в подпольный период работы обнаружившего широту политических взглядов и способность к сотрудничеству, устроила всех. По выражению Г.К. Гинса «с его стороны не проявлялось упрямства и своеволия, он был лоялен к власти, но не скрывал, что, представляя реальную силу, он требует, чтобы с ним считались»¹.

С самого начала правительство пожелало поставить армию под свой неусыпный контроль. Но здесь ему пришлось столкнуться с противодействием со стороны военных. Завидную твердость Гришин-Алмазов проявил в вопросе о политическом контроле за армией. Поначалу эсерами из ЗСК планировалось создание в воинских частях специального института политических комиссаров. Однако в военной среде это сразу же вызвало решительное сопротивление. В этой связи следует отметить, что решающую роль в переворотах мая-июня 1918 г. сыграли именно офицеры, а не эсеры, и прошли они не под эсеровскими лозунгами и тем более без всякой эсеровской агитации – программа чаще всего была патриотическая, беспартийная и антибольшевистская. Вообще, развертывающиеся в боевые части организации в массе своей являлись чисто офицерскими и демократический облик был необходим им для того, чтобы «попасть в тон времени» или получить поддержку со стороны чехословаков. В итоге Гришин-Алмазов ясно обозначил свою позицию по этому вопросу, и с этим вынуждены были считаться. Результатом такой непреклонной позиции явилось то, что уже в середине июня 1918 г., так и не успевший развиваться

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С.89.

новый институт был упразднен. Победила формула «армия вне политики», разделявшаяся кадетами и их сторонниками и закреплённая 23 августа 1918 г. специальным постановлением ВСП «Об устранении армии от участия в политической деятельности»¹. Неудача в организации института политических комиссаров продемонстрировала с одной стороны позицию офицерства, не желавшего, иметь над собой какой-либо контроль со стороны правительства, а с другой стороны это свидетельствовало о неспособности гражданских властей осуществлять реальный контроль за действиями военных. Об этом красноречиво свидетельствует Г.К. Гинс: «Так было положено начало зависимости гражданской власти от военной»².

Но пока эти проблемы отошли на второй план. Прежде всего необходимо было решить вопрос, связанный с выяснением положения Сибири в общероссийских процессах. На начальном этапе было решено исходить из соображений приоритетности сугубо региональных задач. Важное значение имел тот факт, что на начальном этапе государственное и военное строительство здесь осуществлялось под знамёнами Областного движения. Также учитывалось то, что Сибирь являлась вполне самодостаточной в области снабжения продовольствием и природными ресурсами (прежде всего топливом и металлами) ну и, наконец, определённые ограничения накладывало слабое развитие в регионе путей сообщения – основными и единственными были Транссиб и Старый Сибирский тракт. Несмотря на это 18 июня 1918г. Гришин-Алмазов отдал свою первую директиву войскам. В ней говорилось: «Вверенной мне армии поставлена задача очистить в кратчайший срок всю Западную Сибирь от большевистских войск. Средне-Сибирскому корпусу приказано очистить районы южнее Барнаула до китайской границы и к востоку от Мариинска вдоль Сибирской железнодорожной магистрали до Иркутска включительно». Однако в директиве ни слова не говорится о других целях. Но, тем не менее, известно, что Степному Сибирскому – необходимо было освободить

¹ Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. – Томск, 1995. – С.35.

² Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С.89; Симонов Д.Г. Указ. соч. – С.71.

территорию Западной Сибири к западу и северо-западу от Омска и обезопасить Западную Сибирь от вторжения советских войск занятием проходов через Уральские горы.

В первый день своего наступления Западно-Сибирская армия насчитывала всего 219 офицеров, 4232 штыков, 1215 сабель, 481 невооружённого солдата (из-за нехватки винтовок), 132 солдата технических войск и 62 артиллериста. Также имелось 16 тяжёлых, 3 лёгких орудия, 36 пулемётов и 1 бомбомёт. На фронте было всего 2200 штыков и сабель, 7 орудий, 25 пулемётов. Остальные несли гарнизонную службу и охраняли железные дороги. Однако в директиве ни слова не говорится о чехословаках, несмотря на то, что с первого дня выступления они везде играли решающую роль. Более того, замалчивается и то, что всего несколько дней назад сам Гришин-Алмазов передал, например, войска Мариинского фронта (где действовали части 1 и 2 Новониколаевских полков) под общее командование младшего в чине капитана чеха Р. Гайды. Сказать об этом, означало опровергнуть создаваемое Сибирским правительством впечатление, что против советской власти восстало население Сибири, которое и свергает «иго большевиков»¹. Действия объединённых сил чехословаков и Западно-Сибирской армии развивались стремительно. Во многом этому способствовали восстания в тылу красных при приближении белых сил. 19 июня 1918 г. без боя пал Красноярск, а 11 июля был уже взят Иркутск. Занятие Иркутска и захват в полной исправности тоннелей Кругобайкальской железной дороги расценивалось как крупный успех и окончание операции по овладению Восточной Сибирью. Всего за 45 дней чехословаки Гайды и включенные в его группу войска Западно-Сибирской армии прошли 2200 км. В ходе наступления удалось нанести красным войскам несколько серьёзных ударов, настолько сильных, что они прекратили сопротивление уже за 100 км. от Иркутска. В итоге ресурсы ВСП значительно выросли². Успешно развивались действия и на западе, где наступали чешско-русская Самарская

¹ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. – М., 1966. – С.20-22.

² Там же. – С.25-27.

группа войск полковника С. Чечека и Челябинская группа полковника С.Н. Войцеховского. 22 июля 1918 г. частями Чечека был захвачен Симбирск, а войска Войцеховского заняв 18 июля Тюмень, вышли на подступы к Екатеринбургу.

Естественно ЗСК стремился привлечь на свою сторону жителей территорий, освобождаемых его войсками. Но далеко не все обыватели стремились оказать поддержку войскам. Исключение составляли лишь горнозаводские рабочие Урала из которых в Сибирской армии формировались горнострелковые части. По свидетельству Г.К. Гинса это был «пролетариат с буржуазным укладом ... Большевизм вторгся в их среду как начало непонятное, чуждое и отвратительное, разрушающее их замкнутую, спокойную патриархальную жизнь. Коммуна стала так ненавистна этим рабочим, что они поднимались против неё самостоятельно ... и дрались отчаянно и до последнего»¹.

Изначально в Сибири было огромное влияние военных и их независимость в военных вопросах. Это обстоятельство позволило видному представителю советской историографии Л.М. Спирину в своё время отметить: «между Комучем и эсеро-белогвардейским правительством Сибири было существенное различие. Если первый был почти сплошь эсеровским и проводил политику своей партии, то у второго эсеровской являлась лишь вывеска, а за нею скрывалась махровая белогвардейщина, направлявшая политику сибирских министров. В Поволжье основной силой были эсеры, шедшие вкупе с белогвардейцами, в Сибири – белогвардейские офицеры и казацкие атаманы. Сами же эсеры не располагали там сколько-нибудь значительными военными формированиями»². Стремительно набирала силу военная бюрократия. В итоге, как отмечал Г.К. Гинс «личный состав Сибирского правительства, в том его виде, в котором оно было избрано Сибирской областной Думой, могло опереться только на партийные эсеровские круги. Одно имя Дербера приводило в ярость буржуазные круги,

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С.57.

² Спиринов Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920). – М., 1968. – С.268.

офицерство почему-то не могло слышать имя Моравского (государственный секретарь) относилось с большим подозрением к полковнику Краковецкому и вообще члены Сибирского правительства, находившиеся на Востоке, казались пугалами революции, мало отличавшимися от большевиков»¹. Эту тенденцию умело использовал Гришин-Алмазов, с одной стороны он настойчиво проводил курс на полное устранение армии от участия в политике, с другой - всячески подчеркивал, что армия уже сама по себе является серьёзной политической силой, с мнением которой следует считаться. Таким образом, проводилась та мысль, что в регионе в условиях разворачивающейся Гражданской войны необходимо именно то правительство, которое сможет больше других сделать для армии, ибо основной задачей момента (и это признавалось практически всеми) являлась вооружённая борьба с большевиками. Итогом закулисной борьбы явилась санкционированная Сибирской областной Думой (СОД) 30 июня передача власти преемственному ЗСК Временному Сибирскому правительству под председательством П.В. Вологодского. Несмотря на то, что внешне новый кабинет продолжал оставаться эсеровским, его состав знаменовал собой начинающийся процесс смещения приоритетов вправо. 4 июля 1918 года последовало принятие «Декларации о государственной самостоятельности Сибири». Под давлением из Омска 21 сентября 1918 Временное правительство автономной Сибири с 29 июля пребывавшее во Владивостоке, сложило свои полномочия.

21 июля 1918 года Гришин-Алмазов направил председателю СОД И.А. Якушеву письмо, в котором констатировал: «Мы переживаем время не парламентов, а твёрдой власти»². К началу июля 1918 года правительство ликвидировало все сомнения в своих целях: «Всё для армии, политики не должно быть»³. О направлении в создании армии ярко свидетельствуют взгляды её командующего Гришина-Алмазова, обрисованные в беседе с

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С.102.

² Цит. по: Шиловский В.М. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу // Сибирь в период гражданской войны. – Кемерово, 1995. – С.10-11.

³ Перейра Норманн Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. – М., 1996. – С.63.

представителями Генштаба: «При создании армии, - сказал он, - мы не можем не считаться с тем фактом, что революция в России произошла, и что возврата к старому в буквальном смысле - нет и не может быть. Поэтому мы, конечно, должны восстанавливать её на демократических началах, но, несомненно, с уклоном вправо, чтобы со временем, когда для этого придёт минута. Иметь вооружённую силу, весьма похожую на ту, которой располагала Россия перед началом Всемирной войны. Однако не считаться с настроением масс, всколыхнутых революцией, мы не можем и потому будем весьма осторожны с теми вопросами, которые могут подействовать неблагоприятно на массы, испугав их полным возвращением к старому и тем оттолкнут от нас»¹. Именно поэтому в Сибирской армии вместо погон знаки различия размещались на рукаве и не в виде даже национальной трёхцветной ленты, а ленты «сибирских» цветов – белой и зелёной. Взгляды русских частей армии в телеграмме Вологодскому от 11 августа командующий войск восточного фронта полковник Р. Гайда определял так: «Я вижу, что армия настроена, в лице частей, действующих в составе войск вверенного мне фронта, несравненно правее, чем Временное правительство, которое думает на эту армию опираться»².

Также были преодолены наметившиеся разногласия в области внешней политики: образовавшаяся группа германофилов, возглавляемая товарищем министра иностранных дел П.М. Головачёвым и начальником штаба армии генералом П.П. Беловым потерпела поражение; верх взяли сторонники Антанты. Несмотря на достаточное количество войск в июле их численность составила 45 тысяч человек, вопрос о мобилизации был все же поставлен. Прежде всего, с успешным завершением кампании на востоке перед Сибирской армией открывалась перспектива вступления в масштабные боевые действия на западе, особенно на Уральском фронте. Существенную роль играл также и политический аспект. Необходимо было решить вопрос о

¹ Иностранцев М. Адмирал Колчак и его катастрофа. Воспоминания недавнего прошлого. ГАРФ. Ф.5960.Оп.1.Д.8а.Л.9.

² ГАРФ. Ф.193.Оп.1.Д.31.Л.18.

политическом лидерстве и с другой стороны срочно заручиться поддержкой союзных держав, для чего следовало декларировать скорое воссоздание русско-германского фронта и подкрепить свои намерения срочным строительством полноценных вооружённых сил. На последнем особенно настаивал Гришин-Алмазов. Как отмечал уже упоминавшийся Г.К. Гинс «первые два месяца после выступления чехословаков с большевиками дрались только офицеры и те, кто добровольно присоединился к восстанию. Сил этих было достаточно в Сибири, но когда борьба перенеслась на Урал, когда встал на очереди вопрос о восстановлении Германского фронта – стала необходима мобилизация»¹. Увеличение численности армии привело бы, несомненно, к дальнейшему усилению позиций военных. Что было бы как раз на руку Гришину-Алмазову. П.В. Вологодский в своём дневнике отмечал: «Гришин по типу своему Наполеон Бонапарт, но ещё рано появляться «бонапартам» на сибирском горизонте»². Тем не менее, правительство поощряло инициативы военных. Об этом свидетельствует включение в сферу влияния ВСП Уральского края. Положение, сложившиеся с вооружёнными силами созданного 19 августа 1918 г. Временного областного правительства Урала обрисовал В.Л. Утгоф. «Стремясь расширить свою территорию – писал он, - омское правительство «оказало военную помощь» Уральскому правительству, занимая освобождённую от Красной Армии территорию Урала своими войсковыми частями и взяв на себя создание уральского войска (уральских горных стрелков) и руководство его операциями, иначе сказать – обратив уральские войска в сибирские. Тем самым оно создало для себя новый фронт с Красной Армией – Екатеринбургский и вынуждено было считаться с этим фронтом, главным образом чехословацким»³. И вот уже в октябре 1918 г. приказом по войскам Западного фронта Северо-уральский фронт переименован в Екатеринбургскую группу войск под командованием

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С.128.

² Симонов Д.Г. Указ. соч. – С.72.

³ Утгоф В.Л. Уфимское государственное совещание 1918 г. Из воспоминаний участника // Былое. – Петроград, 1921. – № 16. – С.45.

генерал-майора Р. Гайды¹. Но дальнейшее усиление позиций военных явно не входило в планы правительства. Серьёзную озабоченность смещением акцентов проявляло руководство Чехословацкого корпуса. Резкое охлаждение отношений произошло после августовской сессии СОД, где, как вспоминал И. Глос «центром внимания... был всецело... военный министр...». Этот злой дух правительства не стесняясь, побрякивая саблей, в своём ответе членам СОД дал понять, что они должны принять его направление, в противном случае дума будет разогнана². Со своей стороны чехословаки недвусмысленно заявили, что они выступают против всякой диктатуры, и намерены сотрудничать лишь с тем правительством, которое опирается на самые широкие слои населения. Поводом для разрыва отношений послужил инцидент в Челябинске, где в своей речи Гришин-Алмазов допустил достаточно резкие высказывания в адрес чехословаков и союзников. На закрытом совещании ВСП мнения его членов разделились, но, несмотря на это, 5 сентября специальным указом ВСП Гришину-Алмазову было предложено подать в отставку. Это известие он воспринял резко негативно и предпринял попытку с позиции силы заставить правительство отменить своё решение. Но эта попытка окончилась неудачей. Затем он снова предпринял вялую попытку к сопротивлению, но вскоре уступил. Позднее, объясняя причины этого, он заявил, что «не хотел обращаться за поддержкой к войскам – в городе много новобранцев, и всякая попытка сопротивления власти разом развратила бы их»³. Постановлением Административного совета от 13 сентября 1918 года Гришин-Алмазов был зачислен «по полевой лёгкой артиллерии с назначением состоять в распоряжении Совета министров»⁴. Будучи сторонником установления связей с остальными антибольшевистскими правительствами и создания единого фронта, 22 сентября бывший командарм покинул Омск и направился на юг – в распоряжение Добровольческой армии.

¹ РГВА. Ф.39509.Оп.1.Д.19.Л.153.

² Глос И. Чехословаки и Сибирская областная Дума // Вольная Сибирь. – Прага, 1928. – Т.IV. – С.30.

³ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С. 201.

⁴ РГВА.Ф.39597.Оп.1.Д.3.Л.27.

Непримиримость позиций политиков Комуча и ВСП заставила военных ограничиться полумерами: ещё в ходе первого Челябинского совещания изначально было ясно, что обе стороны на данный момент времени находятся в совершенно равных условиях. Речь о каком-либо соподчинении здесь не шла: вопрос стоял лишь о возможности взаимного информирования и координации. После продолжительной дискуссии о преимуществах Народной и Сибирской армий, которой увлекались генерал Н.А. Галкин и А.Н. Гришин-Алмазов¹ решено было прибегнуть к посредничеству третьей силы. В этом качестве традиционно выступил Чехословацкий корпус, подразделения которого сражались как на Волге, так и в Сибири. Итогом явилось последовавшее 20 июля 1918 г. телеграфное извещение обоих командармов о том, что « в командование всеми войсками, действующими против советских и австро-венгерских войск, впредь до назначения главнокомандующего всеми союзными войсками ... вступил командир Чехословацкого корпуса генерал-майор Шокоров»². Помимо этого были решены и хозяйственные вопросы: 16 июля 1918 г. – в последний день работы совещания – по предложению ЦК Чехословацкого корпуса (ЧСК) и французской военной миссии делегации Комуча и ВСП подписали постановление об образовании Высшего Совета снабжения Союзных армий (ВСССА), действующих в пределах Российского государства. Новый орган, в состав которого вошли на равных основаниях представители командования Народной армии, Сибирской армии, Чехословацкого корпуса и французской миссии, создавался для объединения работы по снабжению союзных армий на территории России. Уже 30 июля 1918 г. приказом №1 Совет объявил о начале своей работы³.

Осенью 1918 г. Совет снабжения начал заниматься самостоятельными заготовками для армии на территории Сибирского правительства. Однако существование органов снабжения армий отдельных антибольшевистских

¹ Майский И.М. Указ. соч. – С.201.

² РГВА. Ф.39498.Оп.1.Д.1.Л.7

³ Путеводитель по фондам Белой армии. РГВА. /Составители Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М.Чижова. – М., 1998. – С.22.

сил, необъединённых общим политическим руководством, явилось неизбежным следствием отсутствия единого антибольшевистского правительства. Но после образования Директории такое положение превратилось в явный анахронизм, приводившим к двойному, а иногда и тройному дублированию работы по военному снабжению, что неоправданно поддерживало преувеличенный спрос на многие товары. Чтобы перебороть структуру Совета снабжения в Российском правительстве решили провести сепаратные переговоры с одним из союзников – чехословаками. 4 ноября 1918 г. ЧНС признал, что только министерство снабжения Российского правительства имеет право заниматься военными заготовками, а распределением только российские интендантства. Взамен этого чехословаки получили право командировать в распоряжение местных уполномоченных министерства своих представителей, которые должны были наблюдать за качеством и своевременностью выполнения заказов, участвовать в приёмке военного довольствия. Чехословаки выделили для выполнения договорённостей 15 губернских и областных представителей¹.

Вскоре после падения Директории процесс реформирования Совета снабжения продолжился. 19 ноября 1918 г. военный министр вынес на обсуждение Совета министров предложение об упразднении Высшего совета снабжения и чётком разделении функций министерств военного, продовольствия и снабжения. 24 ноября уже министр продовольствия в своём докладе на Государственном экономическом совещании подтвердил, что Совет снабжения полностью дублирует заказы военного министерства. 26 ноября 1918 г. Совет министров принял решение упразднить ВСССА². С этого времени функции заготовки предметов продовольствия и снабжения для армии целиком сосредотачивались в министерстве снабжения и продовольствия, а распределение заготовленного переходило к интендантству.

Коренным образом ситуация во взаимоотношениях ВСП и Комуца

¹ ГАРФ. Ф.160.Оп.1.Д.8.ЛЛ1.40,83-85.

² ГАРФ. Ф.176.Оп.4.Д.29.ЛЛ1.280,280об.

изменилась лишь после начавшегося 6 сентября контрнаступления Красной Армии на Восточном фронте. Затяжная полоса неудач на Волге заставила обе стороны пересмотреть свои позиции: чем хуже становились дела на западе страны, тем неуютнее чувствовали себя на востоке. Отнюдь не последнюю роль в этих обстоятельствах сыграли ЧНС и командование Чехословацкого корпуса, ребром поставившие вопрос о том, что в настоящее время Поволжский фронт продолжает удерживаться лишь благодаря их помощи. В итоге Омск заставили оценить ту роль военно-стратегического прикрытия, которую играли вооружённые силы Комуча, а Самаре дали понять, что в одиночку (без помощи чехов и Сибири) её Народная армия не продержится. Осознание того, что дальнейшее противостояние лишь ослабляет и расшатывает позиции антибольшевистского лагеря на Востоке страны, а также очевидная угроза военного поражения сделали вопрос о необходимости общего политического и военного объединения как никогда острым. Необходимость объединения централизации управления и защиты занятых территорий сделалась очевидной, оставался лишь вопрос о её степени и формах. Он должен был получить своё разрешение на проходившем с 8 по 23 сентября 1918 года Государственном совещании в Уфе. При всей важности стоящих на повестке дня политических вопросах, характер их разрешения, в конечном итоге по-прежнему определялся наличной вооружённой силой, которой располагали его участники. И здесь в проигрыше изначально оказывался Комуч, позиции которого серьёзно подорвали военные поражения и начавшееся разложение Народной армии. На фоне ослабления влияния Народной армии в регионе продолжает усиливаться влияние чехословаков. Фактически чехословацкие части являлись хозяевами положения и в Сибири и на Волге. Широко снабжаемые союзниками, во главе с Францией, они, как и другие иноземные отряды, вместе с тем широко пользовались и местными средствами. Население страдало от поборов и насилий. В нём накапливалась злоба против чужеземцев-насилыников. Отсюда, как констатировал наиболее авторитетный из военных

на востоке страны генерал В.Г. Болдырев «взаимоотношения этих вооружённых сил и русских и иноземных, оставляли желать лучшего. Сибирская армия в лице её штаба была крайне враждебна чехам, находившимся в достаточно добрых отношениях с Народной армией, а эта последняя еле терпелась сибиряками»¹. Следует также учитывать, что и во взаимоотношениях чехословаков и Народной армии не всё было так идеально. Из-за начавшихся неудач на фронте всё чаще стали происходить конфликты между ними. В итоге, понесённое на Волге поражение постепенно раскололо сложившийся союз волжан и чехословаков. Виновниками всех неудач и поражений на фронте чехословаки считали «белых», а те – чехов.

К осени 1918 года произошли важные изменения в организационной структуре Чехословацкого корпуса. 4 сентября 1918 – накануне Уфимского совещания – войска обеих русских армий были телеграфно извещены о том, что Отделением ЧНС Шокоров переведён на должность инспектора всех чешских частей в России. Командующим ЧСК вместо него назначается генерал-майор Я. Сыровы. Исходя из этого предписывалось, «имея в виду преемственность власти от генерала Шокорова, генерала Сырового считать, согласно решения заседания, бывшего в Челябинске, Главнокомандующим всеми фронтами в оперативном отношении»². По сути, Чехословацкий корпус к этому моменту начал превращаться в иностранную армию – автономную часть Чехословацкой армии в России с подчинением представителям союзной Франции (под эгидой которой он существовал, формировался и снабжался, находясь в Сибири). Помимо чисто организационных моментов, это также обуславливалось окончательным провозглашением 14 ноября 1918 г. независимости Чехословакии, так что Болдырев в какой-то степени справедливо оценивал чехословацкие части как «реальное проявление интервенции»³.

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. – Новониколаевск, 1925. – С.56.

² РГВА.Ф.39512.Оп.1.Д.58.Л.67.

³ Болдырев В.Г. Указ.соч. – С.55.

В начале ноября 1918 года обстановка на фронте в очередной раз кардинально меняется. 31 октября советский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин обратился к ЧНС с радиограммой, где от имени Советского правительства предлагал в обмен на гарантии безопасности и беспрепятственную эвакуацию из России прекратить военные действия¹. Кроме того, созрела почва и для антивоенной агитации. С другой стороны учитывалась тяжесть четырёх месяцев боёв. Кроме того, чехословацкое руководство было крайне недовольно эволюцией вправо российского правительства и его вооружённых сил, ясно обозначившейся с сентября 1918 г. Опять же, не последнюю роль сыграло провозглашение независимости Чехословакии, где для вчерашних безродных легионеров открывались огромные перспективы. 2 ноября 1918 года начался отвод всех чехословацких военных формирований в тыл для отдыха, пополнения, приведения в порядок.

В заключение необходимо отметить, что решающим фактором в организации антибольшевистских восстаний в регионе стало вооружённое выступление Чехословацкого корпуса против советской власти. В сравнении с Поволжьем, где в силу структурной аморфности и малочисленности местного подполья Комуч и его армия оказались целиком обязанными своим существованием командованию корпуса, в Сибири наличие достаточного числа собственных организованных сил Общесибирского подполья имело следствием значительно меньшую военно-политическую зависимость от него Сибирского правительства и его армии. В итоге, влияние Чехословацкого корпуса и военного руководства в Сибири ослабевало пропорционально укреплению военной мощи ВСП и общей стабилизации положения в регионе; напротив, в Поволжье оно до последнего момента оставалось преобладающим, сокращаясь лишь по мере утраты авторитета правительством Комуча и разложения его вооружённых сил.

Неудачи на фронте, во многом вызванные неудачными мероприятиями

¹ Познанский В.С. В.И. Ленин и Советы Сибири (1917–1918). Руководство военно-политической деятельностью советов по борьбе с контрреволюцией. – Новосибирск, 1977. – С.243.

правительств «демократической контрреволюции» в тылу, а также наличие большого количества областных правительств, которые зачастую заняты борьбой между собой, а не с советской властью, вызывают обеспокоенность не только у руководителей антибольшевистского движения, но также и у представителей союзного командования. Выход из создавшейся ситуации им видится в создании в России общенационального дееспособного правительства.

В итоге для выработки платформы будущего правительства было решено созвать Уфимское Государственное Собрание (УГС).

В конце августа-начале сентября 1918 года в Уфу начали съезжаться делегаты Собрания по созданию нового правительства. Уфимское государственное собрание проходило в здании гостиницы «Большой Сибирской» (ныне Дом Офицеров)¹ с 8 по 23 сентября. Всего было пять пленарных заседаний. Кроме того, работала комиссия по организации власти, известная также как согласительная комиссия и Совет Старейшин. На пленарных заседаниях делались доклады различными делегациями, в которых отражались их представления по устройству государственной власти. На согласительной комиссии в узком кругу (по одному представителю от крупнейших делегаций) обсуждались все детали. Окончательное решение Совета Старейшин было вынесено на обсуждение и утверждение всему составу Собрания.

Сразу же стоит отметить, что важную роль в Уфе играли чехословаки. Они прямо призвали участников собрания к скорейшему созданию всероссийской власти, так как Чехословацкому корпусу надо знать, кого они защищают².

Выбранный руководителем правительства Н. Авксентьев пользовался поддержкой лишь правой части ПСР, допускавшей коалицию с «правыми». Последние, тем не менее, обвиняли его в «преступной мягкости в отношении

¹ Уфимская жизнь. Уфа, 1918. 25 августа (7 сентября).

² См.: Казанчиев А.Д. Уфимская Директория 1918 года: Дис...канд. ист. наук. – Уфа, 1995. – С. 92.

большевиков» во время июльских событий 1917 года¹. А. Ган называл его даже «рабом партии»² эсеров. И «правые» и «левые» кроме того сомневаются в способностях Авксентьева как государственного деятеля. Вот как нелестно отзывался И. Майский о приветственной речи Авксентьева на УГС: «...она была наполнена тем ничего не выражающим словесным хламом, до которого всегда был таким охотником этот громогласный оратор...»³. По мнению Гинса Авксентьеву присущи «погоня за внешним успехом, склонность позировать, любовь к фразе и недостаточная солидность»⁴. Д. Уорд называет его «вторым изданием Керенского, таким же «великолепным актёром, слушать которого можно было с удовольствием»⁵. В.М. Зензинов по сравнению с Авксентьевым пользовался большим доверием «левых». Правые воспринимали его как типичного революционного фанатика: «Глядя на него чувствовалось, что этот человек никогда и ни при каких условиях не сможет изменить своему партийному знамени»⁶. Как положительную черту И.Серебренников и Г. Гинс отмечают «честность», «прямолинейность», «твёрдость» и «редкую порядочность» В. Зензинова. Как отрицательную – «неопытность в вопросах управления»⁷. В. Болдырев был представителем не только Союза возрождения, но и военных. Присутствие военного в Директории, соединявшую в себе гражданскую и военную власть, было необходимо. Но основным недостатком Болдырева был как раз его низкий авторитет именно среди военных. В. Степанов в письме к В. Виноградову, перечисляя причины недовольства кадетов юга России решениями УГС, под вторым пунктом пишет следующее: «Генерала Алексева – заместителем к Болдыреву! Мягко выражаясь, это неосторожно, объяснение, что Алексева не было на лицо – неудовлетворительно, ибо и Астрова и Чайковского налицо не было, однако их не избрали заместителями к тем, кто находился

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С.256.

² Ган А. Россия и большевизм. – Шанхай, 1921. – Т.1. – С.288.

³ Майский И.М. Указ. соч. – С.216.

⁴ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.2. – С.259.

⁵ Уорд Д. Указ. соч. – С.68.

⁶ Серебренников И.И. Мои воспоминания. – Ташкент, 1937. – С.184.

⁷ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.1. – С.261; Серебренников И. Указ. соч. – С.184.

под рукой»¹. Генерал Д. Филатьев более категоричен в своих суждениях и прямо обвиняет самого генерала Болдырева в «бестактности». «Назначение же генерала Алексеева замом Болдырева было явной бестактностью со стороны самого Болдырева: по их взаимному удельному весу естественно было избрать Алексеева директором, а Болдырева его временным замом...»².

Тем не менее, после всех перипетий политической борьбы, на УГС было принято решение о создании коалиционного правительства из лиц разных политических течений, внутренне единого и действующего независимо от партий и течений, их выдвигавших. Был утверждён состав Временного всероссийского правительства: кадет Н.И. Астров, беспартийный, член союза Возрождения России генерал В.Г. Болдырев, эсеры Н.Д. Авксентьев, Н.В. Чайковский, член Сибирского правительства П.В. Вологодский. Были также назначены пять заместителей, замещающих строго определённое лицо на случай смерти, отказа или долгого отсутствия кого-либо из членов правительства. Это важное событие, по словам А.А. Аргунова, ставшего заместителем члена правительства Н.Д. Авксентьева, вселило надежду в членов собрания и представителей союзных наций, и, прежде всего чехословаков, на то, что «демократия может объединиться в единую силу, что дух борьбы и недоверия отлетел, унесённый пережитым и осознанным общим горем страны»³.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. Противоречия в правительстве начали сказываться с самого начала его работы. При формировании Совета министров, наибольшие разногласия вызвали кандидатуры Е. Роговского и И. Михайлова. Е. Роговского, видного деятеля ПСР, выдвигали эсеры. И. Михайлова – члены Временного Сибирского правительства. Причём и тот и другой претендовали на один и тот же пост весьма важный: министра внутренних дел. По этому поводу В. Зензинов писал в своём дневнике, что «Михайлов окажется для Всероссийского

¹ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром. – М., 1982. – С.170.

² Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918-1922: Впечатления. – Париж, 1985. – С.25.

³ Цит. по: Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. – С.19.

Правительства роковым человеком ...». Сибирское правительство с такой же «нетерпимостью и предвзятостью» относилось к кандидатуре Роговского¹.

Таким образом, Уфимская Директория с самого начала своего существования была вынуждена постоянно лавировать между различными партийными группировками. Слева оказывали давление эсеры, меньшевики, делегаты Сибирской областной Думы. Левые надеялись на поддержку чехословаков. Существует достаточно оснований утверждать, что чехи действительно готовы были оказать силовую поддержку «левым». Авксентьев объяснял свою настойчивость в вопросе о Роговском тем, что он «был обязан пойти на это назначение в Уфе, иначе бы соглашение не состоялось из-за угрозы чехословаков оставить фронт. Против кандидатуры Роговского в ответ указывали Авксентьеву, что в октябре угроза чехословаков уже не актуальна, так как они «все равно с сентября не воюют и всю местность от Волги до Уральских гор отдали большевикам». Авксентьев же продолжал «попросту умять согласиться на Роговского, обещая недели через две его прогнать и заменить другим, приемлемым лицом»². Такая позиция Авксентьева свидетельствует, по всей видимости, о том, что тот знал о возможном выступлении чехов на стороне «левых», однако не решался делать прямые угрозы. Обстановка в Омске в те дни была беспокойная. По городу циркулировали упорные слухи о предполагавшейся расправе над Совмином. В ночь на 23 октября у квартиры Вологодского, Михайлова, Серебренникова была даже выставлена охрана из казаков и офицеров³. О готовности чехословаков применить силу сообщает И. Серебренников. «Один из членов партии эсеров рассказал в последствии мне, что он участвовал в переговорах с чехами относительно возможности с их стороны устройства переворота в Омске, свержения Сибирского Правительства и предоставления всей власти Директории. Чехословакии будто бы дали своё согласие на это, все зависело далее от санкции

¹ Гинс Г.К. Указ.соч. – Т.1. – С.274.

² Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война(1918 - 1920 гг.). – Мюнхен,1923. – С.20.

³ Голос рабочего. Уфа, 1918. 7 ноября(25 октября).

Авксентьева, который, однако, не решился прибегнуть к силе оружия»¹. Н. Святицкий также утверждает, что всё решило нежелание Авксентьева и Зензинова «утвердить свою власть с помощью иностранных штыков», хотя чехи дали понять, что они к услугам Директории и в два часа расчистят Омск от всей «реакционной сволочи»². Более того Авксентьев сопровождал свой отказ бестактной фразой: «Я не хочу заводить собственных латышей»³⁴.

Наиболее подробно о своих переговорах с Авксентьевым и Зензиновым рассказывает И.М. Майский. В ответ на его предложение воспользоваться услугами чехословаков, Авксентьев ответил так: «Мы с Зензиновым пошли бы на такую комбинацию, но в Директории мы не одни. Болдырев же категорически возражает против втягивания иностранцев в наши дела, а Виноградов предпочитает по этому поводу отмалчиваться. О Вологодском я не говорю – он просто шпион Сибирского правительства в Директории». Далее Авксентьев заговорил о своих надеждах на тактику обволакивания. Но Майский выразил сомнение в её эффективности. В конечном итоге, Авксентьев заявил, что он в любом случае не возьмёт на свою совесть развязывание войны внутри антибольшевистского лагеря. Зензинов же среагировал на аналогичное предложение Майского следующим образом: «Я не считаю возможным нарушать соглашение, которое с таким трудом было достигнуто в Уфе и которое мы клялись клятвенно соблюдать»⁵. В целом же, по мнению «левых», обращение за помощью к чехословакам было бы вполне правомерным, так как «именно с их помощью пришли к власти Директория и Комуш»⁶. Более того «левые» считали, что поскольку существует угроза насильственных действий справа, то и Директории нельзя было действовать

¹ Серебрянников И.И. К истории Сибирского Правительства // Сибирский архив. – Прага, 1929. – Т.1. – С.18.

² Святицкий Н.В. Реакция и народовластие. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Съезд членов Учредительного собрания (Очерк событий на востоке России в сен-дек.1918 г.). – М., 1921. – С.64-65.

³ Латышские полки в то время отличались крайней жестокостью по отношению к противникам советской власти и были ненавидимы населением, особенно сельским. - *Примеч. авт.*

⁴ Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С.8.

⁵ Майский И.М. Указ. соч. – С.310-312.

⁶ Майский И.М. Указ. соч. – С.309.

«парламентскими средствами». Только свирепая беспощадная расправа с противником могла гарантировать ВВП выполнение лежащих на нём задач. В.Л. Утгоф называет боязнь Гражданской войны внутри антибольшевистского лагеря и нежелание опираться на помощь иностранцев «двумя призраками, которые вечно стояли» перед глазами Авксентьева и Зензинова. Именно их Утгоф считает виновниками провала силового варианта решения конфликта: «решительные на словах, они больше всего боялись решительных действий»¹.

Сильнейшие возражения со стороны большинства членов Директории вызвала кандидатура И.А. Михайлова. В свою очередь представители Временного Сибирского правительства выступили против Е.Ф. Роговского. Практически вся последующая дискуссия шла вокруг этих лиц. 27 октября в ответ на заявление П.В. Вологодского, «что вопрос о кандидатуре Михайлова на пост министра внутренних дел под давлением местной «общественности» считается безусловным», Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, В.А. Виноградов сообщили о выходе из ВВП. «Смущенный Вологодский заявил, что ему остается, видимо, одно — отказаться от миссии составления Совета Министров»². Не произошло подвижек и 28 октября. «Авксентьев совершенно изнервничался, внешне сдал и Вологодский», - записал в дневник В. Г. Болдырев³. 29-го ситуация повторилась уже по поводу назначения Е.Ф. Роговского. Несмотря на согласие членов Директории понизить его статус постом товарища министра внутренних дел, П.В. Вологодский решительно возражал против его появления в Совете министров в каком-либо качестве⁴.

Тем временем политическая обстановка в Омске накалялась. Как к магниту тянулись сюда со всех сторон офицеры, заполнявшие штабы Сибирской армии и многочисленных казачьих «партизанских отрядов»

¹ Утгоф В.Л. Уфимское государственное совещание 1918 г. Из воспоминаний участника // Былое. — Петроград, 1921. — № 16. — С.40.

² Болдырев В.Г. Указ. соч. — С.86.

³ Там же. — С.86.

⁴ Болдырев В.Г. Указ. соч. — С.87.

(Красильникова, Анненкова и др.). В ресторанах, клубах и кафе они устраивали пьяные оргии, во все горло распевая «Боже, царя храни»¹. Наглядным свидетельством их возможностей и своеобразным предупреждением Директории стало зверское убийство 24 октября члена Учредительного собрания секретаря УГС, эсера Б.Н. Монсеенко, прибывшего в Омск с отрядом Е.Ф. Роговского.

Окончательно соглашение по поводу кандидатур И.А. Михайлова и Е.Ф. Роговского достигается на частном совещании 1 ноября. Временное Всероссийское правительство вынуждено согласиться на включение первого в состав кабинета, правда, пока не оговорив его должность. В свою очередь, Временное Сибирское правительство согласилось на назначение Е.Ф. Роговского товарищем министра внутренних дел. Определенный нажим на спорщиков оказали чехословаки. По сведениям информационного бюллетеня омского отдела СВР, представители последних, «явившись к Вологодскому, заявили, что если, не будет принят на пост министра полиции Роговский, то Авксентьев и Зензинов выйдут из Директории, а в этом случае чехословаки покинут фронт»². В результате при формировании Совета министров в целом победили «правые». Но обе стороны пошли на взаимные уступки. Так Михайлов вошёл в состав Совета министров не как министр внутренних дел, а как министр финансов. А Роговский получил назначение на пост «Главнoуправляющего ведомством Государственной охраны», то есть фактически товарищем министра внутренних дел. Это также устроило и чехословаков, которые стремились к тому, «чтобы между обеими группами был заключен деловой компромисс и образован комитет с преобладанием умеренного течения русской общественности»³. Но в тоже время следует отметить, что симпатии ЧНС были на стороне эсеров. И лишь только зависимость от Антанты, вынуждала смягчить их позицию по этому вопросу.

¹ Ноффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – М., 1983. – С.102.

² <http://www.zaimka.ru>. Шиловский М.В. Временное всероссийское правительство (Директория) 23 сентября— 18 ноября 1918 г. ГАРФ. Ф.193. Оп.1. Д.12. Л.10.

³ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибирь. – М.-Пг., 1923. – С.66.

7 ноября Временное всероссийское правительство в последний раз собралось в полном составе. 8-го Н.Д. Авксентьев с А.А. Аргуновым выехали в Томск уговаривать Сибирскую областную Думу самораспуститься. После их возвращения, 15 ноября В.Г. Болдырев отправился на фронт, и события 18 ноября застали его в Уфе. А тем временем правобуржуазные круги берут курс на установление военной диктатуры.

Прежде всего ставку на военную диктатуру сделали интервенты, имевшие возможность после капитуляции Германии усилить свое воздействие на антибольшевистские группировки. В Омске появляются английский и французский воинские контингенты. Данное обстоятельство привело к падению влияния на сибирские дела чехов, которые оказались отодвинутыми на второй план. Невмешательство чехословаков в происходящие события, можно также объяснить и тем, что чехословаки на тот момент, по мнению В.С. Драгомирецкого, были уже разочарованы в антибольшевистском движении, неспособном создать сильную и авторитетную власть¹. Практическую подготовку переворота возглавили, судя по письму А.Д. Сыромятникова И.А. Михайлову от 14 апреля 1919 г. И.А. Михайлов, В.Н. Пепеляев и офицер штаба Сибирской армии полковник А.Д. Сыромятников². В частности, они уговорили начальника гарнизона полковника В.И. Волкова арестовать эсеровских членов Директории. Последний согласился, выставив четыре условия: «1) заверения видных политических деятелей в сочувствии общественных групп предстоящему перевороту; 2) участие в перевороте его организаторов; 3) ручательство за союзников в том, что они не будут принимать контрмер при перевороте; 4) производство Волкова в генералы»³. Такие гарантии были даны В.Н. Пепеляевым и И.А. Михайловым. Однако подготовка шла столь быстро, что не все удалось учесть. Когда 18 ноября на заседании Совета министров

¹ Драгомирецкий В.С. Чехословакии в России: 1914–1920. – С.78–79.

² <http://www.zaimgka.ru>. Шиловский М.В. Временное всероссийское правительство (Директория) 23 сентября — 18 ноября 1918 г.

³ <http://www.zaimgka.ru>. Шиловский М.В. Временное всероссийское правительство (Директория) 23 сентября — 18 ноября 1918 г.

обсуждался вопрос о форме государственного устройства и остановились на А.В. Колчаке, как кандидате на пост «верховного правителя», выяснилось, что из министров никто близко адмирала не знает и давать ему развернутую характеристику некому¹.

В ночь на 18 ноября сводным отрядом войсковых старшин И.Н. Красильникова и А.В. Катанаева по приказу В.И. Волкова были арестованы Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, Е.Ф. Роговский на квартире последнего, А.А. Аргунов в гостинице «Россия». Удар наносится по эсеровской части Директории, поскольку В.А. Виноградов и П.В. Вологодский арестованы не были. На состоявшемся 18 ноября заседании Совета министров, В.А. Виноградов заявил о выходе из Директории и тогда принимается решение о передаче верховной власти А.В. Колчаку. «Если бы он [Совет министров – Авт.], - утверждает И.И. Серебренников,- принял какое-то иное решение, он был бы немедленно разогнан теми силами, которые в ночь на 18 ноября совершили переворот»². Характерно, что в начале заседание не клеилось «и могло все лопнуть. Михайлов попросил перерыв и подготовил за него министров. Все пошло гладко»³. «Любопытно,- замечает Г.К. Гинс, - что из состава Совета Министров против диктатуры возражал только Шумиловский. Все министры, ставленники Директории, оказались сторонниками единовластия»⁴.

Пожалуй, самую объективную характеристику произошедшему по горячим следам дали арестованные Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, Е.Ф. Роговский, А.А. Аргунов, которые в своем заявлении констатировали: «Переворот совершен не населением, которое молчало, а кучкой людей, давно жестко спаянной, договорившейся между собой...».

Дальнейшая судьба Директоров всецело находилась в руках нового правительства, которому они были вынуждены подчиниться. Вскоре

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – Пекин, 1921. – Т.1 – Ч.1. – С.300.

² Ноффе Г.З. Указ. соч. – С.115–117.

³ Дневник В.Н.Пепеляева // Красные зори. – Иркутск, 1923. – № 4. – С.88.

⁴ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.2. – С.23.

Директора дали обязательство не вести борьбу против новой власти. Колчак и его министры считали, что оптимальным вариантом была бы отправка бывших Директоров за границу. Сами же они выразили желание отправиться в Париж. Им были выданы заграничные паспорта и значительная сумма денег¹. В Европу они добирались через Китай, куда прибыли на поезде под охраной английских войск². В Париже Авксентьев и Зензинов вели активную деятельность в различных эмигрантских изданиях. Они оставались сторонниками концепции «третьей силы», выступая против решения девятого Совета ПСР отказаться от вооружённой борьбы с большевиками. В.Г. Болдырев пожелал выехать в Японию. Он занимал военные посты в Дальневосточной республике (ДВР). После её ликвидации заявил о своей лояльности советской власти.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что создание и деятельность Временного всероссийского правительства (Директории) явилось попыткой практической реализации эсеровской «коалиции всех главных сил» страны (по признанию Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, Е.Ф. Роговского, А.А. Аргунова). Все случившееся затем происходило не по их сценарию, а в силу стечения целого ряда факторов. Главное заключалось в том, что к середине 1918 г. в условиях начавшейся Гражданской войны исчерпала себя идея коалиции, а противоборствующие стороны сделали ставку на установление диктатуры.

Выводы по первой главе

С началом Первой мировой войны активизировалось национально-освободительное движение среди чехов и словаков. Фактически сразу же на территории России начали формироваться вооружённые подразделения из чехословаков, подданных Российской империи, а затем благодаря усилиям политических лидеров чехословацких обществ в России и ЧНС наладилась работа по набору добровольцев в чехословацкие части из числа военнопленных австро-венгерской армии. Это позволило сначала создать

¹ Допрос Колчака. – С.237-239.

² Уорд Д. Указ. соч. – С.87-88.

полк, а затем к маю 1916 г.- чехословацкую бригаду. Разрешение на формирование Чехословацкого корпуса, как отдельного чехословацкого соединения в составе русской армии было получено только в сентябре 1917 г. Статус корпуса позволял применять его только против внешних врагов России: Австро-Венгрии и Германии. К началу декабря 1917 г. формирование Чехословацкого корпуса в России было завершено. Он состоял из двух дивизий, запасной бригады, подразделений артиллерии. Численность корпуса составляла свыше 50 тыс. человек.

После революционных октябрьских событий в России и начала активной политики Советского правительства по выводу России из войны Чехословацкий корпус в январе 1918 г. получил статус Чехословацкого легиона в составе французской армии.

С конца 1917 г. хорошо организованный и боеспособный Чехословацкий корпус оказался в центре внимания, как советского правительства, так и антибольшевистских сил. По замыслу большевиков корпус должен был стать революционной армией. Но это не входило в планы чехословацкого командования, которое, в то же время, не поддержало и предложения белых генералов и эсеров выступить против большевиков. В сложившейся непростой ситуации командование Чехословацкого корпуса, являющегося частью союзнических войск, пыталось соблюдать нейтралитет в отношении событий, происходящих в России. В феврале – марте чехословацкие части на основе договорённостей с командованием армии Южной России и Советским правительством стали покидать линию фронта и выдвигаться через всю Россию во Владивосток для дальнейшей переброски на Западный фронт.

Но быстрому движению чехословацких частей помешал ряд трудностей: согласование с Советским правительством норм перевозки оружия; недостаточное количество подвижного состава, необходимого для переброски; урегулирование отношений с представителями большевиков, проводивших агитацию среди чехословацких легионеров в целях вовлечения

их в ряды своей революционной армии; стремление антибольшевистских сил использовать Чехословацкий корпус для борьбы с советской властью.

Существовавшая в советской историографии точка зрения на вооружённое выступление Чехословацкого корпуса в России в мае 1918 г., положившее начало Гражданской войне в России, как результат чётко организованного и разработанного странами Антанты плана представляется необоснованной и не отражающей всей сложности и многогранности проблемы.

Непосредственные же причины вооружённого выступления Чехословацкого корпуса кроются в комплексе политических и военных замыслов и действий как сил, непосредственно втянутых в конфликт, - чехословаков и советской власти, так и внешних сил в лице стран Антанты и Германии.

Собственно причинами вооружённого выступления чехословацких войск являлась неразрешённость спорных вопросов: о наличии оружия у чехословацкого легиона, об изменении направления движения эшелонов с чехословацкими частями. На трагическое развитие событий оказали влияние несогласованность действий центральной и местной власти по вопросам взаимоотношений с чехословацким командованием. Политическая зависимость России от условий мирного договора с Германией и обязательства командования Чехословацкого корпуса перед странами Антанты соответственно накладывали свой отпечаток на принятие решения о начале военных действий.

Выступление Чехословацкого корпуса против советской власти явилось этапным событием Гражданской войны. Оно вывело её на новый уровень: от локальных столкновений небольших вооружённых отрядов стороны перешли к широкомасштабным военным действиям с участием крупных войсковых группировок. Обширные районы Поволжья, Урала, Сибири в короткий срок превратились в театр военных действий.

Результатом вооружённого выступления Чехословацкого корпуса в

Поволжье, на Урале и в Сибири явилось свержение советской власти на местах и установление буржуазно-демократических правительств. Поддержка со стороны контрреволюционных сил и стран Антанты способствовали изменению направления движения корпуса с востока на запад – в центральные регионы России.

После полного разрыва взаимоотношений с большевистской властью руководство ЧНС и командование корпусом не смогли установить прочных и длительных отношений ни с одной из политических сил, боровшихся за власть, и вынуждены были постоянно лавировать, искать и менять союзников.

Начиная с мая 1918 г., прочный союз чехословаки заключили с правыми эсерами, игравшими наиболее существенную роль в формировании небольшевистских правительств на территории России, которая находилась вне юрисдикции советской власти. Начавшаяся борьба чехословаков с советской властью позволила выйти из подполья и сформироваться регулярным вооружённым силам различных небольшевистских сил. На освобождённых от советской власти территориях было создано несколько правительств, претендовавших на верховную власть в России. Командование Чехословацким корпусом, осознавая, что политическая борьба за лидерство подрывало силы небольшевистского лагеря, активно способствовало объединению и примирению региональных правительств Поволжья, Урала и Сибири. Результатом такого участия стало создание Временного всероссийского правительства. Но, убедившись в том, что ВВП утратило авторитет во всех слоях русского общества, из-за неспособности решить первоочередные задачи, чехословаки отказываются его поддерживать, тем самым косвенно помогая приходу к власти правительства А.В. Колчака.

ГЛАВА II. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА А.В. КОЛЧАКА И ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА (НОЯБРЬ 1918 – ФЕВРАЛЬ 1920 гг.)

2.1. Реакция Чехословацкого корпуса на приход к власти правительства А.В. Колчака

«Ввиду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках Совет министров постановил: передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя» – так сообщили 19 ноября омские газеты о решении ВСП¹. Фактически это означало ликвидацию прежнего Временного всероссийского правительства и установление военной диктатуры.

Главной своей целью адмирал объявил «создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеалы свободы, ныне провозглашённые по всему миру»².

Член Директории генерал В.Г. Болдырев, в чьих руках была армия, отказался принять участие в перевороте, произошедшем за его спиной. В своих воспоминаниях он так оценивает сложившуюся после переворота ситуацию: «Иллюзий больше не оставалось. Война или уход от власти». Тем не менее, А.А. Аргунов был уверен, что В.Г. Болдырев вполне мог стать победителем, так как за ним пошла бы Народная армия и чехословаки³. Против Колчака попытался выступить Совет Управляющих Ведомствами

¹ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сб. документов. – Париж, 1919. – С.10.

² Цит. по: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. – С.80; См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – Т.1. – Ч.1. – С.316.

³ См.: Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. – С.40.

(СУВ). Совет обратился к В.Г. Болдыреву с предложением действовать совместно, не признавать совершившегося переворота и остаться Верховным главнокомандующим всеми войсками, находящимися к западу от Челябинска. Совет гарантировал В.Г. Болдыреву поддержку Народной армии и чехов, предоставив А.В. Колчаку права осуществлять свою диктатуру в пределах Сибири. Но предложение вернуться к временам Комуча Болдырева не устроило.

Реакция на свержение Директории и установление колчаковской диктатуры в антибольшевистском лагере была неоднозначной. Поздравления Колчаку направили политические группировки, входящие в Омский блок, казаки, военные¹. Вполне благожелательно отнеслись к перевороту и иностранные державы. Сразу же охладило воинственный пыл противников Колчака известие о том, что за спиной адмирала стоят англичане². Англичане даже предоставили в распоряжение А.В. Колчака свои войска в Омске и сделали все возможное для того, чтобы нейтрализовать действия чехословаков.

Лидеры эсеров после переворота, вплоть до ликвидации колчаковцами Съезда членов Учредительного собрания и Совета Управляющих Ведомствами поддерживали постоянный контакт с ЧНС, рассчитывая на его поддержку. Так, 21 ноября 1918 г., СУВ в телеграмме запрашивал Чехословацкий Национальный Совет: «Считает ли Национальный Совет возможным и нужным, чтобы чехословацкие войска приняли активное участие в вооружённом выступлении для подавления мятежа Колчака-Вологодского...»³.

Нет никакого сомнения в том, что ЧНС никак не устраивала внутренние противоречивая коалиционная Директория, созданная на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. и неспособная наладить стабильную работу тыла. Но переворот был совершён без предварительного

¹ ГАРФ.Ф.176.Оп.4.Д.124-127.

² См.: Уорд Д. Союзная интервенция в Сибирь. – С.92.

³ Цит. по: Казанчиев А.Д. Указ. соч. – С.190.

согласования с филиалом Национального Совета и командованием корпуса и означал, что развитие событий в России уже не контролировалось чехословаками¹. Руководители чехов не могли не понимать, что к власти прорвались представители тех великодержавно-монархических кругов русской контрреволюции, с которыми у них были серьёзные разногласия, но к которым тяготела фрондирующая группировка Р. Гайды. Политическое руководство и командование корпусом также осознавало, и это особенно сильно беспокоило, что колчаковский переворот усилит брожение солдат, и без того почти выходящих из повиновения. Необходимо учитывать эти весьма противоречивые обстоятельства при объяснении дальнейших действий чехословаков.

21 ноября 1918 г. ЧНС направил телеграмму, подписанную доктором Я. Потейдлем и доктором Р. Свободой, своим уполномоченным в крупные города, в которой осуждал переворот и заявлял, что «чехословацкая армия, борющаяся за идеалы свободы и народоправства, не может и не будет ни содействовать, ни сочувствовать насильственным переворотам, идущим вразрез этим принципам. Переворот в Омске от 18 ноября нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства, в том числе и Российского». Но при этом следует отметить, что никаких обещаний о готовности оказать силовое воздействие на Омск ЧНС не дал².

Эсеры попытались организовать сопротивление перевороту, в том числе и вооружённое. С этой целью они начали вести пропаганду в войсках. Особенно они надеялись на Самарскую группу войск и чехословаков. Однако их надежды не оправдались. Главнокомандующий союзными и русскими войсками Западного фронта чехословацкий генерал Я. Сыровы запретил всякую «пропаганду», «политические распоряжения» и «воззвания внутреннего характера», могущие повлиять на стойкость и сплочённость войск в выполнении боевой деятельности на фронте. Командующий

¹ См.: Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. – Л., 1925. – С.188.

² ГАРФ. Ф.200.Оп.1.Д.152.Л.50; См.: Голос рабочего. Екатеринбург, 1918. 23 ноября; Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.2. – Ч.2. – С.7.

Самарской группой генерал-майор С.Н. Войцеховский, на основании этих распоряжений издал приказ, запрещающий распространение политических воззваний к частям войск и населению, и объявил о вводе предварительной цензуры¹. В дальнейшем он отверг требования СУВ о передаче воинских частей в распоряжение Совета. С.Н. Войцеховский заявил членам Совета, что «в настоящее время верховное управление на территории Учредительного собрания должно осуществляться им, командующим армией, Совет Управляющих Ведомствами должен лишь содействовать ему в делах управления». Когда совет распорядился не давать прямого провода для переговоров А.В. Колчака и А.И. Дутова, генерал Я. Сыровы отменил это распоряжение. Также Я. Сыровы распорядился конфисковать тираж уфимской газеты «Народ», где содержались призывы к сопротивлению перевороту².

Подобный приказ отдал и генерал Р. Гайда, командующий Екатеринбургским фронтом. Он не одобрил поступка членов ЧНС и утверждал, что их поспешным заявлением воспользовались приближённые адмирала А.В. Колчака и сразу удалили от него чехословаков, которые могли уберечь генерала от многих ошибок³.

На наш взгляд, такую выжидательную позицию ЧНС (когда на словах они осудили переворот Колчака, а на деле ничего против него не предприняли), можно объяснить следующими причинами. Во-первых, далеко не все чехословаки сочувствовали эсерам. Так, В.С. Драгомирецкий писал, что «среди чехословацких войск переворот вызвал разномыслие. Одни, не ожидавшие от Директории никаких действенных мер по улучшению ситуации, заняли выжидательную позицию, другие же сразу увидели в нём зло и отнеслись отрицательно»⁴. Во-вторых, необходимо учитывать и то обстоятельство, что чехословаки, зависящие от стран Антанты, не могли выступить против Колчака, который, по сути, являлся ставленником

¹ См.: Новости жизни. 1918. 13 декабря. Харбин.

² См.: Казанцев А.Д. Указ. соч. – С.188.

³ См.: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. – С.87.

⁴ Цит. по: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. – С.85-86.

западных держав¹. В.М. Чернов в своих воспоминаниях также указывал на этот факт, утверждая, что чехословаки «сохраняли мертвое подчинение лишь потому, что свыше им было сказано «от вашего послушания здесь зависит судьба нарождающейся свободной независимой Чехословакии»².

В дальнейшем чехословацкое командование все же попыталось проводить независимую от колчаковского правительства политику. Так оно не согласилось с арестом участников Съезда членов Учредительного собрания (УС). После того, как в Екатеринбурге в ночь на 19 ноября 1918 г. состоялось совещание Бюро Съезда членов Учредительного собрания и Центрального комитета ПСР, на котором было принято постановление о переходе власти к Съезду членов УС в лице особого его органа (Исполнительного комитета), А.В. Колчак приказал арестовать его участников³. Руководство арестом было поручено командующему Екатеринбургской группировкой генералу Р. Гайде, осуществили его русские части⁴. Но арестованные не были отправлены в Омск, как приказывал А.В. Колчак, а освобождены по требованию ЧНС и взяты им под своеобразную охрану⁵. Как писал один из членов, «нас не выпускали, к нам не впускали. Фактически мы были под чешским арестом. Внутри были чехи, снаружи – ряд цепей сибиряков»⁶.

На следующий день от имени Р. Гайды было объявлено, что Екатеринбург находится в зоне прифронтовой полосы и ради безопасности депутатов Съезд должен избрать другое пребывание. Члены Съезда Учредительного собрания стали добиваться встречи с членами ЧНС и

¹ См.: Казанцев А.Д. Указ. соч. – С.190.

² Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1953. – С.384.

³ В состав Исполнительного Комитета входило 7 человек: В.М. Чернов, В.К. Вольский, Н.В. Алкин, И.М. Брушвинт, Н.П. Иванов, Ф.Ф. Федорович, Н.В. Фомин. (ГАРФ. Ф.147.Оп.10.Д.8.Л.94; См.: История Белой Сибири. – Кемерово, 1995. – С.172). Этот «Комитет сопротивления» был создан для «ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков». (См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. – Пекин, 1921. – Т.2. – Ч.2. – С.94-95; Плотнокова М.Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1967. – Вып.3. – С.168-181).

⁴ См.: Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. – Л., 1925. – С.249.

⁵ См.: Святницкий Н.К. К истории Всероссийского Учредительного Собрания. – С.110.

⁶ Цит. по: Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917-начале 1920 гг. – Новосибирск, 1999. – С.58; См.: Чернов В.М. Перед бурей. – С.392-394.

требовать отправки всех депутатов в Уфу, что в конечном итоге им было позволено. Подавляющее большинство членов Съезда в количестве 50 человек прибыли в Уфу 25 ноября¹.

В конце ноября 1918 г. Уфа стала своеобразным политическим центром: здесь собралось большинство членов Центрального комитета (ЦК) ПСР, сюда же прибыли члены Съезда Учредительного собрания. На объединённом заседании ЦК ПСР, Бюро Съезда членов Учредительного собрания, Исполнительного комитета и СУВ в первую очередь решили предъявить ультиматум ЧНС: «Или полный наш разрыв с ними, причём объявление их предателями демократии, или обязательства по ликвидации Колчака»². Для предъявления ультиматума в Челябинск 30 ноября была послана делегация в составе М.И. Брушвита, М.А. Веденяпина и Л.Я. Герштейна.

Одновременно Съезд членов Учредительного собрания обратился к представителям Антанты и ЧНС в России, выразив надежду на то, что «все союзники, энергично поддержат русскую демократию дипломатическим путём, а также вооружённой силой»³.

Но в итоге эсеры не получили поддержки ни у одной из сторон. 30 ноября 1918 г. адмирал А.В. Колчак потребовал от членов бывшего Комуча, чтобы они прекратили подстрекать народ к мятежу в тылах белой армии и не создавали помех армейским коммуникациям⁴.

В этот же день появился официальный приказ об аресте членов Учредительного собрания. Единственное, в чём чехословацкое командование оказало содействие эсерам, так в это том, что посоветовало членам УС во избежание арестов покинуть Уфу⁵. Но было уже поздно. Вскоре были

¹ Народ. Уфа, 1918. 30 ноября.

² Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 - начале 1920 г. – С.59.

³ ГАРФ.Ф.200.Оп.3.Д.33.Л.6.

⁴ См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. – С.54.

⁵ 3 декабря 1918 г. генерал С.Н. Войцеховский пригласил к себе В.К. Вольского и заявил, что «отныне он не может ручаться за безопасность Съезда», и, так как Уфа входит в полосу фронта, он «советует Съезду уехать в другое место». Это заявление было сделано в 5 часов вечера, а в 10 часов по городу начались обыски и аресты. (См.: Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917-начале 1920 гг. – С.59.)

арестованы ряд депутатов Учредительного собрания, некоторые члены ЦК партии эсеров, Совета Управляющих Ведомствами, активисты местных партийных организаций эсеров¹. Часть учредителов оказалась в колчаковских тюрьмах, другие вовремя скрылись и перешли на нелегальное положение, некоторые пересекли линию фронта и оказались на советской территории².

Как показали дальнейшие события, эсеры не оставляли надежду привлечь на свою сторону своих прежних союзников – командование и личный состав Чехословацкого корпуса, официально не признавших новоявленной власти в лице правительства А.В. Колчака, не проявлявших активности в боевых действиях с момента ноябрьского переворота. В одной из листовок, обращенной непосредственно к legionерам, прямо звучал призыв на борьбу с Колчаком: «Мы зовём вас, если вы не останетесь здесь к моменту общего восстания против Колчака, подняться вместе с нами на борьбу с ненавистным народу правительством». Такая совместная борьба против Колчака, по мнению членов сибирского союза социалистов-революционеров, дала бы возможность примирения русской демократии с братским чешским народом. «Если же вы устали, если у вас нет сил на дальнейшую борьбу, то не мешайте хотя бы нам восстановить поруганную свободу! Тогда идите домой, на Родину! Там, может быть, вы поймёте, сколько мук, сколько боли и сколько ненужного зла вы причинили измученному русскому народу за период власти Колчака! Время идёт. Пропать растёт! Не делайте же её бесконечно глубокой»³.

В конечном итоге подобная тактика склонения чехословацких legionеров на свою сторону оказалась верной и принесла свои плоды.

Таким образом, необходимо отметить, что значительная часть Чехословацкого корпуса негативно восприняла случившийся в Омске переворот и последовавший за ним приход к власти правительства А.В.

¹ ГАРФ. Ф.147.Оп.10.Д.8.Л.94.

² См.: Чернов В.М. Указ. соч. – С.395.

³ Цит. по: Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917-начале 1920 гг. – С.88.

Колчака. Тем не менее, чехословаки вынуждены были сохранять лояльность по отношению к новому правительству, так как подчинялись командованию западных держав, поддерживавших адмирала А.В. Колчака. Но сгладить все противоречия во взаимоотношениях и наладить полноценное сотрудничество двум сторонам так и не удалось. И как покажут дальнейшие события, конфликт между ними будет всё больше усиливаться.

2.2. Проблемы взаимоотношений правительства адмирала А.В. Колчака и Чехословацкого корпуса (ноябрь 1918 – февраль 1920 гг.)

К концу ноября 1918 г. настроение рядового состава чехословацкой армии было уже на стадии полной деморализации. Обещанная союзниками помощь выражалась только в материальной поддержке и присылке незначительных воинских контингентов, находившихся глубоко в тылу. Но более серьёзным фактором, отрицательно повлиявшим на боевой дух легионеров, стало сообщение о подписании перемирия и прекращения военных действий в Европе и провозглашении независимости Чехословацкой Республики. В результате чего все основные аргументы чехословацкого командования для удержания корпуса в России были исчерпаны. Что в свою очередь привело к усилению брожения среди солдатской массы. Следствием этого стали всё учащавшиеся случаи неповиновения чешских частей, вплоть до отказа отдельных подразделений отправляться на фронт. Так воспротивились отправке в окопы солдаты 7-го полка на станции Унь, 5 и 8-го полков в Кунгуре¹.

Описывая сложившуюся на фронте обстановку, генерал Я. Сыровы писал в дописании военному министру Чехословацкой Республики М.Р. Штефанику, что «физические, а главное моральные силы солдат полностью исчерпаны», они уже не верят в приход союзников, обвиняют политическое и военное руководство, доверие к которому подорвано. С фронта из-за отказа

¹ См.: Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. – 1970. – № 5. – С.146; Repka J. II sjezd československého vojsko na Rusi. – Praha, 1928. – S.30.

воевать отозваны 4 и 9 полки и в ближайшее время будут отведены в тыл 1 и 2-й. Солдаты так устали, обессилены, упали духом, что «дисциплина полностью пала и парии поддаются дезорганизующим и провокационным воздействиям». Генерал Р. Гайда вынужден был снять все чехословацкие части с передовых позиций и приостановить наступление на Кунгур-Пермь. В конце донесения Я. Сыровы привёл ряд мероприятий, которые должны были улучшить ситуацию в чехословацких частях. «Отвод всех частей в тыл, - писал он, - укрепление там дисциплины и организации. Обнаружение и устранение провокаторов и злостных агитаторов – это единственное средство, которое предохранит наши войска от полного разложения»¹. Но предпринятые репрессивные методы в отношении дезертиров и провокаторов желаемых результатов не давали².

С крахом режимов «демократической контрреволюции» чехословакам пришлось налаживать сотрудничество с новой властью. Выбора у них не было, поскольку к этому их принуждало союзническое командование, от которого корпус в полной мере зависел.

Верховное командование Антанты, как свидетельствует в своих записках генерал М. Жанен, назначенный на должность командующего союзническими войсками в Сибири, поставило перед ним задачу – обеспечить в полной мере усиление и расширение интервенции с востока³. В свою очередь, ЧНС в Париже предоставил М. Жанену полную свободу действий для того, чтобы чехословацкая армия, как говорилось в специальном документе, вручённом Жанену Э. Бенешем в августе 1918 г., «была использована как можно лучше в интересах союзников»⁴. Задача генерала М.Р. Штефанника, военного министра чехословацкого правительства, состояла прежде всего в том, чтобы организационно и

¹ Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. – Praha. – S. 131-132.

² Полевыми судами корпуса с 15 июля 1918 г. по 15 января 1919 г. было рассмотрено 1182 дела, из которых 351 закончилось осуждением виновных, 480 приостановлено (главным образом из-за бегства обвиняемых). Основные обвинения – дезертирство, отказ выполнить приказ, халатность по службе и шпионаж в пользу противника. (См.: Ческословенски денник. 1919.21 февраля).

³ Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. – S.102.

⁴ Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. – S.101.

политически обеспечить претворение в жизнь этого плана.

М. Жанен и М.Р. Штефаник прибыли во Владивосток 18 ноября 1918 г. – в день колчаковского переворота. Военный министр Чехословакии сразу же принялся активно проводить работу по укреплению дисциплины в корпусе. Основным доводом для убеждения солдат к ведению боевых действий М.Р. Штефаник считал служение целям союзников, которые должны будут обеспечить независимость и поддержку молодой республике¹. Одновременно административным путём он проводил в жизнь свой план реорганизации военного и политического руководства чехословацкими войсками в России. Своим приказом он ликвидировал филиал ЧНС в России, ссылаясь на то, что нужда в нём отпала, так как теперь существует правительство и Национальное собрание. Были назначены члены нового верховного органа – Специальной коллегии для России. Во главе её был поставлен уполномоченный чехословацкого правительства Б. Павлу, его заместителем стал командующий чехословацкими войсками в Сибири генерал Я. Сыровы, а членами – подполковник Р. Медек (начальник военного управления) и В. Сухи (начальник высшего контроля).

Таким образом, новое руководство Чехословацкой Республики продолжило курс своих предшественников на сотрудничество со странами, осуществлявшими интервенцию в Россию, что одновременно означало сохранение антибольшевистской направленности действий чехословацких войск в России. В то же время большевики попытались воспользоваться моментом и вывести чехословацкие войска из лагеря своих противников. Уже на третий день после провозглашения Чехословацкой Республики, 31 октября 1918 г., народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин обратился с радиогаммой к временному правительству Чехословакии. «Советское правительство, несмотря на успех своего оружия, - говорилось в ней, - ни к чему так горячо не стремится, как к окончанию бесполезного и прискорбного для него пролития крови и заявляет... что оно готово

¹ Kratochvíl J. Cesta revoluce. – Praha, 1922. – S.227.

предоставить чехословакам полную возможность, после того как они сложат оружие, проследовать через Россию для того, чтобы возвратиться в свою родную страну, с полной гарантией их безопасности»¹.

Председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкий 3 ноября издал приказ, в котором говорилось что «в числе сражающихся против нас контрреволюционных войск имеются чехословацкие части... В настоящее время независимость Богемии провозглашена... Через Народного комиссара по иностранным делам я возбудил вопросы о том, чтобы обеспечить всем чехам, которые того пожелают, возможность возвратиться на Родину, переживающую народный подъём... Советская власть, несмотря на успех нашего оружия на Волге и на Урале, ни к чему так горячо не стремится, как к окончанию кровопролития и потому готово предоставить чехословакам без оружия при полной гарантии их безопасности проследовать через Россию на свою Родину...». Также Троцкий строжайше приказал виновных в расстреле пленных чехословаков привлекать к самой суровой ответственности. «Настал момент, - заявлял он, - когда обманутые и преданные английскими, французскими и русскими империалистами чехословаки должны понять, что их спасение в союзе с российской советской властью, которая одна только может облегчить им возвращение на их Родину»².

Вслед за этим приказом нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин известил чешское правительство о предложениях Советского правительства в отношении чехословацких частей в случае их выхода из противостояния с Красной Армией. Всех поступающих с восточного фронта чехословаков предполагалось содержать как военнопленных бывшей австро-венгерской армии в лагере в Твери, до «выяснения возможной отправки их на родину согласно обращению к чехословакам Совета Народных Комиссаров»³.

Во второй половине января 1919 г. генерал М.Р. Штефаник пришёл к выводу о том, что держать части на фронте и заставлять сражаться впредь не

¹ См.: Внешняя политика СССР 1917–1944 гг. – Т.1. – С.150-151; Известия ВЦИК. 1918. 1 ноября.

² ГАРФ.Ф.130.Оп.2.Д.589.Л.21.

³ Цит.по: Недбайло Б.Н. Указ. соч. – С.148.

представляется возможным. По соглашению с А.В. Колчаком и союзниками он приказал стянуть все чехословацкие части в тыл и готовить их к отправке в Чехословакию. М.Р. Штефаник согласился с просьбой А.В. Колчака, чтобы до момента окончательной отправки домой чехословаки взяли на себя обязательства по охране железных дорог в Сибири и тыла колчаковской армии. Уход чехословацких частей с фронта не означал прекращение для них боевых действий. Многочисленные партизанские отряды, действовавшие главным образом вдоль железной дороги, вынуждали чехословаков по-прежнему вести боевые действия, прибегая к крайним мерам, которые восстанавливали местное население против легионеров.

К примеру, начальник охраны железнодорожного участка Новониколаевск – Ачинск, командующий 2-й дивизией полковник Р. Крейчи в своём приказе обязал должностных лиц волостного и сельского управления составлять списки заложников по числу деревень и сёл в данной волости и содержать этих заложников под стражей. «В случае крушения поездов и нападения на служащих и караулы – подлежат выдаче карательному отряду и если в течение трёх дней не будут выяснены и выданы виновники, то в первый раз заложники расстреливаются через одного, дома лиц, ушедших с бандами, невзирая на оставшиеся семьи, сжигаются, а во второй раз, число подлежащих расстрелу заложников увеличивается в несколько раз, подозрительные деревни сжигаются целиком»¹.

Но, несмотря на жесткость наказания за проведение диверсий на железной дороге, в течение только апреля 1919 г. партизанами было подготовлено и совершено 10 крупных железнодорожных катастроф, не говоря о бесчисленных нападениях на поезда и станции и о разрушении путей. Часто партизаны присылали противнику следующие заявления: «Если будете с нами, мы вам поможем вернуться на родину, если будете против нас, все погибнете в негостеприимной Сибири»².

С весны 1919 г. Чехословацкий корпус оказался фактически скованным

¹ ГАРФ, Ф.200.Оп.1.Д.366.Л.45.

² См.: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. – С.94.

на железнодорожной магистрали между Новониколаевском и Иркутском. Чехословацкие солдаты, только недавно вырвавшиеся из окопов, очутились в огне партизанской войны и были вынуждены исполнять роль карателей, что ускорило процесс радикализации настроений, углубляло внутривойсковой кризис в корпусе.

Правительство Чехословацкой Республики и командование корпуса попытались хотя бы затормозить происходившие негативные процессы, прибегая к мерам материального поощрения. «На оплату ранее произведённых заготовок и на уплату содержания воинских частей» было израсходовано 5 млн. руб., отпущенных колчаковским Советом министров 27 ноября 1918 г.¹ Позднее, в конце марта 1919 г., доверенный по делам Чехословацкой Республики для России Б. Павлу обратился с письмом в Министерство иностранных дел Российского правительства с просьбой «позаботиться о правах тех граждан Чехословацкой Республики, которые, будучи уволенными из рядов нашего войска, пожелают поселиться в России... и предоставить им право приобретать недвижимое имущество в областях: Актюбинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской, Амурской и Приморской. Таким образом, это право в виде справедливого возмездия предоставляется потомственно бывшим солдатам тех частей чехословацкой армии, которые принимали участие в боях на русской территории за интересы России»². В июне этого же года Совет министров удовлетворил данную просьбу, приняв постановление «О предоставлении гражданам Чехословацкой Республики права на покупку недвижимой собственности»³.

Но данные меры не могли уже существенным образом повлиять на настроение основной массы легионеров. Не давали заметных результатов и репрессии в отношении недовольных. И колчаковская, и чехословацкая контрразведки утверждали, что наиболее ненадёжными были насильно

¹ ГАРФ. Ф.200.Оп.1.Д.152.Л.55.

² Там же. Д.153.Л.113.

³ Там же. Д.178.Л.53.

мобилизованные в корпус чехословацкие солдаты¹.

Союзное командование, руководство корпуса и колчаковское правительство беспокоили начавшаяся демократизация чешского войска и проникающие в солдатскую среду пессимистические настроения ввиду неясности его дальнейшей судьбы. Обещанная руководством эвакуация откладывалась на неопределённый срок. 18 июня 1919 г. управляющий Министерством иностранных дел И.И. Сукин в своей секретной телеграмме представителю колчаковского правительства в Париже С.Д. Сазонову сообщал: «Чешские войска продолжают держать в неведении о дальнейших задачах и перспективах. Результатом такого положения вещей явилось восстание первой чешской дивизии, расположенной в районе Иркутска», которое началось 15 июня 1919 г.²

Следует отметить, что в это время дальнейшая судьба чехословацких войск в России активно обсуждалась в ходе переговоров между министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешом и английским военным министром У. Черчиллем, проходивших в июне 1919 г. в Париже. Итоги переговоров были изложены Бенешем в телеграмме Т. Масарику от 23 июня 1919 г. В ней отмечалось, что «союзники обязуются перевезти наши [чехословацкие – Авт.] войска в Чехию до Нового года, 20 тысяч через Владивосток, остальных – через порт А. в Северном Ледовитом океане»³. При этом оговаривалось, что 30 тысяч чехословаков из западной группы посылались в направлении на Пермь и Вятку. При этом их наступление должно было осуществляться не под антибольшевистским лозунгом, а под лозунгом возвращения в Чехию. Далее подчеркивалось, что, если чехословацкая сторона не примет это предложение, то эвакуация чешских солдат может продлиться полтора или даже два года⁴. Это решение держалось в строжайшем секрете, и чехословацкие солдаты в России о нём

¹ ГАРФ. Ф.147.Оп.8.Д.40.Л.79.

² ГАРФ. Ф.200.Оп.1.Д.315.Л.18; Д.366.Л.24.

³ Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика / Под ред. М.Туманова. – М., 1954. – С.66.

⁴ Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика. – С.67.

не знали. Легионеры находились в полном неведении своей дальнейшей судьбы, это самым пагубным образом сказывалось на их воинской дисциплине и моральном состоянии.

Тем не менее, усилиями командующего союзническими войсками французского генерала М. Жанена возникшую ситуацию удалось нормализовать. Объехав все чешские части и восстановив в них на время спокойствие, он окончательно убедился в том, что чехословаков уже никакими силами нельзя заставить идти на фронт и пробить себе дорогу к Архангельску, как это предлагали англичане и американцы¹. Более того, он пришёл к выводу о том, что оставлять чехословацкие части в Сибири ещё на одну зиму было равносильно потратить эти войска. Тем не менее, М. Жанен высказал предположение, что эвакуацию пока достаточно только начать, чтобы смягчить напряжённость среди легионеров и создать «уверенность в остающихся частях, что они скоро вернутся на Родину»².

В конце июля 1919 г. начальником мобилизационного штаба корпуса полковником И. Зацепко была дана телеграмма начальнику штаба иркутского округа с требованием об освобождении военнопленных, заявивших о желании стать гражданами Чехословацкой Республики, и передаче их представителям чехословацкого правительства. Исключение делалось лишь для военнопленных, находившихся на работах: они должны были передаваться по окончании этих работ³. Позже Б. Павлу в своей телеграмме управляющему Министерством иностранных дел Российского правительства от 28 ноября 1919 г., ссылаясь на пункты Версальского договора, по которому все военнопленные чехословаки стали подданными Чехословацкой Республики, предложил уже беспрепятственно передавать их по заявлению чехословацким консульским учреждениям⁴.

Снижение боеспособности корпуса стало уже очевидным. Но, несмотря на это, различные политические силы, участвовавшие в Гражданской войне,

¹ ГАРФ. Ф.200.Оп.5.Д.14.Л.24,33.

² ГАРФ. Ф.200.Оп.1.Д.366.Л.25-26.

³ Там же. Л.7.

⁴ Там же. Л.8.

сохраняли надежду на мобилизацию в своих интересах хотя бы части легионеров. С одной стороны колчаковское правительство попросило союзников, в первую очередь американцев, обладавших необходимым количеством морских судов, срочно приступить к эвакуации чехов. Министр иностранных дел Российского правительства И.И. Сукин просил представителя колчаковского правительства С.Д. Сазонова повлиять на скорейшее решение вопроса относительно чехословаков, указывая на необходимость скорейшей их замены другими иностранными войсками «ввиду действительной ненадёжности чехов»¹. С другой стороны, одновременно колчаковцы высказали предложение о «вызове из среды чешских войск добровольцев, которые пожелали бы отправиться на фронт и пробиться домой гораздо скорее, нежели путём морской перевозки». За это правительство согласилось предоставить всем добровольцам привилегии, равные тем, которыми пользовались «русские участники освободительного движения»². Против набора чешских добровольцев в ряды колчаковской армии категорически выступил М. Жанен, мотивируя тем, что уход «лучших элементов» приведёт к окончательному «разложению» корпуса³. Это в очередной раз стало причиной дальнейших трений между правительством Колчака и союзниками.

Адмирал А.В. Колчак, зная о моральном состоянии чехословацких солдат, несмотря на острую нехватку дополнительных частей, отказался от помощи чехов. 13 июля 1919 г. председатель Совета министров Франции Ж. Клемансо отправил телеграмму Верховному правителю А.В. Колчаку, в которой известил о решении конференции об отправке чехов на фронт. В ответной телеграмме А.В. Колчак «всецело разделил предположения Держав», но отказался, ссылаясь на возражения М. Жанена, об отправке неблагонадёжных войск на фронт и попросил начать «немедленное

¹ ГАРФ. Ф.200.Оп.1.Д.366.Л.38.

² Там же. Д.315.Л.30.

³ Там же. Л.31.

отправление чехов» из Сибири¹. В среде членов Российского правительства ещё не было принято окончательного решения по вопросу участия чехословаков в регулярной армии. В сентябре 1919 г. председатель подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера А.С. Белорусов сообщил по прямому проводу Управляющему Министерством иностранных дел Российского правительства, что на закрытом заседании Министерства должен быть рассмотрен вопрос о привлечении на фронт чешских войск. При этом предполагалось рассмотреть условия, на которых чехи могли бы согласиться «на эту новую помощь России»². Председатель Совета министров П.В. Вологодский заверил, что если чехословаки снова пожелают участвовать в боевых действиях на фронте, им будет гарантировано со стороны Российского правительства полное снабжение, предоставление всех тех преимуществ, которыми пользуются русские солдаты.

Понимая сложность создавшегося положения на фронте, где колчаковская армия несла большие потери и продолжала откатываться под мощными ударами РККА, и «затруднительность и длительность эвакуации чехословацких войск через восток», председатель Совета министров П.В. Вологодский 11 октября 1919 г. предлагал поверенному в делах Чехословацкой Республики «выяснить возможность общего военного сотрудничества для продвижения через запад разработки плана операций путём соглашения между чехословацким и русским командованием»³. Для достижения данной договорённости чехословацким добровольцам были обещаны «... все преимущества, которыми пользуются добровольцы русские», а также будут наделены земельными участками те из чехословаков, которые по завершении своих боевых трудов пожелали бы остаться в Сибири⁴. Однако ничего уже не могло существенно повлиять на решение правительства Чехословацкой Республики об эвакуации чехословацких

¹ ГАРФ. Ф.200.Оп.1.Д.315.Л.27.

² ГАРФ.Ф.200.Оп.1.Д.365.Л.37,38.

³ Там же. Л.63,68.

⁴ Там же. Л.68-69.

частей на родину, которая должна была начаться 18 октября 1919 г.¹ Это значительно ослабляло боевые силы русских войск. Не получив согласия иностранных государств об охране железной дороги, командование колчаковской армии вынуждено было снять с фронта две русские дивизии для несения охранной службы на железной дороге². Осенью 1919 г. военная инициатива на Восточном фронте уже окончательно принадлежала частям РККА. Начав в середине октября новые наступательные операции на Тоболе, 5 и 3-я армии к началу ноября вышли на подступы к Омску. 5 ноября из Омска выехал М. Жанен в сопровождении 6-го чехословацкого полка. 10 ноября правительство Колчака оставило город. 12 ноября покинул столицу и сам А.В. Колчак, с которым выехал и штаб вместе с золотым запасом. 14 ноября Омск был занят частями РККА. Крушение Колчаковского режима приобрело лавинообразный характер. В сложившейся политической ситуации чехословацкое командование приступило к поискам выхода. Стала вырисовываться тенденция переориентации на правозсеровские группировки и возможного сотрудничества с большевиками. Ещё в июле управляющий делами колчаковского правительства Г.К. Гинс утверждал, что чехословацкие руководители, с одной стороны, боятся активно выступить против большевиков, а с другой – опасаются, что в случае бездействия окажутся лицом к лицу с ними. Отсюда, по словам Г.К. Гинса «их колебание между преобразованиями власти и миром с большевиками...»³. Видимо, небезосновательными были опасения колчаковского генералитета, требовавшего разоружения Чехословацкого корпуса, этого «холодного нарыва», способного «дать когда-нибудь острое и опасное для нас воспаление»⁴. Именно это в скором времени и произошло.

12 ноября 1919 г. на тайном Всесибирском совещании земств и городов руководящими органами партий эсеров и меньшевиков Сибири был создан

¹ ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.366. Л.65.

² ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.366. Л.65.

³ ГАРФ. Ф.176. Оп.3. Д.14. Л.278.

⁴ См.: Бундберг А. Дневник белогвардейца. – М., 1929. – С.107; Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. – S.275.

Политический центр, в задачу которого входила подготовка восстания против Колчака. Под знамёна Политцентра стал и Сибирский союз социалистов-революционеров¹.

На следующий день, 13 ноября 1919 г., чехословаки опубликовали меморандум за подписью дипломатического представителя Чехословацкой республики в России В. Гирса и уполномоченного чехословацкого правительства в России Б. Павлу, который засвидетельствовал, что чехословацкое руководство начинает менять политический курс. Этот документ был обращен к союзным державам с просьбой дать совет по вопросам «собственной безопасности и свободного возвращения на Родину». Авторы меморандума заявляли, что «чехословацкая армия вынуждена против своего убеждения содействовать и поддерживать ... состояние полного произвола незаконности. Под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы позволяют себе ... выжигание деревень, убийства мирных граждан целыми сотнями, расстрелы без суда людей демократических... Мы сами не видим из этого другого выхода, кроме немедленного возвращения домой... и в том, чтобы до осуществления этого возвращения нам была предоставлена свобода к воспрепятствованию несправии и преступлениям, с какой бы стороны они не исходили»².

Оценив данный меморандум, как «политическое интриганство», Верховный правитель увидел в нём не что иное, «...как стремление получить санкцию на вмешательство вооружённой силой в русские внутренние дела...», и на это решил ответить «...вооружённой силой и борьбой, не останавливаясь ни перед чем...»³. Впоследствии он заметил, что не имеет ничего против «содружественной работы и сближения с чехами»⁴.

В специальной ноте от 29 ноября 1919 г. на имя колчаковского министра торговли и промышленности Н.С. Третьякова, боясь осложнения

¹ См.: Гусев В.К. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. – М., 1975. – С.311; Шишкин В.И. Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Изв. СО АН СССР. – 1984. – Вып. 3. – № 14. – С.8-14.

² ГАРФ.ф.200.Оп.1.Д.366.Л.77; РГВА. Ф.40169.Оп.1.Д.3.Л.3,Зоб; См.: Приложение 7.

³ ГАРФ.ф.200.Оп.1.Д.366.Л.78.

⁴ Там же. Л.80.

взаимоотношений с Российским правительством, В. Гирса утверждал, что «меморандум не правильно толкуется», так как в его тексте «имя Верховного правителя совершенно не упоминается и ни одним словом не критикуются действия правительства». В. Гирса заверял, что по-прежнему поддерживает Колчака. «Отношение к большевикам, заключил он, мы доказали на деле, кажется, довольно ясно и определённо, и борьбу с большевизмом продолжаем дальше...»¹. Колчаковцам пришлось поверить этому заявлению, поскольку другого выхода в ситуации, сложившейся не в их пользу, у них не было.

«Положение колчаковской армии, констатировал Б. Павлу 16 ноября 1919 г. в телеграмме Т.Г. Масарику и Э. Бенешу, - катастрофическое ..., мы убеждали Омск ввести парламентский режим, чтобы спасти положение, нам ответили: сейчас некогда. Однако этим колчаковское правительство предопределило своё падение. Мы предпринимаем меры, чтобы, падая, оно не увлекло и нас...»². Приведённым заявлением можно объяснить содержание ноябрьского меморандума, как политического шага, направленного на отмежевание от той политики, которая проводилась правительством А.В. Колчака.

Командование Чехословацкого корпуса в целях обеспечения себе спокойного будущего пошло дальше, и генерал Я. Сыровы издал инструкцию, в соответствии с которой предписывалось в случае «большевистского восстания применять оружие», но не препятствовать политическому перевороту, если он не имеет ничего общего с большевизмом. Таким образом, чехословаки стали на позицию неучастия в любых переворотах, кроме возглавляемых большевиками. Назвать это полным нейтралитетом нельзя. Более того, это было, по сути, сигналом к активизации вооружённого сопротивления существующему режиму со стороны буржуазно-демократических сил.

По мере того, как становилось очевидным крушение режима Колчака,

¹ ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.366. Л.82-83.

² См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... – С.343.

всё более радикализировалась позиция корпуса по отношению к происходящему. Отныне корпус руководствовался принципом: «Наши интересы – выше всех остальных». Через несколько дней после публикации меморандума последовал приказ приостановить всякую отправку эшелонов колчаковской армии и ни в коем случае не пропускать их восточнее ст. Тайга до тех пор, пока не проедут все чехословацкие части¹.

На железной дороге воцарилась полная анархия. Командиры чехословацких частей и начальники станций силой забирали локомотивы и вагоны у польской дивизии, которая совместно с сербскими частями по приказу М. Жанена была включена в арьергард союзнических войск. Польское командование, в свою очередь, силой оружия захватывало вагоны и паровозы у колчаковцев.

А.В. Колчак, крайне недовольный подобным развитием событий, жаловался командующему союзническими войсками в России М. Жанену на происходящее. Одновременно он приказал генералу Г.М. Семёнову, находящемуся в Забайкалье, не пропускать чехов через контролируемую ими территорию, в случае необходимости не останавливаться и перед взрывом мостов и тоннелей.

Накалившаяся до предела обстановка чуть было не привела к выяснению личных отношений между белогвардейскими офицерами и представителями чехословацкого командования. Так генерал В.О. Каппель, командующий колчаковскими войсками, по телеграфу вызвал Я. Сыровы на дуэль за оскорбление чести и престижа русской армии, а также за неслыханно-оскорбительное отношение чешских войск к верховной государственной власти в России. Атаман Г.М. Семёнов, в свою очередь, поддержал генерала Каппеля, выразив готовность заменить последнего у барьера, и предъявил ультиматум чехословакам, грозя обрушиться на них всеми силами, которыми атаман располагал. Я. Сыровы отклонил вызов под предлогом того, что у него есть более неотложные дела, чем дуэль с

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... – С.344.

находящимся в «состоянии явной невменяемости» колчаковским генералом¹. Командующий армией генерал К.В. Сахаров, ссылаясь на донесение начальника Томской железной дороги, в своём обращении 28 ноября 1919 г. к генералам Я. Сырову, М. Жанену и Г. Ноксу, указывал, что «вмешательство чешских войск опрокинуло все расчёты. Когда паровозы забирают принудительным порядком и угрозами, то планомерная работа невозможна... при таком отношении чешских войск к железнодорожному аппарату неминуема гибель нескольких сотен наших эвакуирующихся эшелонов, находящихся к западу от ст. Тайги»². Но пресечь дезорганизующие действия Чехословацкого корпуса командование армии А.В. Колчака было не в состоянии. Причиной тому явилась серьезная поддержка со стороны союзников, и, прежде всего США, которые были заинтересованы в выводе Чехословацкого корпуса.

Такая заинтересованность понятна. Это следует из письма Государственного секретаря США Р. Лансинга президенту В. Вильсону, где он выражает озабоченность тем, что правительство А.В. Колчака потерпело поражение и «большевистские армии приближаются к районам, где находятся наши солдаты»³. При этом союзники хотели использовать чехословацкие части в своих целях, ведь тормозя отступление колчаковской армии, чехословацкие эшелоны сдерживали наступление частей Красной Армии, тем самым предоставляя возможность союзническим войскам успешно производить эвакуацию из опасных районов⁴.

Участие военных лидеров чехословацких легионеров в сопротивлении не ограничивалось изданием приказов, подрывающих устои существующего порядка. Наглядным примером может служить деятельность чехословацкого генерала Р. Гайды. Хотя здесь следует сделать важную оговорку, что с января

¹ См.: Гинс Г.К. Указ. соч. – Т.2 – Ч.3. – С.475; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... – С.344.

² ГАРФ, Ф.200.Оп.1.Д.366.Л.87-88.

³ См.: Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов. – М., 1961. – Т.2. – С.77.

⁴ В Сибири осенью 1919 г. союзнические войска насчитывали: чехословаки – 55 тыс. человек; поляки – 18 тыс. человек; сербы – 4 тыс. человек; румыны – 4 тыс. человек; итальянцы – 2 тыс. человек; англичане – 1,6 тыс. человек; французы – 0,76 тыс. человек; японцы – 26 тыс. человек; канадцы – 4 тыс. человек. всего – около 118 тыс. человек. (РГВА, Ф.108, Оп.3, Д.27, Л.130-131.)

1919 г. Гайда перешел из Чехословацкого корпуса на службу в колчаковскую армию и прямого отношения к действиям чехословаков не имел, хотя и поддерживал контакты с командованием чехословацких частей.

Перейдя на службу к А.В. Колчаку, Гайда получил в командование Сибирскую армию и чин генерал-лейтенанта. В период военных неудач он выступил против распоряжений Ставки, обвинив также и командование соседней Западной армии. По причине этого конфликта в июле 1919 г. Гайда был отстранен от должности командующего армией и отправлен во Владивосток для дальнейшего следования на родину¹. Однако по прибытии в Приморье в начале августа 1919 г. Р. Гайда заявил, что у колчаковского правительства нет возможности удержаться, и если союзники поддержат его, то они совершат величайшую ошибку. Он утверждал, что правительство А.В. Колчака раскололось на две группировки, одна из которых издаёт обращения и ведёт пропаганду, рассчитывая на помощь из-за границы, пытаясь убедить союзников, будто правительство настроено на созыв Учредительного собрания, а другая – имеет тайный план реставрации монархии с помощью заговора. Р. Гайда был убеждён, что правительство должно пасть и должно быть заменено другим, так как вся надежда на восстановление законности и порядка в России и Сибири утеряна². Гайда не исключал того, что примет активное участие в организации восстания против правительства Колчака.

Восстание готовилось с двух сторон: эсерами областниками Владивостока во главе с председателем Сибирской областной думы И. А. Якушевым и группой из чешского командования во главе с генералом Р. Гайдой.

Готовя восстание, эсеры в октябре 1919 г. предложили Дальневосточному комитету РКП (б) участвовать в свержении колчаковской власти. Они заверили, что интервенты не будут участвовать в подавлении восстания, а чехи и американцы даже будут содействовать, так как переворот отвечает их интересам. И эту позицию упомянутых союзников подтверждали

¹ См.: Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. – Челябинск, 2001. – С.186.

² См.: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. – Владивосток, 1995. – С.186.

управляющий делами правительства Колчака Г.К. Гинс и генерал К.В. Сахаров – командующий армией¹. Комитет партии большевиков решил поддержать восстание в целях укрепления своих политических позиций. На подготовку восстания были мобилизована вся партийная организация. В штаб восстания, который находился в поезде Р. Гайды, были посланы председатель Центрального бюро профсоюзов Владивостока Г.Ф. Раев, бывший командующий Гродековским фронтом А.И. Абрамов, бывший командующий Уссурийским фронтом В.В. Сакович².

Опубликованный во владивостокских газетах чехословацкий меморандум подтолкнул заговорщиков к активизации своих действий. Путч продолжался два дня – 17 и 18 ноября 1919 г. и завершился полным поражением восставших. В результате вооружённых боёв 100 человек были убиты, 400 расстреляны сразу после боя, свыше 1500 человек было арестовано³. К основной причине поражения заговорщиков можно отнести то, что американцы не оказали действенной помощи повстанцам, а японцы наоборот поддержали правительственные войска во главе с генералом С.П. Розановым, испугавшись того, что в результате переворота власть во Владивостоке перейдёт к большевикам, которые выдвинули в ходе восстания лозунг: «Вся власть Советам!». Участь самого Гайды была незавидной. Только письменное поручительство генерала С. Чечека и И. Клецанды о том, что Р. Гайда не будет больше вести политическую деятельность в России, а также его прежние заслуги, позволили опальному генералу избежать сурового наказания. В результате захваченный в ходе выступления Гайда был лишь выслан из России⁴.

Вслед за Владивостоком 6 декабря в Новониколаевске произошло открытое выступление солдат Барабинского полка, возглавленное

¹ См.: Гражданская война в Сибири и Северной области. – М., 1965. – С.221.

² См.: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке... – С.187.

³ См.: Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. – М.- Хабаровск, 1933. – С.145; Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. – М., 1963. – С.145.

⁴ См.: Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922. – М., 1998. – С.274; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С.238-241; См.: Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. – 1970. – № 5. – С.148; Попов Е.Н. Заговор Политцентра // Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – М., 1967. – С.37.

полковником Н. Ивакиным, направленное против колчаковского режима. Офицерское собрание провозгласило «мир с советской Россией» и созыв Учредительного собрания в Сибири. Генерал С.Н. Войцеховский арестовал зачинщиков выступления, но остановить развал режима было уже невозможно. К этому времени и Иркутске в подполье уже возникло альтернативное правительство - Политический центр, состоявший из эсеров, меньшевиков и земских деятелей. Вокруг него объединились все антиколчаковские силы социалистической ориентации. В его декларации говорилось, что Политцентр ставит своей задачей прекращение войны с Советской Россией, созыв сибирского Народного собрания и установление договорных отношений с государственно-демократическими образованиями, возникшими на территории России.

25 ноября на заседании Иркутской городской Думы, куда были приглашены и иностранные представители, против правящего режима открыто выступили члены Политцентра М.И. Константинов и В.Е. Колосов. Дума своим постановлением выразила недоверие власти А.В. Колчака¹.

Центральным событиям предстояло разыгаться в Иркутске, где готовилось восстание под руководством Политцентра. Но у командовавшего там войсками генерала А. Артемьева не было достаточных сил. Поэтому предотвратить готовящееся в Иркутске восстание поручено было Г.М. Семенову, имевшему боеспособные войска. С ним начались переговоры о возможном захвате Иркутска. Атаман согласился при условии полного подчинения ему всех вооруженных сил на Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД. На это А.В. Колчак отреагировал положительно: атаман Г.М. Семенов был назначен главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока².

Поводом к началу восстания в Иркутске послужил арест колчаковскими властями штаба Политцентра во главе с П.Я. Михайловым, одним из основателей Сибирского союза эсеров, и других лидеров (всего 31

¹ См.: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 3 т. – Белград, 1931. – Т.2. – Ч.3. – С.67-68.

² См.: Там же. – С. 83.

человека). Все арестованные вскоре были зверски убиты. Бои между революционными войсками и юнкерами происходили при «полной пассивности» со стороны чехов и японцев под лозунгом: «Мир советской России на условиях полной капитуляции и борьбы с Семеновым»¹.

Восстание в Иркутске, продолжавшееся с 24 декабря 1919 г. по 5 января 1920 г., стало эпилогом борьбы не только соглашательских партий в Западной и Восточной Сибири, но и колчаковщины.

И, тем не менее, в такие напряженные боевые моменты чехословацкое командование продолжило свою политику отдаления от колчаковского правительства и сближения с эсеро-меньшевистской оппозицией. В момент, когда вспыхнуло восстание, в Иркутске находился батальон американцев и чехословаки. Кроме того, 30 тыс. чехословаков находилось к западу от города². Они не только не выступили на помощь колчаковцам, но и недвусмысленно заявили о своей поддержке Политцентра. Чехи выступали посредниками в переговорах с колчаковцами, требуя освобождения арестованных членов Политцентра. Когда начальник иркутского гарнизона генерал-майор А.И. Сычов предупредил союзников о своем намерении начать артиллерийский обстрел казарм 53-го восставшего полка, М. Жанен ответил, что не допустит этого, а в случае необходимости сам откроет стрельбу по колчаковским силам с помощью чехословацких частей. Когда же японское командование послало на помощь генералу А.И. Сычову отряды атамана Г.М. Семенова, М. Жанен потребовал их вывода из Иркутска, с чем японский представитель Като вынужден был согласиться. Для колчаковцев эта измена Антанты стала полной неожиданностью. В сложившейся ситуации они были вынуждены начать переговоры с Политцентром о капитуляции. Переговоры между представителями Политцентра (меньшевиком К. Ахматовым, эсером И. Ходукиным) и колчаковской тройкой происходили в присутствии английского полковника В. Ходжсона, при посредничестве всех главных союзных представителей - М. Жанена, Я.

¹ ГАРФ. Ф.130.Оп.4.Д.500.Л.1.

² См.: Паппи Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. – М., 1957. – С.89.

Сыровы и др., среди которых американцы - консул в Иркутске В. Гаррис, недавний друг А.В. Колчака, и капитан Д. Дэйвис - играли не последнюю роль. Все единодушно соглашались с тем, что пора убрать А.В. Колчака. Союзные представители потребовали его отречения, за что обещали гарантировать ему выезд из России как частного лица.

4 января 1920 г. М. Жанен отдал чехам приказ ввести в город свои основные силы. Вслед за чехами в Иркутск вступили и повстанцы Политцентра. Остатки колчаковских частей перешли на их сторону, и Политцентр установил свою власть. В изданной затем декларации эсеры провозгласили: «Власть старая пала по воле народа. Политический центр вступает в исполнение своих обязанностей и передаст власть Национальному собранию, которое будет созвано в самом непродолжительном времени»¹. Повстанцы Политцентра заверили Запад, что будут продолжать борьбу с большевизмом. Выбора у Колчака не было. 28 декабря 1919 г. он был арестован и взят под охрану в Нижнеудинске вместе с некоторыми министрами и грузом золота ударным батальоном чехов².

4 января 1920 г. А.В. Колчак подписал указ о сложении с себя звания Верховного правителя и передаче его генералу А.И. Деникину. В ответ Политцентр прекратил переговоры с Советом министров и утром 5 января объявил о переходе власти в свои руки.

Поезд, в котором находились А.В. Колчак и В.Н. Пепеляев под охраной чехословаков, прибыл в Иркутск 15 января. Несмотря на торжественные обещания союзников об обеспечении личной безопасности Верховного правителя, по приказу М. Жанена чешское командование передало А.В. Колчака представителям Политцентра.

Японское командование, которое, конечно, не сочувствовало либеральному проамериканскому перевороту, официально соблюдало нейтралитет. Однако этот нейтралитет был лишь кажущимся. Японский ставленник атаман Г.М. Семенов, как нами отмечалось, поспешил выслать в

¹ Цит. по: Попов Е.И. Заговор Политцентра // Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – С.42.

² ГАРФ. Ф.130.Оп.4.Д.500.Л.1.

Иркутск войска на помощь генералу А.И. Сычову при первых же известиях о восстании. Вслед за семёновцами двинулся японский полк. По приказанию генерала Н. Оой японские части заняли тоннели у озера Байкал, а в Токио генеральный штаб настаивал на отправке в Иркутск «для поддержания порядка» и в связи с угрозой «большевистского нашествия» еще, по крайней мере, двух батальонов пехоты¹.

В результате возникла острая политическая ситуация, когда формально шла борьба между колчаковцами и Политцентром, а по существу назревало столкновение между семеновскими и японскими войсками, с одной стороны, чехословаками и американцами - с другой.

В январе 1920 г, на станции Байкал, в 60 верстах от Иркутска, произошла вооруженная стычка чехов с семеновцами. В результате конфликта несколько чехословацких солдат было убито, железнодорожная и телеграфная связь прервана. На следующий день на заседании в штабе М. Жанена чехи, поддержанные американцами и другими союзниками, категорически потребовали удаления семеновцев с Кругобайкальской железной дороги с ее десятками тоннелей, так как эта «семеновская пробка» лишила возможности эвакуации. Соответствующий ультиматум был принят и отправлен Г.М. Семенову в Читу. Однако он не возымел действия.

По утверждению генерального консула США в Иркутске В. Гарриса «отношения между чехами и войсками Г.М. Семенова самые напряженные и конфликт может открыто вспыхнуть, как только Семенов попытается воспрепятствовать проезду чехословацких войск»².

В начале января 1920 г. семеновские войска обстреляли поезд В. Гарриса. Это стало поводом к тому, что по приказу М. Жанена чехи и американцы разоружили семеновские части на Кругобайкальской железной дороге. «...Когда атаман Семенов двинул свои части на запад, чтобы занять Иркутск выгнать оттуда захватчиков власти - эсеров, то в тыл русским войскам выступили чехословаки, поддержанные 30-м американским полком,

¹ См.: Нелбайло Б.Н. Указ. соч. – С.164.

² Там же. – С.164.

и разоружили семеновские отряды». Командующий американскими войсками в Забайкалье полковник Д. Морроу, которому была поручена эта операция, заявлял впоследствии, что ему пришлось разоружить 4500 семеновцев, чтобы обеспечить чехословакам безопасный проезд¹.

Генеральный консул США в Иркутске, проскочивший через «семеновскую пробку», доносил из Читы: «Между чехами и войсками атамана Семенова произошло столкновение у Мысовой и в других пунктах возле озера Байкал. Бронированный поезд и около тысячи человек захвачены чехами». Информацию об этом можно обнаружить и в российских архивах. Вот как по поводу столкновений между чешскими и семеновскими войсками сообщает председатель реввоенсовета 5-й армии Смирнов в своей телеграмме В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому от 18 января: «Чехи разоружили большое количество семеновских частей, захватили генералов Скипертова, Сычева и др. Семенов не захвачен... Чехословаки ставят себе единственную цель - проезд на восток, среди них - сильное брожение»².

18 января 1920 г. В. Гаррис докладывал из Читы, что Семенов официально протестовал против действий полковника Д. Морроу, что японцы возьмут на себя охрану железной дороги от Мысовой до ст. Маньчжурия и не допустят дальнейших столкновений между чехами и Семеновым. И уже в донесении В. Гарриса буквально на следующий день говорилось, что чехи и Семенов урегулировали свои разногласия. Хотя напряженность в отношениях между ними по-прежнему продолжала существовать.

Межсоюзный железнодорожный комитет (МЖК) срочно откомандировал в район конфликта своего члена американца Ч. Смита, передав ему все полномочия и поручив уладить отношения в сотрудничестве с М. Жаненом для быстрой эвакуации чехов³. Несомненно, в целом американцы стремились не доводить дела до открытого столкновения с

¹ См.: Недбайло Б.Н. Указ. соч. – С.165.

² ГАРФ, Ф.130, Оп.4, Д.500, л.3.

³ См.: Попов Е.Н. Политика США на дальнем Востоке. (1918–1922 гг.). – М., 1967. – С.46.

японцами, хотя тесное сотрудничество с чехами и крайне натянутые отношения их военных представителей с Семеновым не вызывали сомнения.

В конфликтах между чехами и колчаковцами, как показывают донесения главнокомандующего американскими войсками в Сибири генерала В. Грэвса, представителя США в МЖК Б. Стивенса, сочувствие американцев было на стороне чехов. В частности, Б. Стивенс писал, что чехи — единственная сила, реально защищающая интересы американцев в Сибири¹. Подтверждение тому, что американцы, англичане и французы опираются «исключительно на чешские штыки», можно найти в телеграмме Председателя Реввоенсовета 5-й армии РККА В.И. Ленину².

Но эти военные силы были ненадежными для эсэро-меньшевистского Политцентра. И при первом же удобном случае чехословацкое командование изменило своим «товарищам».

Во второй половине января в Томске начались переговоры между делегацией Политцентра, возглавленной меньшевиком К. Ахматовым, и представителями Москвы - Реввоенсоветом 5-й Красной Армии и Сибирским революционным комитетом (Сибревком), делегацию которых возглавлял Н.И. Смирнов. Идея буфера была принята Томским совещанием, а 21 января одобрена Москвой³. Об этом председатель Сибревкома Н.И. Смирнов сообщал по прямому проводу в Москву. На следующий день В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий дали ответ: «В отношении буферного ваше предложение одобряем. Необходимо лишь твердо установить, чтобы наш представитель или лучше два представителя при Политцентре были осведомлены обо всех решениях, имели право присутствовать на всех совещаниях Политцентра»⁴. Однако борьба за власть, развернувшаяся в Иркутске между Политцентром и ревкомом, за несколько дней изменила ситуацию и привела к победе советской власти. Буфер в этой части Сибири оказался излишним. Одержали верх те силы, которые стояли за прямое провозглашение советской власти, за

¹ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920 гг.). – М., 1932. – С.23.

² ГАРФ. Ф.130.Оп.4.Д.475.Л.25-26;Д.500.Л.3.

³ См.: Паппи Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. – С.103.

⁴ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. – Т.51. – С.334.

фактическое и формальное присоединение к РСФСР всей освобождаемой от интервентов территории.

На объединенном заседании большевиков и группы левых эсеров в Иркутске 20 января 1920 г. было принято решение предложить Политцентру сдать власть советскому органу, специально для этой цели создаваемому (до выборов в Совет), - военно-революционному комитету.

Кроме того, совещание гарантировало чехословакам беспрепятственный проезд на восток, и командование корпуса тут же отказалось от дальнейшей поддержки Политцентра. Тем самым, последний лишился своей единственной опоры, поскольку американские войска были малочисленны и также стремились домой, к тому же выяснилось, что крестьянство на деле эсеров не поддерживает, что земства вовсе не пользуются той популярностью, на которую рассчитывали (в частности, и США). 22 января 1920 г. было подписан акт о передаче власти Политцентром ревкому. Так произошло отстранение правительства соглашательских партий и установление власти ревкома в составе четырех большевиков¹.

С крушением заговора Политцентра решился и вопрос эвакуации из Сибири другой силы, на которую делали ставку американское командование - чехословацких войск. На тот момент Чехословацкий корпус был единственной силой, способной противостоять продвижению Красной Армии на восток. Чехословацкие части на линии Канск - Иркутск насчитывали около 10 тыс. и восточнее Иркутска еще 40 тыс. человек. Под его контролем находился весь железнодорожный аппарат, средства связи и тоннели, очищенные от семеновцев от Канска до Иркутска и далее на восток.

Осознавая это, советское руководство искало пути урегулирования вопроса передвижения эшелонов с красногвардейцами дипломатическим путем. Чехословакам была предложена эвакуация в западном направлении «по 1-му эшелону в день со скоростью 200 верст в сутки»², на что они

¹ ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Д.500. Л.19а.

² Там же. Д.475. Л.25-26; ГАРФ. Ф.130. Оп.4. Д.500. Л.18 об.

ответили отказом, ссылаясь на транспортные причины¹ и предпочли отступление с боями.

Почти с середины января и до первых чисел февраля происходили крупные вооруженные столкновения между чехословаками и Красной Армией у Канска и Нижнеудинска. Чехословацкое командование было вынуждено пойти на перемирие с советским военным командованием после вооруженного столкновения у Нижнеудинска 4 февраля 1920 г., где чехословаки понесли существенные потери.

Через несколько дней, 7 февраля у станции Куйтун было подписано мирное соглашение между чехословацкой делегацией и командованием Красной Армии². В соответствии с договоренностью обе стороны обязались содействовать быстрейшему выезду чехов на родину, а междудвигающимися на восток чешскими войсками и идущим следом за ними советским авангардом устанавливалась нейтральная зона, т.е. промежуток между арьергардом чехословацких войск и авангардом войск Красной Армии «от депо до депо».

В соглашении подчеркивалось, что чехословаки должны были оставить адмирала А.В. Колчака и его сторонников, арестованных иркутским ревкомом, и не вмешиваться в распоряжения советской власти в отношении арестованных. Командованию Красной Армии передавался и золотой запас, принадлежащий РСФСР, при уходе последнего чехословацкого эшелона из Иркутска, а также все мосты, водокачки, железнодорожные постройки и тоннели в исправном состоянии. В отношении отрядов, действующих против Советской власти, они должны были соблюдать нейтралитет. Румыны, латыши и югославы, оставшиеся на территории Советской России, покидали ее вместе с последними эшелонами³. В день подписания соглашения Иркутский революционный комитет (ревком) в целях предотвращения контрреволюционного выступления офицеров,

¹ Там же. Д.500.Л.6.

² См.: Приложение 8.

³ ГАРФ. Ф.130.Оп.4.Д.469.Л.5а-13.

направленного на освобождение адмирала А.В. Колчака и членов его правительства, приговорил последних к расстрелу. При этом не было даже получено дополнительного согласия Сибирского ревкома. По сути, подписанное соглашение развязало руки Иркутскому ревкому и способствовало немедленному исполнению приговора над А.В. Колчаком. Пункт пятый «Условия мирного соглашения между правительством РСФСР и чехословацкими войсками в Сибири» дает четкое, подтверждение этому: «Чеховойска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных Иркутским ревкомом, в распоряжение Советской власти под охраной советских войск и не вмешиваются в распоряжения Советской власти в отношении к арестованным»¹.

3 марта 1920 г. из Иркутска выехал последний чешский эшелон в направлении ст. Байкал², части РККА вступили в город. Чехи перестали быть заслоном, задерживавшим наступление Красной Армии и прикрывавшим возню с созданием либеральных правительств. Одновременно обанкротился и «заслуженный» американский лозунг помощи чехословакам. Если американцы, много говоря о такой помощи, на деле под разными предлогами задерживали эвакуацию чешских войск, то победы Красной Армии, поражение эсеров-меньшевистских и колчаковских сил ускорили ее проведение. Американский железнодорожный представитель Ч. Смит по поводу передвижения чехословацких эшелонов писал: «Относительно эвакуации чехов я хочу заявить, что она была проведена самими чехами и красными, которые помогали ей всеми возможными способами... Красные обещали не вызывать столкновений с японцами до тех пор, пока союзная эвакуация не завершится. Это было выполнено с абсолютной точностью»³.

Выдача Верховного правителя означала конец организованной в государственном масштабе антибольшевистской борьбы в Сибири. После поражения А.В. Колчака при поддержке остатков его армии еще возникали

¹ ГАРФ. Ф.130.Оп.4.Д.469.Л.9.

² Там же. Л.17.

³ См.: Недбайло Б.П. Указ.соч. – С.170.

антибольшевистские правительства, но они имели локальный характер и никакого влияния на конечный результат борьбы не оказывали¹. Передав золотой запас большевикам, Политцентр лишил Белое движение России главной материальной базы: из этого источника финансировались все вооруженные силы белых. И во всех этих событиях непосредственное участие принимал Чехословацкий корпус, сыгравшей не последнюю роль в развитии политической ситуации в России.

С подписанием Куйтунского соглашения между чехословацким командованием и командованием народно-революционной армией (НРА) не прекратились политические игры с использованием Чехословацкого корпуса. В соответствии с существующей договоренностью чехословаки оказались буфером между отступающими войсками союзников и наступающими частями Красной Армии. Японское командование в целях успешной эвакуации своих войск и военных подразделений семеновской армии сдерживало продвижение чехословацких эшелонов.

Известно, что японское командование было против продвижения частей Красной Армии на восток, о чем красноречиво говорило заявление полковника Я. Конзо чешскому командованию о том, «что в случае их (отрядов НРА. – Авт.) следования, по линии он откроет фронт и не ручается за сохранность железной дороги и продвижение чехословацких эшелонов»².

5 апреля 1920 г. уполномоченный Сибревкома А.М. Краснощеков докладывал в Совнарком, что отношения между чехословаками и японцами в Чите резко обострились, поскольку последние препятствовали эвакуации чехов, не допуская их к ремонту паровозов в железнодорожные депо восточнее Читы. На это чехословаки ответили решительным заявлением о начале разоружения семёновцев. Конфликт был разрешен начальником всех военных сил Забайкалья генералом С.Н. Войцеховским, который «удовлетворил все требования чехословаков вопреки воли японского

¹ См.: Трухан Г.А. Верховный правитель России // Отечественная история. – 1999. – № 6. – С.43–44.

² ГАРФ. Ф.130.Оп.4.Д.469.Л.39.

командования»¹. 30 марта в прессе появилось заявление японского правительства о том, что цель помощи чехословакам практически достигнута: эвакуация японских экспедиционных войск откладывается на неопределенный срок - до того момента, пока «положение стабилизируется». Имелось в виду установление твердой политической власти в восточной Сибири, устранение угрозы Кореи и Маньчжурии, а также гарантирование неприкосновенности личности и собственности².

Как только 1 апреля закончилась основная эвакуация основных американских сил, стянутых к тому времени во Владивосток, японцами был совершен переворот. Этот переворот положил начало новому этапу интервенции в России, где главной иностранной силой выступила Япония.

На 9 апреля 1920 г. оставалось эвакуировать 47 335 чехов и словаков, за которых США взяли на себя ответственность. Всего же США обеспечили переброску во Владивосток и дальнейшую транспортировку морем более 70 тыс. чехословаков, оставив 23 600 поляков, румын, латышей, сербов на попечении англичан³.

2 сентября 1920 г. от причала Владивостокского порта отошел морской транспорт, на борту которого находилось последнее подразделение Чехословацкого армейского корпуса⁴, который оказал немаловажное влияние на развитие событий в России, особенно в период Гражданской войны и военной интервенции 1918–1920 гг. Ему отводилась особая роль в планах союзников и различных политических партий, чехословаки были втянуты в Гражданскую войну в России, которая самым трагическим образом отразилась как на их судьбах, так и на судьбе российского народа.

Выводы по второй главе

Переворот в Омске в ноябре 1918 г. и приход к власти правительства адмирала А.В. Колчака прервал демократические процессы, происходящие в России. Большинство чехословаков восприняло переворот отрицательно,

¹ Там же. Л.39.

² ГАРФ. Ф.130.Оп.4.Д.500.Л.111.

³ См.: Недбайло Б.Н. Указ. соч. – С.172.

⁴ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. – М., 1965. – С.366.

увидев в новоявленной диктатуре подобие большевистской и поэтому первоначально готово было откликнуться на просьбы эсеров о помощи. Но этого не произошло по ряду причин. Во-первых, не все чехословаки поддерживали эсеров. Во-вторых, правительства стран Антанты были на стороне А.В. Колчака, а Чехословацкий корпус полностью зависел от них. В-третьих, капитуляция Германии в Первой мировой войне, признание независимости Чехословацкой Республики и большевистская агитация повлияли на настроение рядового состава корпуса, стремившегося на родину.

Большевистское правительство, видя назревший кризис среди рядового состава, пыталось вывести Чехословацкий корпус из борьбы и усилить в нем антиколчаковское настроение. Для достижения этих целей были предприняты дипломатические шаги, направленные на заключение договоренностей с чехословацким командованием о пропуске на Родину эшелонов с legionерами через центральную часть России. На это чехословацкое правительство ответило отказом. В свою очередь, правительство А.В. Колчака, пытаясь вернуть боеспособные части на Восточный фронт, предприняло ряд мер по «задабриванию» чехословаков, в частности уравнивало их в правах с русскими солдатами и предоставляло им право приобретения земли в личную собственность. Это предложение не встретило должного отклика среди руководства Чехословацкой Республики.

Неопределенность в отношении эвакуации Чехословацкого корпуса и задержка его в России вызывали напряженность среди рядовых военнослужащих, что приводило к сближению их с демократическими силами, действовавшими против Колчака, а в иных случаях даже к открытому неповиновению своему командованию. В чехословацких частях начались восстания. Это подтолкнуло чехословацкое правительство и союзное командование к форсированию процесса эвакуации чехословацких войск из России. В октябре 1919 г. началась их активная эвакуация на родину через Владивостокский порт.

Для беспрепятственного продвижения эшелонов командование

Чехословацкого корпуса стало осуществлять политику, направленную на сближение с антиколчаковскими политическими силами, и, видя близость падения правительства адмирала А.В. Колчака, открыто заявило о своем несогласии с проводимой им политикой. Данное поведение чехословаков наложило негативный отпечаток на отношения между командованием корпуса и колчаковским правительством. Поражение на фронте и отступление армии А.В. Колчака на восток, отсутствие военной поддержки со стороны союзников и конфликтная ситуация с командованием Чехословацкого корпуса привели в конечном итоге к правительственному кризису. А.В. Колчак отрекся от власти и вскоре с косвенного согласия чехословацкого командования был расстрелян по приговору Иркутского ревкома.

С января по март 1920 г. Чехословацкий корпус выполнял функции буфера между наступающими частями Красной Армии и эвакуирующимися союзными войсками. Это позволило сохранить для большевиков Транссибирскую магистраль от разрушения со стороны семеновских войск и одновременно сдерживать в интересах союзников, прежде всего Японии, стремительное продвижение Красной Армии на восток страны.

Таким образом, Чехословацкий корпус в России был важным фактором, с которым приходилось считаться основным политическим силам страны. А потому история возникновения и действия Чехословацкого корпуса в России привлекали и будут привлекать отечественных и зарубежных учёных и политологов в плане выявления новых фактов, подтверждающих их значимость и судьбоносный характер для нашей страны и мира в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что с момента окончания Гражданской войны 1918–1922 гг. в России минуло более 80 лет, она до сих пор оказывает немалое влияние на общественное сознание российских граждан. Ко многим ее сторонам и сюжетам обращаются историки, перед которыми в современных условиях, когда стали доступными ранее закрытые архивы, отсутствует политическая цензура и есть возможность использовать разнообразный методологический инструментарий, открылись обширные исследовательские возможности.

На этом фоне, однако, не получила должного освещения история Чехословацкого корпуса, оставившего весьма заметный след в событиях Гражданской войны. Войсковое соединение, сформированное в годы Первой мировой войны из военнопленных чехов и словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии для борьбы за независимость Чехословацкого государства, на самом деле стало орудием в руках противоборствующих сил, которые боролись за политическую власть в России. Его активное участие в боевых действиях против большевистской власти, начиная с 1918 г., позволило вырасти и окрепнуть силам Белого движения от Поволжья до Дальнего Востока, что придало Гражданской войне невиданные до того размах и ожесточенность.

Это обстоятельство, по нашему мнению, вызывает особый научный интерес к освещению роли Чехословацкого корпуса в российской истории в годы Первой мировой и Гражданской войн.

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам:

1. Формирование из числа добровольцев и военнопленных регулярного чехословацкого войскового соединения именно на территории России не было случайным. Национальные силы, заинтересованные в создании независимого Чехословацкого государства, закономерно рассчитывали, что в

этом им поможет Российская империя как противник Австро-Венгрии. Российские власти (сначала царское правительство, а затем и Временное правительство) действительно согласились на создание на территории страны ядра будущей национальной армии суверенного Чехословацкого государства.

«Чешские дружины» формировались как из колонистов, проживавших на территории России, так и из числа военнопленных австро-венгерской армии. На их основе были созданы воинские части, которые, действуя в составе русской армии, проявили героизм и воинское мастерство в боевых действиях на Юго-Западном фронте.

К началу декабря 1917 г. было завершено формирование корпуса, насчитывавшего в своих рядах свыше 50 тыс. человек. По согласованию с Временным правительством корпус должен был применяться только против внешних врагов России - Германии и Австро-Венгрии.

2. В строительстве корпуса чехословацкие политики не всегда встречали со стороны российских официальных лиц желаемого понимания и активной помощи. На это были свои веские причины: несмотря на этническое славянское единство русских, чехов и словаков, российские власти с осторожностью подходили к созданию на собственной территории иностранных воинских частей. Чехи и словаки, будучи подданными враждебного России Австро-Венгерского государства, хотя и военнопленными, не представлялись благонадежными. Вначале власти вообще предпочитали использовать их преимущественно как рабочую силу на производственных предприятиях.

Другой причиной, сдерживавшей быстрое формирование чехословацких частей, была разность позиций царского правительства, с одной стороны, и чехословацких национальных лидеров, с другой, относительно политического устройства Чехии и Словакии в случае разгрома Австро-Венгрии.

Царское правительство видело себя основным устроителем

Чехословацкого государства и не разделяло взгляды Союза чехословацких обществ, ориентированные на Францию, как образец республиканского устройства государства, потому без особой охоты шло на ускоренное формирование чехословацкого войска.

С падением самодержавия и приходом к власти Временного правительства, а также из-за ухудшения положения на русско-германском фронте, связанным с кризисом в русской армии, перспективы формирования чехословацкого соединения улучшились.

3. После Октябрьской революции 1917 г., выхода советской России из войны и изменения юридического статуса Чехословацкого корпуса, который в январе 1918 г. стал легионом в составе французской армии, цели национальных сил в лице Чехословацкого национального совета изменились. Они стали теперь стремиться к эвакуации корпуса за пределы России для его переброски во Францию.

На основе договоренности с советским правительством эвакуация должна была происходить по железной дороге по маршруту Пенза-Владивосток. При этом руководство ЧНС и командование Чехословацкого корпуса до определенного времени соблюдало нейтралитет и отклоняло попытки как официальных властей, так и антибольшевистских сил использовать корпус в собственных политических целях.

Успешное передвижение эшелонов с личным составом корпуса на восток осложнялось необходимостью оторваться от наступающих немецких войск, которые всячески препятствовали эвакуации чехословацких войск на Запад, а также нерешенность ряда проблем: долго не удавалось согласовать нормы перевозимого оружия, обеспечить необходимое количество подвижного состава, наладить взаимодействие местных органов власти с командованием конкретными эшелонами. Приходилось также противостоять стремлениям антибольшевистских сил склонить корпус на свою сторону.

4. Вооружённое выступление корпуса в мае 1918 г., направленное против большевистского режима, имело под собой комплекс причин.

Практически с самого начала реализация договоренности советского правительства с командованием корпуса была осложнена разрухой на транспорте, недостаточным организационным и материальным обеспечением процесса эвакуации со стороны центральных и местных органов советской власти, противоречивостью их действий при решении вопросов, связанных с наличием у личного состава оружия, направлением и темпами движения эшелонов. Свой негативный отпечаток накладывала агитация, которую вели большевики с целью привлечения легионеров в формирующуюся Красную Армию, неумение, а порой и нежелание органов советской власти пресекать враждебность во взаимоотношениях между чехословаками с одной стороны, и интернационалистами РККА из числа немцев, австрийцев и венгров с другой.

Тем не менее, по нашему мнению, ответственность за обострение отношений, в конечном итоге вылившееся в вооруженный мятеж корпуса, с официальной властью должно разделить командование корпусом. Оно нередко игнорировало договоренности, достигнутые с Совнаркомом: силой захватывало подвижной состав, разоружало красногвардейские отряды, устраняло местные органы власти.

5. Вооружённое выступление Чехословацкого корпуса стало этапным событием Гражданской войны, выведя ее на новый уровень: от локальных столкновений небольших вооруженных отрядов преимущественно по линии Транссибирской железнодорожной магистрали – к широкомасштабным военным действиям с участием крупных войсковых группировок. Обширные районы Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока в короткий срок превратились в театр военных действий.

В то же время следует считать необоснованной распространенную в советской историографии точку зрения на вооружённое выступление Чехословацкого корпуса как на непосредственное начало Гражданской войны в России. Столь же несостоятельным, не отражающим всей сложности и многогранности проблемы следует считать и вывод о чехословацком

вооружённом выступлении против советской власти, как заранее спланированном и организованном странами Антанты.

Непосредственные причины начавшейся вооружённой конфронтации Чехословацкого корпуса с большевистской властью заключались в целом комплексе политических и военных замыслов и действий как сил, непосредственно втянутых в конфликт чехословаков и советской власти, так и внешних сил в лице стран Антанты и Германии и имевших место тогда, когда страна уже завершила первый этап Гражданской войны.

6. Результатом вооруженного выступления корпуса стало свержение советской власти на обширных пространствах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока и установление власти буржуазно-демократических правительств. Временному успеху чехословаков в борьбе с советской властью способствовали отсутствие у большевиков достаточных боеспособных военных сил и средств, необходимых для ликвидации очагов восстания, разобщенность действий центральных и местных властей, поддержка чехословацких частей в некоторых регионах страны со стороны населения. В тоже время вооруженное выступление Чехословацкого корпуса заставило ЦК РКП (б) и советское правительство ускорить строительство Красной Армии и мобилизацию сил для подавления контрреволюции и внешней интервенции.

Командование корпуса в свою очередь отказалось от планов эвакуации и перешло к участию в открытой вооруженной борьбе за смену в России политического режима. Оно пошло на тесную координацию действий корпуса со странами Антанты в реализации планов военной интервенции в России.

7. После полного разрыва взаимоотношений с большевистской властью руководство ЧНС и командование корпусом не смогли установить прочных и длительных отношений ни с одной из политических сил, боровшихся за власть, и вынуждены были постоянно лавировать, искать и менять союзников. Начиная с мая 1918 г., наиболее прочный союз

чехословаки заключили с правыми эсерами, игравшими наиболее существенную роль в формировании антибольшевистских правительств на территории России, которая находилась вне юрисдикции советской власти. Позднее логика политической борьбы заставила руководство ЧНС и командование корпусом перейти к активному сотрудничеству с утвердившимся в Сибири режимом А.В. Колчака, а после его свержения - вновь возобновить отношения с эсерами. Что касается внешних сил, то на протяжении 1918–1920 гг. корпус неизменно действовал в русле политики стран Антанты.

8. Вооружённое выступление Чехословацкого корпуса против советской власти позволило выйти из подполья и сформироваться регулярным вооружённым силам различных небольшевистских сил. На освобожденных от Советской власти территориях было создано несколько правительств, претендовавших на верховную власть в России. Командование Чехословацким корпусом, осознавая, что политическая борьба за лидерство подрывала силы антибольшевистского лагеря, активно способствовало объединению и примирению региональных правительств Поволжья, Урала и Сибири. Результатом такого участия стало создание Временного всероссийского правительства.

Приход к власти адмирала А.В. Колчака в ноябре 1918 г. не изменил общей направленности политической и военной деятельности чехословацких руководителей. Они поддерживали новый политический режим, несмотря на то, что сочувствовали эсерам и не разделяли политических взглядов А.В. Колчака. Позднее, когда колчаковский режим исчерпал себя, политические и военные руководители корпуса дистанцировались от него.

9. Успехи Красной Армии в борьбе с антибольшевистскими правительствами Сибири и Дальнего Востока, рост недовольства и деморализация значительной части личного состава корпуса подтолкнули чехословацкое правительство и союзное командование к форсированию процесса вывода войск корпуса через Владивостокский порт. Чехословацкие

руководители вынуждены были пойти на перемирие с командованием войск Красной Армии с тем, чтобы гарантировать его содействие быстрой эвакуации корпуса на родину. Этот процесс перешел в активную фазу в октябре 1919 г. и завершился в сентябре 1920 г. полным выводом корпуса с территории России.

10. Проведенное в диссертации исследование темы показало, что требует дальнейших разработок ряд существенных проблем, выявленных в процессе работы.

Так, проведенный анализ показывает, что предшествующие исследования проблем Гражданской войны и военной иностранной интервенции в Поволжье, Урале, Сибири порой страдают односторонностью, идеологически ориентированным уходом от изучения в полном объеме трудностей и противоречий этого сложного социального явления. Наше исследование показало, что документы нормативного характера обеих сторон, отражающие содержание и направленность политики различных субъектов анализируемых событий, и служебная документация (в первую очередь, военная), опубликованная в соответствующих документах, содержат немало материалов, позволяющих преодолеть отмеченную крайность. Особую ценность представляют различного рода архивные материалы: доклады, отчеты, предписания, включающие в себя обилие цифрового и фактического материала.

Вместе с тем анализ показал, что при исследовании ряда проблем истории Гражданской войны и военной интервенции на территории России целесообразно полнее привлекать новые документы архивного хранения, ранее не известных ученым.

Дальнейшая разработка данной проблемы, в частности есть необходимость более полно исследовать политические настроения чехословацких legionеров, их повседневный быт, как происходило восприятие чехословаков местным русским населением, отношение самих legionеров к населению России (сторонникам и противникам советской

власти), а также выяснить какой опыт извлекли чехословацкие солдаты из своего участия в Гражданской войне, несомненно будет способствовать обогащению знаний по актуальным проблемам Гражданской войны и иностранной интервенции в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**I. Труды по теории и методологии проблемы**

- 1.1. Архив русской революции: В 22 т / Изд. И.В. Гессен. Берлин, 1921–1937. – М., 1991.
- 1.2. Внешняя политика СССР. 1917–1920 гг.: В 2 т. – М., 1944.
- 1.3. Гражданская война 1918–1921 гг. – Т.3. – М.-Л., 1930.
- 1.4. Гражданская война в Сибири и в Северной области. – М., 1965.
- 1.5. Гражданская война в СССР: В 2 т. – М., 1980.
- 1.6. История внешней политики СССР 1917–1945 гг.: В 2 т. – М., 1976.
- 1.7. Ленин В.И.: Биографическая хроника. 1870–1924: в 12-ти т. Т.5. Октябрь 1917- июль 1918. – М., 1974.
- 1.8. Троцкий Л.Д. Доклад на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК 5-го созыва совместно с Московским Советом Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов, профсоюзами и фабзавкомами 29 июля 1918 г. // Сочинения. – Т. 17. – Ч. 1. – М - Л., 1926.
- 1.9. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция / Материалы и документы по истории Красной Армии: В 3 т. – Т.1. – 1918. – М., 1923. – 431 с.

II. Документальные источники

- 2.1. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г.: Сб. документов. – Париж, 1919.
- 2.2. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.): Сб. документов. – М., 1969. – 884 с.
- 2.3. Документы внешней политики СССР: В 2 т. – М., 1957–1958.
- 2.4. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т.1. – М., 1973. – 562 с.
- 2.5. Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов: В 3-х т. – Т. 1. – М., 1960. – 831 с.; Т.2. – М., 1961. – 895 с.

- 2.6. Из истории гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг.: Сборник документов. – М., 1974. – 480 с.
- 2.7. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. – Владивосток, 1995. – 216 с.
- 2.8. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): Сб. документов и материалов/ Под редакцией А.П. Таняева. – Свердловск, 1929. – 93 с.
- 2.9. Пионтковский С.Г. Гражданская война в России. – М., 1925. – 213 с.
- 2.10. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. – Владивосток, 1997. – 324 с.
- 2.11. Самарская губерния в годы гражданской войны. – Куйбышев, 1958. – 234 с.
- 2.12. Сибирь в период гражданской войны. – Кемерово, 1995. – 548 с.
- 2.13. Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. Екатеринбург, 1918.
- 2.14. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918.
- 2.15. Хрестоматия по Отечественной истории (1914–1945)/ Под редакцией А.Ф. Киселёва, Э.М. Щагина. – М., 1996.

III. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- 3.1. Ф.Р-130. - Совет народных комиссаров РСФСР.
- 3.2. Ф.Р-131. - Административный совет ВСП. Омск, 1918 г.
- 3.3. Ф.Р-151. - Западно-Сибирский Комиссариат Временного Сибирского правительства. Омск, 1918 г.
- 3.4. Ф.Р-176. - Совет министров «Российского правительства». Омск, 1918–1920 гг.
- 3.5. Ф.Р-195. - Пепеляев Виктор Николаевич. Министр внутренних дел

Российского правительства (июль – ноябрь 1918 г.). Председатель Совета министров Российского правительства.

3.6. Ф.Р-200. - Министерство иностранных дел Российского правительства (правительство А.В. Колчака).

3.7. Ф.Р-667. - Иностранный отдел при Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания. Уфа, 1918 г.

3.8. Ф.Р-670. - Совет управляющих ведомствами Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара, Уфа, 1918 г.

3.9. Ф.Р-749. - Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). Самара, 1918 г.

3.10. Ф.Р-5844. - Колчак Александр Васильевич.

3.11. Ф.Р-5870. - Общество сибиряков в Чехословацкой республике.

3.12. Ф.Р-6082. - Общество участников волжского движения 1918 г.

3.13. Ф.Р-8200. - Уполномоченный центрального Карпато-русского совета по набору добровольцев при ЧНС. Омск, 1918–1920 гг.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

3.14. Ф.2003. - Штаб Верховного главнокомандующего. (Ставка).

Российский государственный военный архив (РГВА)

3.15. Ф.1. - Управление делами Народного комиссариата по военным делам.

3.16. Ф. 39512. - Управление 3 Уральского армейского корпуса 1918 г.

3.17. Ф. 39597. - Военное министерство Всероссийского правительства 1918–1920 гг.

3.18. Ф. 39617. - Штаб Сибирской армии 1918–1919 гг.

3.19. Ф. 40169. - Гайда Радоле.

Государственный архив Самарской области

- 3.20. Ф.Р-402. - Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара, 1918 г.
- 3.21. Ф.Р-532. - Уполномоченный министерства земледелия по заготовке хлеба для армии ведомства продовольствия при Комитете членов Всероссийского Учредительного Собрания.
- 3.22. Ф.Р-4140. - Самарское губернское отделение Центрального агитационного культурно-просветительного отдела комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания.

Государственный архив Свердловской области

- 3.23. Ф.Р-352. - Уральский промышленный комитет при ВОПУ. Екатеринбург, 1918 г.
- 3.24. Ф.Р-569. - Временное областное правительство Урала и его управления. Екатеринбург, 1918 г.
- 3.25. Ф.Р-1951. - Управление внутренних дел.
- 3.26. Ф.Р-1952. - Управление торговли и промышленности.
- 3.27. Ф.Р.-1956. - Канцелярия главного начальника Уральского края (1918–1919 гг.).

Объединённый государственный архив Челябинской области. (ОГАЧО)

- 3.28. Ф. 596. - Челябинский истпарт.

Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ)

- 3.29. Ф. 3500. - Куйбышевский истпарт.

Центр документации общественных организаций Свердловской
области (ИЦООСО)

3.30. Ф. Р-41. - Свердловский истпарт.

IV. Монографии, научные труды

- 4.1. Алексеев В.И. Два года борьбы. – Ульяновск, 1927. – 96 с.
- 4.2. Арестант пятой камеры: Сборник. – М., 1990. – 479 с.
- 4.3. Васьковский О.А., Молодцыгин М.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Скробов В.С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. – Свердловск, 1969. – 392 с.
- 4.4. Васюков В.С. Предыстория интервенции. Февраль 1917–март 1918. – М., 1968. – 296 с.
- 4.5. Вендрих Г.А. Декабрьско–январские бои 1919–1920 гг. в Иркутске. – Иркутск, 1957. – 67 с.
- 4.6. Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. – М.-Л., 1927. – 386 с.
- 4.7. Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования/ Южно – Урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2001. – 336 с.
- 4.8. Волков Е.В., Егоров И.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биографическая справка. – М., 2003. – 236 с.
- 4.9. Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет: В 2-х книгах. – М., 1997. – Кн. 1. – М., 1996. – 480 с.
- 4.10. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – М., 1970. – 294 с.
- 4.11. Голуб П.А. Братство, скреплённое кровью. (Чехословацкие рабочие и крестьяне на защите завоеваний Октября в России в 1917–1920 гг.). – М., 1958. – 79 с.
- 4.12. Голуб П. А. Революция защищается: Опыт защиты революционных завоеваний Великого Октября. 1917–1920. – М., 1982. – 317 с.
- 4.13. Голуб П. А. Мятеж, взорвавший Россию. – М., 2003. – 334 с.

- 4.14. Гражданская война в России: перекрёсток мнений / Под ред. Ю.А. Полякова. – М., 1994. – 376 с.
- 4.15. Гусев К.В. История демократической контрреволюции в России. – М., 1973. – 112 с.
- 4.16. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. – М., 1975. – 383 с.
- 4.17. Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917–начале 1920 гг. – Новосибирск, 1999. – 142 с.
- 4.18. Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика / Пер. с чешского О.С. Хархардина: Ред. и предисл. М. Туманова. – М., 1954. – 320 с.
- 4.19. Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. – Л., 1925. – С. 188.
- 4.20. Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. – Барнаул, 1991. С. – 237-239.
- 4.21. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917–1920 гг.). – М., 1982. – 416 с.
- 4.22. Зиновьев Г.Е. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс. – М., 1927. – 75 с.
- 4.23. Ильин Н. Чехословаки: (Самостоятельное чешское государство. Чехия под властью Австрии. Чешский народ в период Европейской войны.) – Уфа, 1918. – 51 с.
- 4.24. Иностранная интервенция против страны Советов (Зарубежная историография): реферативный сборник. – М., 1989. – 168 с.
- 4.25. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М., 1983. – 294 с.
- 4.26. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М. - Л., 1925. – Т. 1. – 314 с.
- 4.27. Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – М.; Л., 1928. – 80 с.
- 4.28. Канинский Г. «...Иначе не мог поступить». Русский генерал Сергей Николаевич Войцеховский. – Челябинск, 2003. – 68 с.

- 4.29. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. – М., 1965. – 395 с.
- 4.30. Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор Гражданской войны или возможность ее альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917–1921 гг.; актуальные проблемы изучения. (К 80-летию прекращения действий на Урале: Материалы регионального научного семинара 24–25 апреля 1999 г.). – Челябинск. 1999. – С. 56-72.
- 4.31. Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. – Челябинск, 1997. – 185 с.
- 4.32. Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920 гг.). – Владивосток, 1984. – 224 с.
- 4.33. Кутяков И.С. С Чапаевым по Уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией. – М.-Л., 1928. – 144 с.
- 4.34. Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. – Томск, 1995. – 252 с.
- 4.35. Левидов М. К истории союзной интервенции в России. – Т.1. Дипломатическая подготовка. – Л., 1925. – 184 с.
- 4.36. Луначарский А.В., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. – М., 1991. – 462 с.
- 4.37. Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. – Челябинск, 1958. – 194 с.
- 4.38. Мазлер В.С. Чехословацкий корпус и Колчак // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. – Томск, 1970. – Вып. 1. – С. 36-42.
- 4.39. Мазлер В.С. Разложение Чехословацкого корпуса в период колчаковщины // Вост. - Сиб. технол. ин-т. – Новосибирск, 1971. – Вып. 4. – С. 242-249.
- 4.40. Машин М.Д., Семьянинов В.С. Вооружённая борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции

(1918–1919 гг.). – Иркутск, 1991. – 288 с.

4.41. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). – Саратов, 1974. – 352 с.

4.42. Минц И.И. Год 1918-й. – М., 1982. – 576 с.

4.43. Наумов М.В. Омские большевики в авангарде борьбы против белогвардейцев и интервентов. Июнь 1918–1919. – Омск, 1960. – 150 с.

4.44. Ненароков А.П. Восточный фронт 1918. – М., 1969. – 280 с.

4.45. Никонова О.Ю. Чехословацкий корпус и правительства «демократической контрреволюции» в 1918–1919 годах // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч.2. – Челябинск, 1995. – С. 57-60.

4.46. Огородников О.Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г. – М., 1938. – 316 с.

4.47. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. – М., 1957. – 423 с.

4.48. Партия социалистов - революционеров: Документы и материалы: В 3 т. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917–1925 гг. – М., 2000. – 1055 с.

4.49. Парфёнов П.С. Гражданская война в Сибири 1918–1920. – М., 1925. – 173 с.

4.50. Перебейнос Е.В. Причины выступления Чехословацкого корпуса (новые подходы) // Исторические чтения: Материалы науч. регион. конф. «Крушение царизма и Гражданская война на Урале». – Вып. 4. – Челябинск, 1998. – С. 70-74.

4.51. Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП (б) в 1918–1920 гг. – Свердловск, 1989. – 336 с.

4.52. Плотников И.Ф. Средний Урал в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). – Свердловск, 1990. – 94 с.

4.53. Плотников И.Ф. Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль- май 1919 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг.: Актуальные проблемы изучения (К 80-летию прекращения действий на

Урале: Материалы регионального научного семинара 24–25 апреля 1999 г.). – Челябинск, 1999. – С. 73-83.

4.54. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. – М., 2002. – 702 с.

4.55. Плотников И.Ф. О развёртывании белого движения, образовании и становлении укреплений его фронта в Поволжье и на Урале // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 120-122.

4.56. Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1967. – Вып. 3. – С. 168-181.

4.57. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917–1918 гг. – М., 1925. – 222 с.

4.58. Познанский В.С. В.И. Ленин и Советы Сибири (1917–1918). Руководство военно-политической деятельностью советов по борьбе с контрреволюцией. – Новосибирск, 1977. – 250 с.

4.59. Попов Е.И. Заговор Политцентра // Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – М., 1967. – 295 с.

4.60. Попов Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – М., 1967. – 295 с.

4.61. Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.; Самара, 1932. – 232 с.

4.62. Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром Самарской учредилки. – Куйбышев, 1959. – 215 с.

4.63. Попов Ф.Г. 1918-й год в Самарской губернии. Хроника событий. – Куйбышев, 1972. – 326 с.

4.64. Путеводитель по фондам Белой армии (РГВА. Составители Н.Д. Егоров, Н.В. Пульченко, Л.М. Чижова). – М., 1998.

4.65. Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре-декабре 1918 г. – М., 1921. – 174 с.

- 4.66. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия (май-декабрь 1918 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. 20 век. – Новосибирск, 1994. – С. 34-43.
- 4.67. Симонов Д.Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период гражданской войны (1918–1920) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 145-148.
- 4.68. Спириин Л.М. Разгром армии Колчака. – М., 1957. – 296 с.
- 4.69. Спириин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). – М., 1968. – 438 с.
- 4.70. Суворов Д.В. Неизвестная гражданская война. – Екатеринбург, 1999. – 168 с.
- 4.71. Троцкий Л.Д. Вокруг Октября // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. – М., 1991. – С. 56-98.
- 4.72. Фирсов Е.Ф. Формирование геополитических установок Масарика в России // Тезисы докладов международной конференции: «Т.Г. Масарик и Россия». – СПб., 1997. – С. 48-62.
- 4.73. Хрулёв В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М., 1940. – 100 с.
- 4.74. Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. – М. - Хабаровск, 1933. – 378 с.
- 4.75. Шиловский В.М. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу // Сибирь в период гражданской войны. – Кемерово, 1995. – С. 10-11.
- 4.76. Шишкин В.И. Политические позиции сибирских эсеров периода колчаковщины // Изв. СО АН СССР. – 1984. – Вып. 3. – № 14. – С. 8-14.
- 4.77. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. – М., 1960. – 297 с.
- 4.78. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. – М., 1966. – 384 с.

У. Диссертационные исследования

- 5.1. Берси́ева И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политцентр» (ноябрь 1919–январь 1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 271 с.
- 5.2. Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. – 303 с.
- 5.3. Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 года: Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1995. – 263 с.
- 5.4. Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима–осень 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 370 с.
- 5.5. Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны: Дис. ... д-ра ист. – Екатеринбург, 1998. – 420 с.
- 5.6. Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в мае 1918–1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Ульяновск, 1995. – 215 с.
- 5.7. Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): Историческое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 228 с.
- 5.8. Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 1996. – 254 с.
- 5.9. Рынков В.М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 308 с.
- 5.10. Салазникова С.С. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции»: Январь–ноябрь 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – 304 с.

VI. Периодические издания

- 6.1. Алексеев В.Н. Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье // Пролетарская революция. – 1928. – № 4. – С. 45-88.
- 6.2. Буцевич А. Первые дни чехословаков // Пролетарская революция. – 1922. – № 5. – С. 262-274.
- 6.3. Волков Е.В. Дневник С.Н. Войцеховского: Новые штрихи к выступлению Чехословацкого корпуса в мае 1918 г // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 2001. – № 9. – С. 90-99.
- 6.4. Гармиза В.В. Из истории Самарской учредилки // Исторический журнал. – 1940. – № 8. – С. 33-43.
- 6.5. Германов Л. (М. Фрумкин) К истории чехословацкого выступления и свержения Советской власти в Сибири // Пролетарская революция. – 1922. – № 4. – С. 16-23.
- 6.6. Голуб П. Мятеж, который сверг Россию в Гражданскую войну // Диалог. – М., 1996. – № 7. – С. 57-71.
- 6.7. Голуб П. Из истории Гражданской войны в России // Диалог. – М., 2001. – № 3. – С. 49-71.
- 6.8. Дневник В.Н. Пепеляева // Красные зори. – Иркутск, 1923. – № 4. – С. 80-95.
- 6.9. Жук А.В. Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы первой мировой войны // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2000. – № 5-6. – С. 341-351.
- 6.10. Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 7-23.
- 6.11. Иоффе Г. Играть с огнем в деревянных домах опасно // Московские новости. – 1992. – 12 июля. – № 28.
- 6.12. Искендеров А.А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия // Вопросы истории. – 2003. – № 10. – С. 75-95.

- 6.13. Кручинин А.М. «Дашь Екатеринбург!»: Военные действия в районе г. Екатеринбурга в августе 1918 г. // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1999. – № 6. – С. 13-23.
- 6.14. Кузнецов А. Казань под властью чехо-учредивцев (5 августа–9 сентября 1918 г.) // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 55-70.
- 6.15. Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство (июль-ноябрь 1918) // Вопросы истории. – 1979. – № 12. – С. 90-109.
- 6.16. Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. – 1970. – № 5. – С. 141-149.
- 6.17. Малевич О.М. Томаш Гарриг Масарик // Вопросы истории. – М., 2004. – № 11. – С. 58-80.
- 6.18. Моравский С. Восстание чехо-словаков в Сибири // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 22-29.
- 6.19. Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 2000. – № 7. – С. 5-17; 2000. – № 8. – С. 5-21.
- 6.20. Отчет о митинге, посвященном истории самарского переворота // Вестник Комуча. – 1918. – 6 сентября.
- 6.21. Партия социалистов – революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 3-18.
- 6.22. Плешкевич Е.А. Временное Областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования // Отечественная история. – М., 2003. – № 5. – С. 30-35.
- 6.23. Плотников И. Восстание Чехословацкого корпуса // Уральский федеральный округ (УРФО). – Екатеринбург, 2003. – № 6. – С. 46-47.
- 6.24. Резолюция крестьянского съезда // Симбирское слово. – 1917. – 2 ноября.
- 6.25. Рейснер Л. Казань (Лето и осень 1918 года) // Пролетарская революция. – 1922. – № 12. – С. 180-196.
- 6.26. Речь П.Д. Климушкина // Вестник Комуча. – Самара, 1918. –

6 сентября.

6.27. Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. – 1940. – № 12. – С. 47-61.

6.28. Трукан Г.А. Верховный правитель России // Отечественная история. – М., 1999. – № 6. – С. 27-46.

6.29. Хабас Р. К истории борьбы с чехословацким мятежом // Пролетарская революция. – 1928. – № 5. – С. 56-65.

6.30. Цветков В. Мятеж: Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. – М., 2001. – № 6. – С. 55-61.

6.31. Юрченко В. Мятеж, которого не было // Родина. – М., 1994. – № 1. – С. 28-34.

6.32. Вестник Комуча. 1918. 26 сентября. (Самара).

6.33. Голос рабочего. 1918. 7 ноября. (Уфа).

6.34. Голос рабочего. 1918. 23 ноября. (Екатеринбург).

6.35. Земля и воля. 1918. 5 июля. (Самара).

6.36. Известия войск Восточного фронта. 1918. 26 августа. (Иркутск).

6.37. Известия ВЦИК. 1918. 1 ноября.

6.38. Народ. 1918. 30 ноября. (Уфа).

6.39. Правительственный вестник. 1918. 14 декабря. 1919 3 января, 21 января, 31 января. (Омск).

6.40. Русская Армия. 1919. 8 июня, 12 июля. (Омск).

6.41. Уфимская жизнь. 1918. 25 августа. (Уфа).

6.42. Ческословенски денник. 1918. 1 апреля, 18 сентября; 1919. 16 октября.

VII. Мемуарная литература, воспоминания

7.1. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922. – М., 1998. – 368 с.

7.2. Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. – Париж, 1919. – 47 с.

- 7.3. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. (Из цикла «6 лет» 1917-1923 гг.). – Новониколаевск, 1925. – 564 с.
- 7.4. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам: Воспоминания. – М., 1957. – 358 с.
- 7.5. Будберг А. Дневник белогвардейца: (Колчаковская эпопея). – Л., 1929. – 302 с.
- 7.6. Гай Г.Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. – М., 1931. – 47 с.
- 7.7. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства): в 2 т. – Пекин, 1921. – Т. 1. – 325 с.
- 7.8. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства): в 2 т. – Пекин, 1921. – Т. 2. – 546 с.
- 7.9. Гудошников М.А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. – Иркутск, 1959. – 206 с.
- 7.10. Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). – Владивосток, 1921. – 212 с.
- 7.11. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. – М.–Пг., 1923. – 360 с.
- 7.12. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. – М., 1963. – 156 с.
- 7.13. Постышев П.П. Гражданская война на Востоке Сибири (1917–1922 гг.). – М., 1957. – 63 с.
- 7.14. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. – М., 1982. – 188 с.
- 7.15. Садуль Ж. Записки о большевистской революции 1917–1919. – М., 1990. – 400 с.
- 7.16. Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сб. воспоминаний. – Ульяновск, 1958. – 488 с.
- 7.17. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири: 1918–1922. – М.–Пг., 1923. – 172 с.

- 7.18. Утгоф В.Л. Уфимское Государственное Собрание 1918 года: из воспоминаний участника // Былое. – Петроград, 1921. – № 16. – С. 15-41.
- 7.19. Филиппов Н.С. Поезд смерти. – Куйбышев, 1940. – 119 с.
- 7.20. Чехо-словаки в Самаре. – М., 1918. – 14 с.

VIII. Справочная литература

- 8.1. Большая советская энциклопедия: В 51 т. – М., 1958. – Т.18. – 620 с.
- 8.2. Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). – М., 2000. – 410 с.
- 8.3. Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. – М.-СПб., 2002. – 671 с.
- 8.4. Гражданская война и военная интервенция в СССР // Энциклопедия – М., 1983. – 702 с.
- 8.5. Гражданская война и военная интервенция в СССР // Энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. С.С. Хромов. – М., 1987. – 720 с.
- 8.6. Дюпон Р.Э., Дюпон Т.Н. Всемирная история войн: Харперская энциклопедия военной истории с комментариями издательства «Полигон»: В 4 кн. – СПб., 1997. – Кн. 3: 1800–1925. – 1016 с.
- 8.7. Советская военная энциклопедия: В 10 т. – М., 1980. – Т.8. – 473 с.

IX. Зарубежная историография проблемы

9.1. Мемуарная литература, воспоминания, научные труды.

- 9.1.1. Бенеш Э. Речи и статьи. Вып. I. / Авторизованный перевод с чешского Н.Ф. Мельниковой-Папоушек / – Прага, 1925. – 263 с.
- 9.1.2. Велеховский Ф. Чехословаки в России. – Екатеринбург, 1918. – 39 с.
- 9.1.3. Веселы И. Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. – М.,

1965. – 182 с.

9.1.4. Гайда Р. Мои воспоминания. Анабазис чехословаков. Обратно на Урал против большевиков. Адмирал Колчак. РГВА.Ф.40169.Оп.1.Д.1.

9.1.5. Ган А. Россия и большевизм. – Шанхай, 1921. – Т.1. – 350 с.

9.1.6. Голечек В. Чехословацкое войско в России. – Иркутск, 1919. – 86 с.

9.1.7. Гоппер К.И. Четыре катастрофы. Воспоминания. – Рига, 1920. – 168 с.

9.1.8. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920 гг.). – М., 1932. – 248 с.

9.1.9. Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 5 т. – Париж – Берлин, 1921–1926.

9.1.10. Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914–1920 гг. – Париж–Прага, 1928. – 219 с.

9.1.11. Ирджи С. Возникновение и борьба чехословацкого корпуса - основание чехословацкого государства. – М., 1934. – 121 с.

9.1.12. Каржанский Н. Чехо-словаки в России. – М., 1918. – 94 с.

9.1.13. Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге в 1918 г. // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. – С. 38-102.

9.1.14. Климушкин П.Д. Гражданская война на Волге. Ликвидация демократии. ГАРФ.Ф.5881.Оп.2.Д.405.

9.1.15. Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920: Воспоминания и документы. – Париж, 1930. – 173 с.

9.1.16. Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. – М., 1955. – 280 с.

9.1.17. Кратохвил Я. Путь революции. – Прага, 1922. – 256 с.

9.1.18. Куделя И.Ф. Зборов: Очерк истории чехословацкого революционного движения. – Челябинск, 1918. – 15 с.

9.1.19. Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. – Нью-Йорк, 1919. – 61 с.

9.1.20. Локкарт Б. История изнутри: Мемуары британского агента. – М.,

1991. – 320 с.

9.1.21. Масарик Т.Г. Мировая революция: Воспоминания в 2-х томах. – Т. I. – Прага, 1926. – 232 с. – Т. II. – Прага, 1927. – 391 с.

9.1.22. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: В 3 ч. – Белград, 1930–1931. – С. 50-56.

9.1.23. Муна А. Кто такие чехословаки. – М., 1918. – 8 с.

9.1.24. Пайпс Р. Русская революция. – М., 1994. – Ч. 2. – 584 с.

9.1.25. Пайпс Р. Россия при большевиках. – М., 1997. – 662 с.

9.1.26. Перейра Норман Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. – М., 1996. – 83 с.

9.1.27. Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). – Мюнхен, 1923. – 324 с.

9.1.28. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). – Берлин, 1930. – 136 с.

9.1.29. Серебренников И.И. Мои воспоминания. – Тяньцзинь, 1937. – 315 с.

9.1.30. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. – Токио, 1921. – 48 с.

9.1.31. Степанов А.П. Симбирская операция // Белое дело: Летопись белой борьбы. – Берлин, 1926. – Т. 1. – С. 84-94.

9.1.32. Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления. – Париж, 1985. – 345 с.

9.1.33. Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 г. – Шанхай, 1934. – 125 с.

9.1.34. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1953. – 416 с.

9.1.35. Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. – М., 1922. – 22 с.

9.1.36. Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. – Прага, 1930. – С. 165-213.

9.1.37. Gajda R. Moje paměti. Českosl. arabase. Zpět na Ural proti bolševikům. Admiral Kolcak. – Praha, 1921. – 178 s.

9.1.38. Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. – Praha (без даты). – 198 s.

- 9.1.39. Kratochvil J. Cesta revoluce. – Praha, 1922. – 250 s.
- 9.1.40. Masaryk T.G. Cesta demokracie. – Praha, 1933. – 173 s.
- 9.1.41. Najbrt V. Rozlet a rozlom sibiřského bratstva. – Brno, 1936. – 116 s.
- 9.1.42. Repka J. II sjezd československého vojsko na Rusi. – Praha, 1928. – 230 s.

9.2. Периодическая печать

- 9.2.1. Брушвит И.М. Как готовилось волжское выступление // Воля России. – Прага, 1928. – № 10-11. – С. 91-95.
- 9.2.2. В. Двадцать лет назад. Переворот в Новониколаевске // Луч Азии. – Харбин, 1938. – № 46. – С. 6, № 47. – С. 7.
- 9.2.3. Глос И. Чехословаки и Сибирская Областная Дума // Вольная Сибирь. – Т.IV. – Прага, 1928. – С. 28-35.
- 9.2.4. Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. – Т.IV. – Прага, 1928. – С. 48-56.
- 9.2.5. Климушкин П.Д. Перед Волжским восстанием // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 211-233.
- 9.2.6. Лебедев В.И. «Чехословацкий фронт» и московский процесс // Воля России. – Прага, 1922. – № 23-24. – С. 7-16.
- 9.2.7. Николаев С. Возникновение и организация Комуча // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 234-242.
- 9.2.8. Николаев С.Н. Народная армия в Симбирске // Воля России. – Прага, 1928. – № 10-11. – С. 112-134.
- 9.2.9. Новости жизни. 1918. 13 декабря. (Харбин).
- 9.2.10. Серебренников И.И. К истории Сибирского Правительства // Сибирский архив. – Прага, 1929. – Т.1. – С. 15-30.
- 9.2.11. Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 246-266.
- 9.2.12. Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России // Вольная Сибирь.

– T.IV. – Praha, 1928. – С. 20-28.

9. 3. Архивные и документальные материалы по проблеме

9.3.1. Naše revoluce. Roč 3. Sv. 3-4.

9.3.2. Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914-1920. D.1. – Praha, 1926. – 345 s.

**Название стрелковых полков Чехословацкого корпуса на 17
октября 1917 г.¹**

1-я Чехословацкая стрелковая дивизия

- 1-й чехословацкий стрелковый полк имени Яна Гуса.
- 2-й чехословацкий стрелковый полк имени Юрия из Подсбрад.
- 3-й чехословацкий стрелковый полк имени Яна Жижки.
- 4-й чехословацкий стрелковый полк имени Прокопа Великого.

2-я Чехословацкая стрелковая дивизия

- 5-й чехословацкий стрелковый полк Пражский Фомы Масарика.
- 6-й чехословацкий стрелковый Ганацкий полк.
- 7-й чехословацкий стрелковый Татранский полк.
- 8-й чехословацкий стрелковый Силезский полк.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2003.Оп.2. Д.342.Л.67.

Телеграмма Народного Комиссара по военным делам**Л.Д. Троцкого¹**

Омск, Краесовету, Запсибдепу, всем совдепам по железнодорожной линии от Пензы до Омска, всем военным комиссариатам по железнодорожной линии от Пензы до Омска. Москва Комиссару путей сообщения Кобозеву для соответствующего распоряжения по железным дорогам.

Все советы по железной дороге обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооружённым на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооружённый, должен быть выброшен из вагонов и заключён в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссариаты обязуются немедленно выполнять этот приказ. Всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару.

Одновременно высылаются в тыл чехословацким эшелонам надёжные силы, которым поручено проучить мятежников.

С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся советской власти, будет поступлено как с братьями. Им будет оказана всяческая поддержка. Всем железнодорожным частям сообщается, что ни один вагон с чехословаками не должен двигаться на Восток.

Кто уступит насилью и окажет содействие чехословакам в продвижении на Восток будет сурово наказан.

Настоящий приказ прочесть всем железнодорожным служащим по месту нахождения чехословаков. Каждый военный комиссар обязан об исполнении донести.

Народный комиссар по военным и морским делам Л.Д. Троцкий

25 мая 1918 г.

¹ ГАРФ. Ф.130.Оп.2.Д.636.Л.33.

Телеграмма**Советскому правительству о решении съезда депутатов
Чехословацкого корпуса из Челябинска¹ [май 1918 г.]**

Съезд депутатов чехословацкого корпуса Челябинска постановил передать верховное руководство транспортом Чехо-Словацких войск исключительно съездом избранному временному исполнительному комитету. Распоряжения других представителей Чешско-Словацких органов объявляются недействительными.

Относительно приказов представителя чешско-словацкого Совета Москвы и военкома Аралова о сдаче оружия съезд единодушно постановил оружия до Владивостока не сдавать, считая оружие гарантом безопасности в своём продвижении. Обеспечение учреждениями Советской федеративной республики ввиду неопределённости общего положения неудовлетворительно.

Съезд протестует против замечаемых попыток разоружить и остановить чехословацкие эшелоны и всякую попытку такого рода считать насильственным действием.

Принимая необходимые меры предосторожности, Чехословацкий исполнительный комитет не лишён надежды, что советская власть не захочет препятствовать отходу революционных чехословацких войск, стремящихся на тот фронт куда нас зовет интерес нашего народа. Мы тем более надеемся на мирный исход из запутанного положения, что всякое столкновение лишь бы осложняло положение местных органов советской власти Сибири.

Председатель Чехословацкого Временного
исполнительного комитета Богдан Павлу
секретарь Франц Рихтер

¹ ГАРФ. Ф.130.Оп.2.Д.636.Л.37-39.

**Извещение Уполномоченного Временного правительства по
Западной Сибири об эшелонах чехословаков¹ [июнь 1918 г.]**

Освобождение Сибири от самодержавия большевиков происходит при поддержке корпуса чехо-словаков, перешедших во время войны в ряды русской армии для совместной борьбы с Германией и Австро-Венгрией за политическое и национальное освобождение всех славянских народов.

После заключения Брестского мирного договора, так называемый Совет Народных Комиссаров обязался беспрепятственно доставить их на французский фронт, где они могли бы продолжать борьбу с Германией и Австрией за освобождение своей страны.

Но в виду того, что Ленин и Троцкий под давлением Германии не сдержали своего обещания и попытались перевести чехо-словаков на положение военнопленных без всяких гарантий невыдачи их Германии, что означало бы собой верную смерть для этих борцов за освобождение своей страны, они вынуждены были взять в свои руки железнодорожную магистраль и обеспечить себе таким образом свободное передвижение во Владивосток. Сибирское Правительство предоставит им выбрать отправку во Францию или продолжение борьбы с Германией в рядах русской армии. Никакого вмешательства во внутреннюю жизнь страны с их стороны Правительством и его уполномоченными допущено не будет, да они к этому и не стремятся.

Они действуют совместно с отрядами Сибирского Правительства, слившись с ними, в полном подчинении Командующему Западно-Сибирским военным округом и его штабу.

Уполномоченные Временного Правительства по Западной Сибири

Члены всероссийского Учредительного Собрания: Павел Михайлов, Михаил Линберг, Павел Марков.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.Р-41. Оп.1. Д.119. Л.11.

**Объявление командующего войсками Екатеринбургской группы,
Генерал – Майора Гайды о наборе добровольцев в русско-чешские
полки¹ [август-сентябрь 1918 г.]**

Сим объявляю,

что при штабе 2 - ой Чешскословацкой стрелковой дивизии в городе Екатеринбурге приступлено к формированию русско-чешских добровольческих полков.

Полки будут формироваться по примеру Чешскословацкой армии, на основании твердой братской дисциплины. Что касается жалованья и других видов довольствия, добровольцы приравниваются к добровольцам Чешскословацкой армии.

Желающим поступить добровольцами в чешско-русские полки явиться на сборный пункт, вокзал – Екатеринбург.

Призываю всех русских патриотов, не подлежащих объявленной мобилизации, поступить добровольцами в эти части, имеющие цель бороться с общим врагом Славянства – Мадьяро – Германцами и их орудием – большевиками.

Командующий войсками Екатеринбургской группы,
Генерал – Майор ГАЙДА.

За Начальника Штаба 2-й чехословацкой дивизии
Генерал – Майор ГУСАРЕК.

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф.Р.-1951.Оп.1.Д.57.Л.178.

Обращение командующего чехословацкими частями генерал-майора С. Чечека к населению Поволжья¹ [сентябрь 1918 г.]

Казань пала, Симбирск очищен нашими войсками, из Вольска мы отступили. Как бы ни печальны были эти факты, мы не отчаиваемся. Мы уже пережили более тяжёлые времена, чтобы теперь сохранить полное спокойствие и хладнокровие, к чему и всех вас братья русские призываем. События, о которых мы вам честно и открыто сообщили, являются следствием превосходства сил врага, которым уже командуют германские офицеры, во главе с австрийским генералом. Не забывайте, что внутренняя война за Учредительное собрание на днях превратилась в регулярную войну с захватчиками германцами, с которыми заключила достойный её союз социалистическая власть русское – СНК, которое к нашему сожалению, всё-таки пользуется у многих из вас для нас непонятными симпатиями. Не забывайте, что несут вам на штыках подходящие советско-германские войска. Горе русским рабочим и горе русским крестьянам. Горе русской независимости над чем пусть задумаются те, кто в последнее время приняли германскую ориентацию. Такая перемена взглядов означает совершенно падение духа, недостойное великого русского народа. Второй причиной этих неудач является то обстоятельство, что вся тяжесть борьбы лежала на чехословацких солдатах, которые в течение трёх с половиной месяцев проявляли сверхчеловеческие усилия, чтобы дать возможность русскому народу собраться, организовать. Но, к сожалению, долгое время прошло почти даром. Мы далеко не встретили той поддержки и того понимания, на которое мы вправе были рассчитывать, когда решили протянуть русскому народу бескорыстную свою братскую руку. Неужели мы должны сомневаться – желает ли русский народ действительно у себя порядка народовластия, свободы и союза с остальными демократическими культурными народами или предпочитает советскую власть, которая

¹ ГАРФ. Ф.6082. Оп.1. Д.20. Л.1-3.

является отделом берлинского правительства, с которым она заключила позорный союз. Положение наше в Самаре крепкое. Самаре не угрожает пока никакая опасность. Не верьте, граждане, ложным слухам, они исходят от наших и ваших врагов. Мы пред вами, граждане, ничего не будем скрывать. Мы с вами братья, мы свою судьбу связали с вашей, мы честно с открытыми картами выступили на защиту Учредительного собрания и действовали до сих пор и будем впредь действовать только в согласии с вашими избранниками. Мы идём честно вперёд и никогда наш солдат не будет орудием в руках тех или иных отдельных партийных групп и мы можем действовать только в интересах большинства русского народа, руководимого настоящими его народными вождями. Помогайте нам в великом деле возрождения Вашей великой Родины, которая на время тяжело заболела. Это святая обязанность всех вас, граждане, считающих себя честными и свою Родину любящими людьми. Мы свою горячую любовь и преданность русскому народу на деле показали, пусть наш солдат увидит такую же любовь и преданность и у самих же сынов измученного русского народа. Мы сплотимся в единую массу и окажем дерзкому врагу сопротивление, достойное наших великих предков.

Союзники, которые уже несут подкрепление, пусть найдут нас сплочёнными. Казань, Симбирск – это последние усилия врага, который уже близок к падению, уже недалёк час, когда на европейском горизонте появятся тучи счастливого мира. Мы заявляем вам, граждане, что Казань и Симбирск в скором времени будут взяты обратно и опять будут в наших руках, но на этот раз уже навсегда, потому что на этот раз Казань будет взята по приказу чешского командования. На этот раз мы не остановимся перед Казанью и пойдём дальше и принесём на штыках своих измученной матушке Москве приветствия от всех вас, граждане, от всей, уже освобождённой России.

Ген-майор Чечек, главнокомандующий Поволжским фронтом

Капитан Медек, член отделения ЧНС для России

Доктор Влассак, управляющий военным ведомством

Чехословацкий меморандум к представителям союзных держав¹

Невыносимое состояние, в котором находится наша армия, вынуждает нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия может обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чём разрешен с согласия всех союзных держав. Войско наше согласно было охранять Магистраль и пути сообщения, в определённом ему районе и задачу эту выполняло вполне добросовестно.

В настоящий же момент пребывание нашего войска на магистрали и охрана её становятся невозможными просто по причине бесцельности, равно как и вследствие самых элементарных требований справедливости и гуманности. Охраняя железную дорогу и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено против своего убеждения поддерживать и охранять то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось. Под защитой чехословацкий штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснётся весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избивание мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда – представителей демократии, по простому подозрению в политической неблагонадёжности, составляют обычное явление, и ответственность за все перед судом народов всего мира ложится на нас. Почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию. Такая наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела, и она, таким образом, причина того, что мы, соблюдая полную лояльность, против воли своей становимся соучастниками преступлений. Извещая об этом представителей союзных держав, чьим верным союзником чехословацкий народ и войско был, есть и всегда будет. Мы считаем необходимым, чтобы они всеми средствами постарались довести до всеобщего сведения народов

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.40169.Оп.1.Д.3.Л.3.3об.

мира, в каком морально-трагическом положении оказалась чехословацкая армия и какова причина этого. Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как в лишь, в немедленном возвращении домой из этой страны, которая была поручена нашей охране и в том, чтобы до осуществления этого возвращения нам была предоставлена свобода к воспрепятствованию бесправию и преступлениям, с какой бы стороны они не исходили.

Б. Павлу. В. Гирса.

Иркутск, 13 ноября 1919 г.

**Выписка из условий мирного договора между председателем
Сибирского
ревкома и члена революционного совета 5-й армии Смирновым и
уполномоченным от чехословацкого войска по подписанию
мирного
соглашения поручиком Губ [7 февраля 1920 г.]¹**

1. При передвижении чехословацких войск на восток для следования на Родину устанавливается нейтральная зона между арьергардом чеховоиск и авангардом советских войск на расстоянии от депо до депо. Причем ни советские, ни чехословацкие армии не будут предпринимать боевых действий в нейтральной зоне по линии железной дороги по ее меридиану и воздуху. Нейтральная зона определяется расстоянием между следующими станциями: Зима - Половина - Иннокентьевская - Слюдянка - Мысовая и следующими деповскими дистанциями.
2. Скорость передвижения будет происходить в зависимости от технических условий, которые будут доноситься советской армией ее представителям, находящимся в чехословацком арьергарде. Чехословацкое командование обязуется со своей стороны принимать все меры к быстрейшем продвижению частей на восток.
3. Для содействия чеховоискам в передвижении и урегулировании их отношений с железнодорожным революционным советом 5-й армии, командирует своего представителя в г. Иркутск для совместной с чехословацкими уполномоченными организации достижения по железной дороге, как в смысле продвижения чеховоиск на восток, так и встречного движения на запад. Встречное движение на запад допускается лишь в том случае, если оно не будет нарушать плановости эвакуации чехословацких эшелонов на восток.
5. Чеховоиска оставляют адмирала Колчака и его сторонников,

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 469. ЛЛ. 7-13.

арестованных иркутским ревкомом в распоряжении Советской власти под охраной советских войск и не вмешиваются в распоряжения советской власти в отношении арестованных.

6. Золотой запас, принадлежащий РСФСР ни в каком случае не вывозится на восток и остается в Иркутске, охраняется смешанными караулами чехословацких и русских войск и передается Иркутскому исполнительному комитету при уходе последнего чешского эшелона из Иркутска.

7. Чеховойска следуют на восток только лишь в составе своих войсковых соединений. Войсковыми соединениями понимаются румынские, латышские и юго-славянские части, находящиеся под общим союзным командованием, которые подчиняются всем пунктам настоящего договора. Зачисление русского офицерского состава в ряды чешских частей с подписанием настоящего соглашения прекращается.

8. Чеховойска обязуются держать нейтралитет в отношении отрядов, действующих против Советской власти и не оказывать им никакого содействия.

9. Все мосты и водокачки, железнодорожные постройки, имеющие важное значение, охраняются в нейтральной зоне местными советскими отрядами и после ухода чехословаков на восток передаются в полной целости. Советская власть командует своих представителей при караулах охраняющих туннели. Чеховойска обязуются передать туннели советским войскам в полном исправном виде.

10. Чеховойска обязуются не эвакуировать с собой военное имущество армии Колчака за исключением военного имущества приобретенного чеховойсками.

11. Чеховойска обязуются не эвакуировать железнодорожное имущество за исключением подвижного состава и топлива и смазочных средств, необходимых для их передвижения. Чеховойска обеспечивают возвращение паровозов и подвижного состава по достижении ими конечного пункта. Для

наблюдения исполнения этого реввоенсовет 5-й армии назначает своего представителя.

12. Чеховойска возвращают советской власти для восстановления разрушенных железнодорожных сооружений все восстановительное имущество и средства принадлежащие железной дороге.

14. Для наблюдения за правильностью выполнения условий мирного соглашения командование советских войск имеет двух представителей в арьергарде чеховойск, а чеховойска двух представителей в авангарде советских войск.

16. Чехословаки, румыны, латыши и юго-славяне, оставшиеся по независящим от них обстоятельствам на территории Советской России уходят вместе с последними эшелонами. Куда они будут доставлены с места их нахождения.

17. Чеховойска обязуются передать ст. Зима депо и железнодорожный мост через реку Ока авангарду Красной Армии 7 февраля - в 12 часов дня по московскому времени...

18. Настоящее соглашение входит в силу с момента его подписания членами революционного совета 5-й армии тов. Смирновым и представителем чеховойск поручиком Губ.

19. Несоблюдение одной из сторон какого-либо пункта соглашения влечет за собой нарушение мирного соглашения. Об открытии военных действий предупреждаются находящиеся в армии представители за 24 часа.

Уполномоченный СНК РСФСР по подписанию условий мирного соглашения председатель Сибирского ревкома и член революционного совета 5-й армии Смирнов.

Уполномоченный чехословацких войск по подписанию условий мирного

соглашения с Советской Красной Армией поручик Губ.

9 часов по моск. времени, 7 февраля 1920 г.

г. Куйтун.

**Хронологическая таблица событий, связанных с деятельностью
Чехословацкого корпуса в России**

№ п/п	Дата	Событие
1.	12 августа 1914 г.	Советом министров Российской империи одобрен проект формирования «чешской дружины» из числа добровольцев чешской и словацкой национальностей, подданных России.
2.	11 октября 1914 г.	«Чешской дружине» вручено боевое знамя
3.	22 октября 1914 г.	«Чешской дружина» направлена на фронт в распоряжение командующего 3-й армией генерала Радко Дмитриева.
4.	19 ноября 1914 г.	Первый бой «чешской дружины» у деревни Недзелиска и Боржучи в Западной Галиции.
5.	31 декабря 1914 г.	«Чешская дружина» переименована в первый чехословацкий стрелковый полк.
6.	10 июня 1916 г.	Николай II одобрил рапорт Военного министра генерала Д.С. Шуваева о формировании отдельного чехословацкого соединения.
7.	24 марта 1917 г.	Военным советом России утверждено положение о формировании чехословацкого войска из числа военнопленных.
8.	18 июня 1917 г.	Сражение под Зборовым.
9.	22 августа 1917 г.	Приказ Верховного главнокомандующего №785 о формировании двух чехословацких

		стрелковых дивизий.
10.	26 сентября 1917 г.	Приказ Начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина №613 о формировании Чехословацкого корпуса.
11.	15 января 1918 г.	Правительство Франции признало Чехословацкий корпус частью своей армии.
12.	16 февраля 1918 г.	Председатель ЧНС и командующий революционными войсками Южного фронта А.А. Муравьев заключили соглашение об уходе чехословацких войск с территории Украины.
13.	26 марта 1918 г.	В Курске заключено соглашение между представителями ЧНС в России и представителем СНК в лице И.В. Сталина по передвижению эшелонов с Чехословацким корпусом во Францию через Владивосток.
14.	14 мая 1918 г.	Вооруженный конфликт между чехословацкими частями и Челябинским Советом.
15.	22 мая 1918 г.	Съезд депутатов чехословацких частей отказался выполнить распоряжение представителей ЧНС в России о сдаче оружия. Верховное командование чехословацким транспортом передано Временному исполнительному комитету.
16.	25 мая 1918 г.	20 часов телеграмма Л.Д. Троцкого местным Советам о полной остановке и разоружении чехословацких эшелонов от Пензы до

		Владивостока.
17.	25 мая 1918 г.	Вооруженные столкновения чехословаков с местными властями в Мариинске и под станцией Марьяновка. Начало крупномасштабных боевых действий частей Чехословацкого корпуса против отрядов Красной Армии.
18.	27 мая 1918 г.	Части Чехословацкого корпуса захватили Челябинск и Новониколаевск.
19.	27 мая 1918 г.	Части Чехословацкого корпуса захватили Пензу.
20.	8 июня 1918 г.	В Самаре при поддержке чехословацких войск провозглашено правительство Комуча.
21	29 июня 1918 г.	Чехословацкие части при помощи оружия устранили Владивостокский Совет.
22.	6 июля 1918 г.	Представители союзников подписали декларацию, указывающую на интервенцию союзнических войск на Дальний Восток в целях поддержки и обеспечения безопасности чехословацких войск. Провозглашение открытой интервенции иностранных государств на Дальнем Востоке.
23.	6 июля 1918 г.	Части Пензенской и Челябинской групп Чехословацкого корпуса соединились на станции Миньяр.
24.	11 июля 1918 г.	Чехословацкие части захватили Иркутск.
25.	25 июля 1918 г.	Чехословацкие части захватили Екатеринбург.

26.	7 августа 1918 г.	Чехословацкие части заняли Казань.
27.	19 августа 1918 г.	При поддержке чехословаков в Екатеринбурге образовано Временное областное правительство Урала.
28.	30 августа 1918 г.	Сибирская группировка Чехословацкого корпуса на станции Оловянной соединилась с войсками атамана Г.М. Семёнова.
29.	10 сентября 1918 г.	Части Красной Армии освободили Казань. Спад военной активности Чехословацкого корпуса.
30.	23 сентября 1918 г.	В Уфе под влиянием представителей союзников и командования Чехословацкого корпуса сформировано Временное всероссийское правительство (Уфимская Директория).
31.	28 октября 1918 г.	Провозглашение независимости Чехословацкой республики.
32.	31 октября 1918 г.	Нота Народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина Временному чехословацкому правительству о предоставлении возможности, при условии сложения оружия, проследовать Чехословацкому корпусу через Россию на родину.
33.	3 ноября 1918 г.	Приказ председателя РВСР Л.Д. Троцкого о возможности пропуска чехословацких эшелонов в Чехословакию, при условии сдачи оружия.
34.	4 ноября 1918 г.	Воззвание ВЦИК к солдатам чехословацкой армии с предложением о мире и

		возможности пропуска чехословацких эшелонов на родину.
35.	13 ноября 1919 г.	Опубликован меморандум представителей Чехословацкой Республики в России В. Гирсы и Б. Павлу.
36.	17–18 ноября 1919 г.	Путч эсеров, большевиков и чехословацких военных частей под командованием генерала Р. Гайды во Владивостоке.
37.	7 февраля 1920 г.	Подписание Куйтунского мирного договора между представителями реввоенсовета 5-й армии и представителями чехословацких войск о пропуске чехословаков во Владивосток для эвакуации на родину.
38.	3 марта 1920 г.	Иркутск покинул последний чехословацкий эшелон.
39.	2 сентября 1920 г.	Последний морской транспорт с военными чехословацкой армии покинул порт Владивосток.

**Краткие биографии военно-политических лидеров
Чехословацкого корпуса и государственных деятелей
небольшевистских правительств востока России**

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), родился 29 ноября 1878 года в г. Пензе. Учился в Московском университете, завершил образование в Германии. Защитил докторскую диссертацию по философии И. Канта и Ф. Ницше. Один из создателей и идеологов партии эсеров. За активное участие в революции 1905–1907 гг. был сослан в г. Обдорск. Но из ссылки бежал и до 1917 г. жил в Париже, занимался литературной работой: редактировал центральный орган партии эсеров «Знамя труда», сотрудничал в ряде журналов. После февральской резолюции вернулся в Россию, вошел в Совет крестьянских депутатов и был избран председателем Совета. Короткое время занимал пост министра внутренних дел в правительстве А.Ф. Керенского. Стал председателем предпарламента, активно участвовал в подготовке Учредительного собрания. После октября 1917 г. - участник различных, антибольшевистских организаций. Вошел в число организаторов и руководителей Комитета спасения Родины и революции и Союза защиты Учредительного Собрания. Был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, освобожден при помощи левых эсеров. В марте 1918 г. участвовал в создании «Союза возрождения» России, как член «Союза» отправляется на восток страны для подготовки там антибольшевистского переворота. На Уфимском Государственном Совещании был избран председателем Временного всероссийского правительства. После прихода к власти правительства А.В. Колчака выслан в Китай; оттуда эмигрировал в Париж. С 1940 г. жил в Нью-Йорке.

Бенеш Эдуард (1884–1948), родился в большой крестьянской семье в Кожланах 28 мая 1884 г. Получил блестящее образование, изучая философию в Карловом университете, литературу - в Сорбонне, право - в Дижоне, слушая лекции известных профессоров в берлинском университете.

Прекрасно знал французский, английский, немецкий языки, глубоко интересовался социологией, искусством. С 1918 г. по 1935 г. министр иностранных дел Чехословакии. Бенеш оказывал большое влияние и на внутреннюю политику страны. В 1921–1922 гг. он занимал пост заместителя правительства, в 1919–1926 гг. и в 1929–1935 гг. избирался депутатом национального собрания. Бенеш принимал активное участие в создании и деятельности Лиги Наций, в 1923–1927 гг. был членом её Совета, а в 1927 – 1928 гг. – председателем комитета безопасности. Он представлял Чехословакию на многочисленных международных форумах, шесть лет избирался председателем Совета Лиги Наций и один раз председателем её Ассамблеи. В 1935 г. Бенеш, исходя из экономических и политических соображений, заключил советско-чехословацкий договор, предусматривающий оказание взаимной помощи, если таковую стране-жертве агрессии предоставит Франция. В этом же году становится президентом Чехословакии и остаётся им до 1938 г. После распада Чехословакии и оккупации Чешских земель фашистской Германией в марте 1939 г. Бенеш создаёт в США центр «чехословацкой заграничной акции», вернувшись летом того же года в Европу, пытается объединить все некоммунистическое чехословацкое сопротивление за рубежом и возглавить его. В декабре 1943 состоялся визит Бенеша в Москву по вопросам обустройства послевоенной Европы и сотрудничества СССР и Чехословакии. С 1946 президент Чехословакии. Бенеш поставил перед собой задачу балансирования между Западом и Востоком, но в новых условиях начавшейся «холодной войны» оно стало нереальным. Умер в 1948 г.

Войцеховский Сергей Николаевич (1883–1951), родился 16 октября 1883 г. Сын кадрового военного. Образование: реальное училище; артиллерийское училище; окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1912). В начале 1917 г. подполковник, штаб-офицер для поручений при штабе 20-го армейского корпуса. С 7 августа 1917 г. назначен на должность начальника штаба 1-й Чехословацкой дивизии. С 23 февраля 1918

г. командир 3-го Чехословацкого полка имени Я. Жижки. 27 мая назначен приказом командира корпуса командующим войсковыми частями Челябинской группы. С 11 июня 1918 г. полковник и назначен временно исполнять обязанности начальника штаба корпуса без освобождения от других должностей. 17 октября 1918 г. произведен Чехословацким Национальным Советом в генерал-майоры и назначен командующим Самарской группой войск. В январе 1919 г. допущен к командованию 2-м Уфимским армейским корпусом, затем возглавил Уфимскую группу войск. В июле 1919 г. возглавил 2-ю армию.

26 января 1920 г. после смерти В.О. Каппеля генерал-лейтенант Войцеховский стал главнокомандующим колчаковских войск. 20 февраля 1920 г. Войцеховский был назначен Главнокомандующим вооруженными силами Российской Восточной окраины. Из-за разногласий с атаманом Г.М. Семеновым 27 апреля Войцеховский оставил службу и после недолгого пребывания в Маньчжурии эмигрировал в Чехословацкую республику.

В 1921 г. Войцеховский принял чехословацкое гражданство и был принят на службу в армию Чехословацкой Республики. Три года генерал Войцеховский командовал 24-й пехотной бригадой, четыре года - 9-й пехотной дивизией и почти восемь лет был командующим военного округа Брно. Во время немецкой оккупации генерал Войцеховский был одним из руководителей чешской подпольной армии «Обрана Народа».

В мае 1945 г. 62-летний генерал был арестован советской контрразведкой СМЕРШ и насильно вывезен в СССР. 15 сентября 1945 года был осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Умер 7 апреля 1951 г. в заключении.

Вологодский Петр Васильевич (1863–1937), родился 30 января 1863 г. в деревне Комаровой Капского уезда Енисейской губернии в семье сельского священника. В 1884 г. окончил Томскую гимназию и поступил на юридический факультет Императорского Петербургского университета. Однако спустя 3 года при переходе на 4 курс как «неблагонадежный» был

исключен из данного учебного заведения без права поступления в другие высшие учебные заведения. Ему все же удалось добиться разрешения держать экзамены в Харьковском университете. Его послужной список начинается с должности столоначальника Томского губернского суда, затем был заседателем Барнаульского окружного суда, младшим делопроизводителем в судебном столе канцелярии Степного генерал-губернатора, судьей г. Верного, товарищем семипалатинского областного прокурора, после 1897 г. - присяжным поверенным. В 1894 г. был произведен в чин коллежского секретаря. Был членом партии эсеров. Прошел во II-ю Государственную Думу от прогрессистов города Томска.

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. Вологодского избрали в комиссариат по управлению Томской губернии, затем - председателем Омской губернской палаты. С января 1918 г. занимал пост министра иностранных дел в правительстве П.Я. Дербера. В июне 1918 г. становится председателем и министром иностранных дел Временного Сибирского правительства. В ноябре 1918 г. возглавил Совет министров Уфимской Директории. Постановлением Административного Совета Временного Сибирского правительства от 3 ноября 1918 г. П.В. Вологодскому присвоено звание почетного гражданина Сибири. С 19 ноября 1918 г. - премьер-министр правительства А.В. Колчака, входил в Совет Верховного правителя. С ноября 1919 г. Петр Васильевич - председатель комиссии по выборам в Учредительное собрание. Участвовал в совещании лидеров Комуча, на котором было принято решение о прекращении борьбы и переговорах с Красной Армией (декабрь 1919 г.). За требование поддержать большевиков в борьбе с Деникиным, исключен из партии правых эсеров, составил вместе с единомышленниками «меньшинство» правых эсеров и вошел в его оргбюро. Расстрелян по приговору выездной сессии Верховного суда СССР 4 октября 1937 г.

Гайда Радола (1892–1948), родился 14 февраля 1892 г. в г. Которе (Черногория). 1 октября 1910 г. Гайда был призван на действительную

военную службу в австро-венгерскую армию. Три года находился на военной службе, достиг младшего офицерского чина. Затем ушёл в отставку. С началом Первой мировой войны был мобилизован в австро-венгерскую армию. В сентябре 1915 г. сдался в плен и добровольно перешёл на службу в черногорскую армию. Весной 1916 г. был эвакуирован в Россию, где поступил в Чехословацкую бригаду, зачислен во 2-й чехословацкий стрелковый полк. 26 марта 1917 г. назначен командиром роты. 28 марта 1918 г. назначен командиром 7-го полка. В мае 1918 г. делегат Челябинского съезда, избран членом Временного исполнительного комитета. Возглавил восточную группу чехословацких войск. За успешные бои с частями Красной Армии 2 сентября 1918 г. присвоено звание генерал-майора. 26 сентября принял командование 2-й чехословацкой дивизией. Становится командующим Екатеринбургской группы белых, получает орден Святого Георгия 4-й ст. 1 января 1919 г. поступил на службу в армию А.В. Колчака и возглавил Сибирскую армию, получив звание генерал-лейтенанта. В июле 1919 г. был уволен из армии А.В. Колчака. 2 сентября 1919 г. по распоряжению Колчака Гайда был лишён всех наград и генеральского чина. 17 ноября возглавил путч против правительства Колчака во Владивостоке. После его подавления, покидает Россию и 11 февраля 1920 г. возвращается в Чехословакию. В 1922 г. окончил высшую военную школу в Париже. 1 декабря 1924 г. назначен первым заместителем начальника Главного штаба. 2 июня 1926 г. Р. Гайда был лишен всех наград и ему было предложено уйти в отпуск на неопределённый срок, ссылаясь на сведения о его «шпионаже» в пользу Советского Союза. 2 января 1927 г. избран лидером Национальной фашистской общины. Предпринимает многочисленные попытки организовать путч. Преследовался властями за антигосударственную деятельность, несколько раз подвергался тюремному заключению. В период Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, руководил чехословацким фашистским комитетом Святого Вацлава. В мае 1945 года арестован органами чехословацкой безопасности по обвинению в

коллорабационизме. После двухлетнего следствия 4 мая 1947 года Народный суд Чехословакии приговорил Гайду к двум годам заключения, а, поскольку большую часть этого срока он уже отсидел, через восемь дней после вынесения приговора опальный военачальник вышел на свободу. Через 11 месяцев после освобождения Радола Гайда скончался. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937), окончил Пажеский корпус в 1894 г. и Николаевскую академию Генштаба в 1900 г. Участник русско-японской и Первой мировой войн. 1 апреля 1915 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба армий Юго-Западного фронта. В начале 1917 г. генерал-майор, командир 2-й Особой пехотной бригады на солоникском фронте в Македонии. Затем служил в Ставке Верховного главнокомандующего. 26 сентября 1917 г. занял пост начальника штаба Чехословацкого корпуса, на котором находился до января 1919 г. 17 января 1919 г. по поручению А.В. Колчака возглавил следственную комиссию по делу об убийстве в Екатеринбурге членов царской семьи и других членов дома Романовых. С января 1919 г. начальник штаба Западного фронта. 11-22 июля 1919 г. командующий Восточным фронтом; одновременно с 10 августа по октябрь 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 10-27 августа – военный министр. После поражения войск направился в Харбин, где жил до 1922 г. 1 января 1922 г. после свержения правительства Меркулова принял власть как командующий войсками Временного Приамурского правительства.

В сентябре-октябре 1922 г. его войска были разбиты частями Красной Армии, после чего Дитерихс эмигрировал в Китай. 19 июня 1930 г. сменил генерала Ханжина на посту начальника Дальневосточного отдела РОВС; был почётным членом Офицерского собрания в Шанхае. Автор книги «Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале». Умер 8 октября 1937 г. в Шанхае.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920), русский учёный,

океанограф, путешественник, флотоводец. Участник нескольких полярных экспедиций. Лидер белого движения, Верховный правитель России, адмирал (1918), Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. До переворота 18 ноября 1918 г. занимал пост военного и морского министра во Временном всероссийском правительстве (Уфимская Директория).

В своей политике как Верховный правитель ориентировался на восстановление государственности, независимость страны. Решение задач о государственном устройстве откладывалось до созыва Учредительного собрания. Длительное время провел в поездках. Шесть раз посетил Екатеринбург, в который намеревался перенести свою ставку, четыре - Челябинск, дважды - Пермь, Уфу, Златоуст; участвовал в работе съезда представителей промышленных предприятий Урала и Зауралья (май 1919 г.) в Екатеринбурге. Организовал расследование обстоятельств убийства царской семьи. После ряда успехов колчаковской армии последовали поражения, а в октябре-ноябре 1919 г. она была разгромлена окончательно. После чего Колчак 12 ноября 1919 г. выехал из Омска на восток. 4 января 1920 г. отрекся от власти в пользу А.И. Деникина.

15 января 1920 г. А.В. Колчак был передан чехами эсеровскому «Политическому центру». Затем выдан в руки большевиков. По постановлению Иркутского ВРК расстрелян 7 февраля 1920 г. на берегу реки Ушаковка. Награжден орденами Св. Георгия 3-й и 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени с мечами, св. Анны 4-й степени и др. и золотой саблей с надписью «за храбрость», а также Большой Константиновской Золотой Медалью.

Масарик Томаш Гарриг (1850–1937), чехословацкий государственный и политический деятель, философ - позитивист, родился 7 марта 1850. Получил образование в Венском и Лейпцигском университетах. С 1876 доктор философии, в 1882–1914 профессор философии Пражского университета. Один из основателей (1889) либерально-политической группы

«Реалистов» (до 1890 связана с политической партией старочехов, затем с младочехами), либеральной Чешской народной (реалистической) партии (1900 г.; в 1905–1918 гг. - Чешская прогрессивная партия), стремившейся к автономии Чехии в составе Австро-Венгрии. С декабря 1914 - в эмиграции (Женева, Париж, Лондон, Чикаго, Вашингтон, Бостон и др.). Основал в Париже Чешский (затем Чехословацкий) Национальный Совет (1915 г.), ориентировавшийся в вопросе создания самостоятельного чехословацкого государства на Антанту. С мая 1917 г. по март 1918 г. в России, стремился сблизиться с партией кадетов. В речах и заявлениях поддерживал политику Временного правительства. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно. В ноябре 1918 г. Национальным собранием Чехословацкой республики был избран президентом (переизбирался в 1920, 1927, 1934 гг.). В общей сложности был президентом Чехословацкой республики с 1918–1935 гг. Во внешней политике ориентировался на западные державы. Умер 14 сентября 1937.

Медек Рудольф (1890–1940), родился в 1890 г. в чешском городе Градец Кралове в небогатой семье. Он окончил педагогический институт и до 1914 г. работал учителем в своем родном городе.

Вскоре после того, как он был призван в австрийскую армию, он получил офицерский чин, и в конце 1915 г. на галичском фронте перешел к русским. Весной 1916 г. он вступил в чешский легион и проявил себя в битве вблизи украинской деревни Зборов. За эти заслуги Медека в 1919 г. назначили начальником военного управления чехословацких легионов. В декабре того же года он вернулся на родину и поселился в Праге. Также известность Медеку принесла его литературная деятельность. Первых два сборника стихов «Полночь богов» и «Перстень» он опубликовал еще до войны, после войны издал сборники «Зборов», «Львиное сердце», «Живой круг», «Речь судьбы» и многие другие. Кроме того, в течение 20-х годов вышел в свет монументальный цикл из пяти романов писателя, военная пенталогия «Огненный змей», «Великие дни», «Остров в буре», «Могучий

сон» и «Анабазис». Его романы и стихи были несколько раз оценены государственной премией, сам Медек в 1931 г. получил звание генерала. Кроме того, ему в 1920 г. поручили руководство строительством мемориала освобождения народа на холме Витков над Прагой. Медек был его директором до немецкой оккупации Чехословакии в 1939 г. Умер в августе 1940 г.

Сыровы Ян (1888–1971), участник Первой мировой войны. Командир 2-го полка Чехословацкого корпуса, с марта по май 1918 г. В ходе выступления корпуса против советской власти командовал чехословацкими войсками в районе Курган – Челябинск – Омск – Екатеринбург в период с мая по август 1918 г. Командующий Западным фронтом и чешскими войсками, а также войсками Российской армии Уфимской Директории с 12 августа по 24 декабря 1918 г. Командующий Чехословацким корпусом с августа 1918 г. по сентябрь 1920 г. После эвакуации Чехословацкого корпуса в сентябре 1920 г. из России через Владивосток вернулся в Чехословакию. В чехословацкой армии с 1920 по 1938 г., занимал ряд высших офицерских постов: начальника Главного штаба, генеральный инспектор армии, военный министр в 1938 г. Осенью 1938 г. назначен премьер-министром.

Чечек Станислав, капитан чешской армии. 2 сентября 1918 г. получил звание генерал-майора. Участник Первой Мировой войны: офицер в Чехословацком корпусе. Принимал активное участие в вооружённом выступлении Чехословацкого корпуса против Советской власти весной–летом 1918 г. Командир группы войск (около 8000 человек) и с сентября 1918 г. командир 1-й Чехословацкой дивизии Чехословацкого корпуса в районе Пенза–Самара. С 15 августа по 12 октября был командующий Поволжским фронтом Народной армии. 2 сентября 1918 г. был назначен командиром 1-й Чехословацкой дивизии. С января по сентябрь 1919 г. командир группы Чехословацкого корпуса в Сибири. В составе Чехословацкого корпуса в сентябре 1920 г. эвакуирован из Владивостока в Чехословакию.

Шокоров Владимир Николаевич (1868–1940), родился 15 июля 1868 г. Закончил 3-й Московский кадетский корпус 1886 г., Александровское военное училище 1888 г., а затем Академию Генштаба.

Генерал-майор, в 1917 г. был назначен командиром Чехословацкого корпуса. В эмиграции жил в Чехословакии.

Штефаник Милан Ростислав (1880–1919), родился 21 июля 1880 г. в семье евангелического священника. Окончил Пражский университет; с 1904 жил во Франции (в 1910 принял французское гражданство), выполнял специальные поручения (дипломатические, разведывательные и др.) властей. В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. служил офицером (с лета 1918 генерал) во французской армии. В 1916 г. вошёл в состав Чехословацкого Национального Совета (Париж). Занимался формированием чехословацких воинских частей (из военнопленных, эмигрантов в странах Антанты и США). С октября 1918 г. военный министр в чехословацком эмигрантском Временном правительстве. Участвовал в осуществлении интервенции Антанты в Советской России.

С осени 1918 г. он находился при Чехословацком армейском корпусе в Сибири в связи с вооружённым выступлением чехословацких легионеров против советской власти в России. По его предложению было принято решение о переброске легиона в тыл, а затем в Чехословакию. В начале 1919 г. Штефаник вернулся в Европу.

Погиб в авиакатастрофе 4 мая 1919 г.

Источники: Волков Е.В., Егоров И.Д., Купцов И.В. *Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны*. М., 2003; Волков Е.В. *Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования*. Челябинск, 2001; Гинс Г.К. *Сибирь, союзники и Колчак*. Пекин, 1921; Клавинг В. *Гражданская война в России: Белые армии*. М., 2003; Малевич О.М. *Томаш Гарриг Масарик // Вопросы истории*. 2004. № 11. С. 58-80; Плотников И.Ф. *Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России*. М., 2002; Трухан Г.А. *Антибольшевистские правительства России*. М., 2000; Цветков В.Ж. *Генерал Дитерихс, последний защитник Империи*. М., 2004; *Уральская историческая энциклопедия*. Екатеринбург, 2000.